Я
ОТАР КУШАНАШВИЛИ
книга-месть
ГЛАВНАЯ СЕНСАЦИЯ ГОДА!
отчаянная публицистика
Автор, скорее всего, НЕ получит премии «Букер» и «Большая книга»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

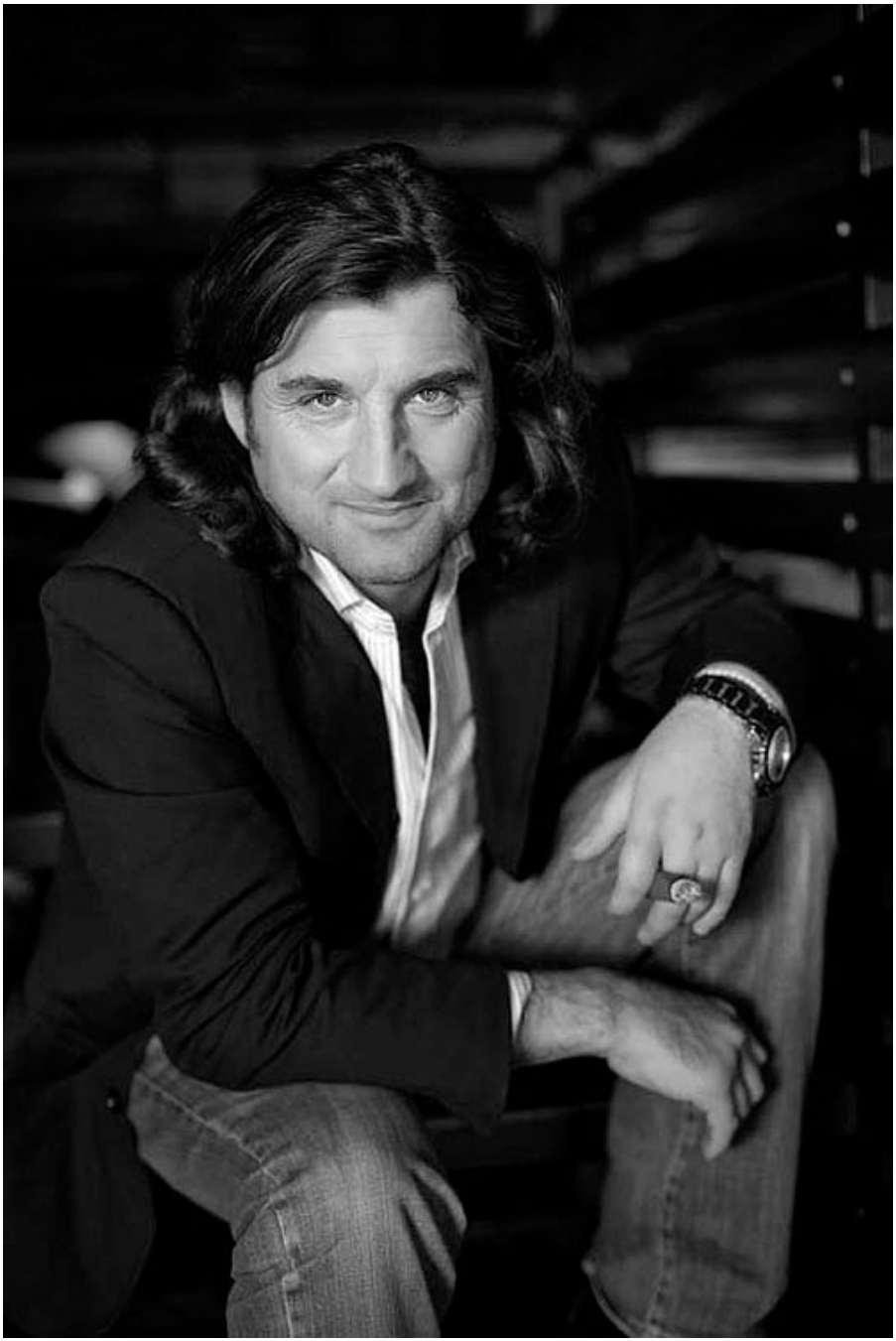
Книжки, одна говеннее другой, написали ВСЕ: даже факинг модели и факинг сутенеры с мордами чуть выразительнее булыжников. Книжки, говорю же, КНИГИ нет ни одной. Весь прошлый год ушел на то, чтобы наладить отношения с собственной головой. Большая часть этого – чтобы создать Книгу! Все-таки по страстной биографии если судить, равных мне нет. Да, признаю, я самый неровный, самый расхристанный сукин сын из гениев, живущих в России. Я решительно не могу скрывать, что мой IQ – самый высокий в стране, не беря в расчет безусловно превосходящих меня в этом компоненте Медведева и Путина… А вы, говоря обо мне, употребляете густой мат и двухэтажные комплименты: я заслужил и то, и другое.

- Отар Кушанашвили
  - Текст об авторе от избранного
  - Предисловие
  - Факинг пролог
  - Глава, в которой автор очень рискует и пишет открытое письмо Дмитрию Анатольевичу Медведеву
  - Глава, в которой автор рассказывает о себе все!
  - Глава третья, в которой говорится об Алле Борисовне, Отарушках Интернешнл, двух известных братьях, а также о том, чего нельзя спускать Эрнсту
  - Глава, в которой много добра, зла и нашего шоу-бизнеса
  - Глава, в которой рассказывается о женщинах, отдавших автору сердце
  - Глава, в которой немного о спорте и одном хулиганском поступке
  - Глава предпоследняя, в которой речь пойдет о кино и некрасивых скандалах
  - Глава, видимо, последняя, так как в ней автор пишет открытое письмо Эрнсту
  - Эпилог
- notes
  - 1

Отар Кушанашвили
Я. Книга-месть

Текст об авторе от избранного

Отар, которого вы не знаете



«Это мой удел – служить виньеткой на телевидении», – пошутил как-то про себя мой закадычный товарищ Отар Кушанашвили, имея в виду свои частые появления на телеэкране в качестве гостя и «эксперта по всем существующим вопросам». Своей трибуны на ТВ у него сегодня, увы, нет. А ведь телевидению он отдал лучшие годы – «Партийная зона»,

«Большой куш», «Акулы пера», «На бульваре с Отаром» и т. д. Программа «Акулы пера» во многом благодаря его яркой эмоциональной словесной эквилибристике стала одной из самых рейтинговых на отечественном ТВ в 90-е годы. Но Отар не прижился на телевидении, в силу своего непрогнозируемого поведения и взрывного характера. «Я готов прогнуться под изменчивый мир, если от этого стану богаче», – сказал мне как-то Отар. Хотя, по правде говоря, если бы он умел прогибаться, то давно бы уже был если не богатым, то состоятельным. Наверно, поэтому всю свою кипучую энергию он сублимировал в область «отчаянной» печатной (а временами и «непечатной») публицистики.

Есть другой термин, придуманный американским журналистом Хантером С. Томпсоном, характеризующий творческий метод Отара: «гонзо-журналистика». Это когда описываешь не сами события, а пишешь про себя на фоне событий, явлений, людей. Возьму на себя смелость заявить, что у Отара и профессора «гонзо-журналистики» Томпсона много общего. Не только в манере письма, но и в саморазрушительных образах жизни обоих персоналий.

Дизайнер Филипп Старк признался как-то в интервью, что с самого начала был в профессии не зрителем, а актером. Точнее не скажешь. Отар никогда не довольствовался ролью зрителя и статиста. Всегда был актером, играя роль «плохиша» и «цветка зла». Он просек, что эти образы лучше продаются и приносят больше всего дивидентов в современной журналистике. Он сам приложил невероятные усилия, чтобы демонизировать свой экранный образ до такой степени, что некоторые уже верят, что по ночам у него из ноздрей вылезают змеи.

Отар умеет наворотить таких словесных конструкций, что объекты его «отчаянных» исследований (чаще всего поп-звезды) теряются в догадках: «обсирает» или хвалит? Про какого-нибудь известного артиста он может выдать, например, такой пассаж: «Артист N на сцене выглядел так нелепо, что его даже не надо было окошмаривать оптикой». «Неужели артистка X научилась давать интервью? Насколько я знаю, она и двух слов связать не может», – поинтересовался я у Отара после его общения с одной из выпускниц «Фабрики звезд». «Она оправдала твои ожидания, – ответил мне Большой Куш. – Она пять минут внимательно слушала мой вопрос, потом также внимательно пять минут молчала».

Отар конструирует свои речевые обороты из, казалось бы, абсолютно несочетаемых ингредиентов: собственных наблюдений за жизнью и подслушанных разговоров в баре, строчек из стихов

Бродского и Мальденштама и фраз, выдернутых из интервью, например, Филиппа Киркорова. Выдержки из музыкальных рецензий журнала «Афиша» могут соседствовать в его статьях с диалогами из сериалов «Альф» и «Клан Сопрано». Временами кажется, что он при любой возможности, как у Пелевина, «с гиканьем угоняет в темноту последние остатки простоты и здравого смысла». Но при этом оторваться от написанного им невозможно.

Я, как никто другой, знаю, что многих раздражает разнузданно-крикливая манера Отара вещать на разные темы, как будто он дока во всём. За это ему часто доставалось от критиков. Как его только не называли: и «эпилептическим шоуменом», и «всадником сексуального апокалипсиса без головы», и «интеллектуальным ковбоем, занимающимся эстетизацией безумия и пороков». Кто он? Не знаю. Могу сказать одно – он мой друг. Но Отар даже свою собственную жизнь сумел так мифологизировать, что даже мне, человеку, который знает его давно, очень сложно отделить правду от вымысла. Вам это будет сделать еще сложнее. Поэтому даже не пытайтесь. Просто читайте.

Владимир Полупанов,

обозреватель «АиФ»

Из Википедии:

Отар Шалвович Кушанашвили

родился в грузинском городе Кутаиси 22 июня 1970 года. Еще в школе решил стать журналистом и публиковал заметки в газете «Кутаисская правда», все гонорары отдавал родителям. Получив среднее образование, поступил на факультет журналистики Тбилисского университета, откуда его отчислили за «негрузинское поведение». Поняв, что со своими свободными взглядами в Грузии ему не прижиться, уехал в Россию.

Фото: Анатолий Ломохов

В Москве работал ночным сторожем в школе, мыл полы на Павелецком вокзале. Однако вскоре фортуна ему улыбнулась, и он стал корреспондентом газеты «Новый взгляд», а затем перешел на телевидение. Широкую известность получил как герой программы «Акулы пера», был ведущим развлекательных музыкальных передач «Партийная зона» на канале «ТВ-6» и «Обоzzz-шоу», программ «Большой куш» на СТС и «На бульваре» ДТВ. Кроме того, вел программы на радиостанции «Европа плюс», писал авторские колонки для журнала «Ом» и газеты «Аргументы

и факты». Был возведен в ранг российского героя после того, как в 2004 году во время матча сборных России и Португалии по футболу выбежал на поле, протестуя против удаления из игры вратаря Сергея Овчинникова. За пробежку к судье Кушанашвили был оштрафован на 2500 евро и осужден на два года условно. Имеет успешный актерский опыт, снимался в юмористическом сериале «33 квадратных метра», заслужив целый букет наград.

Предисловие

Я никогда не был силен по части кованого слога, чеканных формулировок, но, учитывая исключительность момента, на сей раз выдам формулу, которую изобрел и каковой вооружился как раз для того, чтобы объяснить, зачем я после всех сутенеров и проституток взялся за книгу и как я ее буду сооружать.

Формула проста, как депутатское желание обогатиться за наш счет: намерение плюс долг минус кривляние (от чего порой, ввиду моего психоэмоционального устройства, удержаться нет мочи).

По обе стороны Цейлона должны знать, что я не писатель. Я – парень, который признаться готов, что обожает дензнаки, но не готов ради них на мужеложство. И признает за собой некоторую устную и письменную беспечность в суждениях на разные темы. Но только некоторую.

Когда в 1993-м, год спустя после приезда, по ТВ сказал не помню кому: «Пошел ты в жопу, фанерная мразь!» – я стал считаться ходячей погибелью цивилизованного мира.

Сейчас, в разгар густопсовой корпоративщины, про кого-нибудь сказать, про выпускников «Фабрики» той же, что они не поют, – значит немедля прослыть дерзким.

Клише правят миром.

А я ненавижу клише!

Я решительно не могу более скрывать, что мой IQ (айкью) – самый высокий в стране, не беря в расчет безусловно превосходящих меня в этом компоненте Медведева, Путина и – на момент написания этих отчаянно мужественных строк – десятимесячного Даниила Отаровича.

А вы, говоря обо мне, употребляйте густой мат и двухэтажные комплименты: я заслужил то и другое.

Хоть я такой же, как все: порежусь – и пойдет кровь, смею надеяться, я самую малость умнее выпускника «Фабрики звезд», и всякую секунду помню, что еще в двадцать лет я знал по-русски только: иди на х…й и еб…ться.

Вам придется отринуть обыденный тон, читая эту книжку, вольно-невольно.

Эта книженция не об устройстве Вселенной, а о том, как случилось так, что режиссеров полно, а Тарантино один, что журналюг армия, а Кушанашвили один.

Будь ты хоть трижды Артемий Троицкий, а данность признавать надо.

Вы имеете дело с человеком, у которого была Великая мама и

был Великий отец.

Много ли Вы врете?

Приходится. Но это ведь искусство. Надо врать так, чтобы скулы не сводило.

С человеком, ненавидящим в людях апломб. Мало мне ТВ, радио, Паутины; давайте посмотрим правде в глаза: книга есть книга.

Из нее можно понять, что автор есть существо образцовой жизнерадостности и образцовой депрессивности. Что он – живая реликвия каменного века, но при этом феерически выглядящая и острая умом.

При этом я маниакальный стилист, и не говорите мне х…йни, что мой слог не завораживает.

Для вас, наверное, нисколько не ново, что я пишу затейливо, что мой слог, мое письмо отличает невероятное формальное изящество.

Вот вам изящная мыслишка: если бы все шоубизнесмены, которых я считаю мразями, решили бы в один момент уехать на каникулы, в стране не осталось бы и трех из них (а их, мразей, три миллиона).

Мишка Джексон молвил: «Чем больше звезда, тем больше лжи» – и ведь прав был святоша Майкл, вами убитый великий певун!

Мне кажется, что мне уже тыща лет, и моя главная надежда относительно себя самого заключается лишь в том, чтобы не просрать то, что есть, перестать стесняться того, что я чертовски талантлив, и заработать миллион (не грузинских лари).

P. S. Да утешит вас Отарик в скорбях ваших, да укажет вам он на то, что рожа без улыбки – рожа малоприятная.

О. К.

Фото: Геннадий Грачев

Факинг пролог

…А что речи нужна позарез
подоплека идей И нещуточный повод,
так это тебя обманули.

Какой-то факинг поэт

Книжки, одна говеннее другой, написали ВСЕ: даже факинг модели и факинг сутенеры с мордами чуть выразительнее булыжников.

Книжки, говорю же, КНИГИ нет ни одной.

Вместо нормальных эмоций павианьи вопли; вместо намека хотя бы на нормальную аналитику густопсовое самолюбование; в мире, где тотальная эмоция называется черствость, где всем насрать друг на дружку, где шутка с восьмикратным употреблением слова «жопа» считается образцовой, чего вы еще ждали?!

Сколько Вам лет?
Сорок. А я все еще здесь.

Я выждал факинг паузу, терзаясь колебаниями: надо? не надо? кто я, чтоб бумагу марать? А после утешил себя тем, что напишу книженцию (не книжку: книженция звучит фундаментальнее) для папы, в память о маме и ради множественных (семь на сегодня) детишек.

Все-таки по страстной биографии если судить, равных мне нет. Уже давно я числюсь символом успеха, но успеха странного; синонимом беспрестанной битвы с каверзами судьбы и славных побед над оными каверзами.

Да, признаю, я самый неровный, самый расхристанный сукин сын из гениев, живущих в России. Если хотите параллель, то ближе всех из западных ко мне ШОН ПЕНН (смотрите фото), из наших – МАРАТ САФИН.

Живя живи, учила меня матушка, полагая первейшим условием нормальности жизни неистовство, с каковым живешь. А это была самая масштабная персоналия, доложу я вам, из всего, кого я знаю. На ее, мамы, примере я уяснил, что можно разом быть гением и человеком. Теперь, окруженный шоу-бизнесовой педерастией (или как еще этот легион окрестить?), я лукаво улыбаюсь: нет, братцы, под ваш тотальный распад духовного вещества я не попаду, е…лей в жопу меня не заразить.

Пишу это для всех, кому душно от одинаковых рож, песен, фильмов.

Прошу рассматривать мои записи как апологию жизнелюбия, как яростную саморекламу, ибо убежден я: лучше меня никого нет, ибо только в моем случае гений и хороший вкус всегда ходят об руку; я научил петь СТИВИ УАНДЕРА, да что там – мыслить человечество; даже Рыжего Иванушку я научил раскусывать в мудреных книгах смысловые темноты.

Молодые тупицы шастают по белу свету в поисках того, с кого делать жизнь… Глупцы, вот он я, фак ю, учитесь пока не поздно.

Первый и последний в истории грузинский трудоголик.

Предтеча всех шоуменов, всяких КАМЕДИ КЛАБОВ и ШНУРов; но в противность им никогда не живший на дотации, впрыскивания, вспоможения, спонсорские подачки: все сам, в одиночку.

Под неутихающий аплодисмент в каждом городе, в каждом зале. Уже, мать твою, пятнадцать лет.

Я сам себя назначил талантом и спозаран уже пятнадцать факинг лет корплю над удержанием звания. Во мне уживаются ангел и демон, но ангела во мне больше, спросите у ИВАНА ДЕМИДОВА и моей кошки.

В предисловии к книге почившего моего второго папы ЮРИЯ АЙЗЕНШПИСА, про которого здесь и далее будут обильные куски, я написал, что хочу стареть, как РИЧАРД ГИР, а не как чмыри в наших палестинах, предающиеся воркотне упыри-лузеры.

Подтверждаю. Как Гир, как РАМАЗОТТИ, как ШОН ПЕНН. Положительно, это мои герои, как я герой для тех, кто на свое несчастье родился обаятельным и прочел миллион книг.

Вы должны это прочесть, чтобы не терять связи с живым контекстом. Чтобы напомнить самим себе, что кроме «9 РОТЫ» есть фильм «МАГНОЛИЯ», кроме братьев ЧАДОВЫХ есть ЭНДИ ГАРСИА, кроме БИЛАНА есть РАМАЗОТТИ, а кроме ВАЛДИСА ПЕЛЬША…

…есть Я. Просто охуительный парень.

Фото: Катя Гайка

Издательство ЕЩЕ РАЗ предупреждает: книга не предназначена для людей с неустойчивой психикой

Глава, в которой автор очень рискует и пишет открытое письмо Дмитрию Анатольевичу Медведеву

Открытое письмо Медведеву

Любезный Дмитрий Анатольевич,

через десять дней мне сорок, я известен в узких кругах, в этих кругах Вам скажут, что я малый неплохой, маниакальный стрекулист, многодетный папа, помогаю людям бороться с депрессией; Вы можете мне не верить, но я знаю значение слов «экзистенция» и «интерпретация», люблю Стиви Уандера и «Иванушек», актера Шона Пенна, не люблю педантов, буквоедов и страну Португалию (простите, но я там сидел); считаю, что Грабового нужно посадить навсегда, а детей целовать каждые пять минут.

Мне без малого сорок, моя келья полна призраков, я могу часами рассказывать о целительной роли бессонницы в жизни нормального парня.

У меня за плечами развод, а это… Вам лучше не знать.

Г-н Президент, из писем неуемного публициста Минкина Вы знаете, что в стране происходит много-много значительного.

Вот, например, моя книжка, блестяще написанная, вышла.

Я остроумен, как Черчилль, эмоционален, как певец Рамазотти, амбициозен, как Сурков, иногда, стыдно признаться, как Хлестаков с его напыщенной мутью.

Я образцовый работник, с меня стружку снимать не за что; я – интеллектуальный ковбой с грустными глазами; успеваю нажать на спусковой крючок раньше любого оппонента; спросите моих оппонентов: мои трассирующие шутки ядовиты.

А иногда, знаете, я не стыжусь струящихся потоков слез. Вот, например, когда наши балбесы в Вашем присутствии продули в Мариборе, безвольные стервецы.

Много лет назад, когда я принял участие в передаче «Акулы пера», артисты объявили меня погибелью цивилизованного мира, а люди – своим любимцем, который просто обязан терзать артистов от их, людей, лица.

Я отчетливо помню себя тогдашнего: я приехал из Кутаиси, работал в газете, и мне казалось, что артистов можно

расспрашивать не только о творческих планах.

Только не говорите, что и Вас не захватила эта, теперь уже легендарная, программа своим расхристанным, что ли, духом. Мной. Я пишу эту эпистолу, уверенный, что Вы знаете, кто я такой.

Недержание слов – мой бич.

Я бываю простодушен, как полевой цветок. Бываю простофилей, но чаще – притворяюсь.

Широко и блестяще пишу о футболе, глумлюсь над новым русским кино, один из образчиков которого купил на Горбушке; знаете, как величать образчик? «Съешь мое семя».

В смысле весомости любое мое заявление априорно резонансное. Есть даже некоторые люди, убеждающие окружающих, что мои писания искрятся остроумием. Во времена, когда самый повествовательный жанр редуцируется до сообщения в «Твиттере», я ладный и складный рассказчик, но нос высоко не задираю.

Хорош я в жанре бессвязных заметок под влиянием теплового удара или дождя.

Тех, кто мне хамит, могу подвергнуть карательной медицине.

Силен и по части ячества, что твой Евтушенко, и по части самоиронии, что твой Андрей Григорьев-Аполлонов.

Прочитав эту книгу отчаянной публицистики, Вы поймете, что равных мне в словесной акробатике нет, мой «вокал» безупречен, мозжечок эффективен.

Я носитель щепетильной викториански-грузинской чувствительности, и я спрашиваю Вас, Верховного Нашего Работодателя: почему я, ума палата, в полной мере до сих не востребован?

Нет мне места в грязной реальности индустриальной революции, что ли? Хинштейну есть, а мне нет? При моей-то лютой профессиональности? При моем умении с открытым забралом биться с себялюбцами густопсовыми, которым на Родину насрать?

Вот Вы, умеете жить в гармонии с хаосом? Я – умею, и хаос боится меня, а гармония любит. Скажите об этом Суркову, пусть на чай пригласит. Не все им с Колесниковым друг дружку читать, иногда нужно знакомиться с образчиками безупречной выделки словесной ткани.

Ваши аналитики описывают состояние умов в стране как «трудное». Но я – вот он Я, и что же, искуситель Вы мой Верховный? Я брошен писать о фанерных артистах, с моим-то гибридом мозжечка и пронзительного взора! Под носом у вас. Я – злейший супостат всех тупых, объект любви утонченных натур.

Пройдет год, много два, у меня случится самый пик формы, Вам как раз будет нужен хоть один гений в окружении, умеющий даже изо льда делать порох; предавший анафеме грузинский режим; парень с маскулинной внутренней сутью, сочетающий в себе пассионарность с гипертрофированной неуступчивостью.

Да дамский угодник, наконец!

Все – в одном.

Обернитесь, по сторонам осмотритесь: ходячие декорации.

Тогда как Вам надобен я.

«Замкнувшись в мыслях о себе, Земного счастья Он лишился».

Это, конечно, не о Вас. Это о многих из тех, кто с Вами работает.

Позаботьтесь обо мне, и я научу Вас извлекать из общения с кем-либо максимальные молекулы счастья.

Поскольку моя профессия не приносит в нашей стране ни х… я, я уж хотел бросить ее, оставив вам минкиных и троицких с их шаткими представлениями если не о морали, то о последовательности хотя бы.

Я популярнее, чем Обама в Америке, но после развода уже не накопить на недвижимость размером с конуру.

Уж если я, чей мыслительный репертуар богаче, чем у Эйнштейна, не заслужил званий и коттеджей, уж я не знаю тогда, кто заслужил.

Не футболисты же наши, с их старообразными лицами в 25, по осени опозорившие нас.

Я читал, Ваш наперсник Путин встречался с Якеменко, и они снова судачили про таланты. Какие могущественные силы должны Вас заставить осознать, что: а) вот он я, рядом; б) бесталанный (Якеменко) таланты курировать не должон!

Замените мною Его, и я тогда удостоверюсь, что гений и хороший вкус иногда ходят об руку.

Надоело быть «Белым, Бледным, Бедным и Больным». Особенно бедным.

Излучающим неслыханный магнетизм, соединившим два разрозненных мира – алгебру и гармонию, раскрывшим теорию суперструн, но – бедным, как статист.

Другими словами, эскапизм не про меня, я хочу быть полезным, создавая шедевры, какие только я и могу создавать.

Не дайте мне состариться, как де Ниро, – некрасиво, дайте – как Ричард Гир (в этой же книге найдете высокооктановое эссе про старение).

Только, пожалуйста, без апофегм!

Они нужны для балансирующих на грани морального дефолта, а у меня дефолт финансовый, с моралью я дружу,

изредка ссорясь.

Вам надлежит только разыскать меня, что само по себе дело плевое: вон сколько церберов наизготовке!

В моем лице обретете наконец решающее подкрепление, активное в области утверждения превосходства Белого над Черным, могущее об колено сломать всех Ваших супостатов, доведя их до афазии.

Жду от Вас звонка и ангажемента на чай, Главный.

Отар Кушанашвили,
с пиететом

P. S. То есть, наверное, найдется масса свидетелей тому, как я кричал: ***«Анатолич, зае…ала невостребованность, зае…ало безденежье!»***, но это наверняка было спьяну… Хотя, по сути, правду орал.

Глава, в которой автор рассказывает о себе все!

В Москву

В тот далекий день, когда мне исполнялся 21 год, я готовился к отъезду из Кутаиси в Москву. Было продано все, что можно, – пишущая машинка, боксерские перчатки и даже магнитофон, на который с трудом скопили родители. Я пребывал в чрезвычайно угнетенном состоянии духа и ни о каком дне рождения не помышлял. Но в Грузии так не бывает. Когда приперся домой, увидел стол с любимыми хачапури, напеченными мамой, и кока-колой. Кроме того, там было множество знакомых… моих друзей и родственников, которых, в свою очередь, тоже было множество. Так меня даже в армию не провожали. Сначала заставляли пить чачу, потом я на спор съел дюжину хачапурок. Причем никто не пытался мне ничего подарить, считая, видимо, что грузину, отъезжающему в Первопрестольную, и так должно быть хорошо. Дальше не помню, по-моему, меня пытались подстричь (в то время я носил длинные волосы). Больше всего измывались родственники – тогда еще я не знал, что вскоре они потянутся, как весенние грачи, вслед за мной в столицу. Это был мой последний день рождения на родине. Наутро очнулся в поезде. В карманах хачапури, в сумке несколько бутылок из-под фанты с великоградусной жидкостью. Слава богу, не забыли положить деньги. Пробомжевав некоторое время на Павелецком вокзале, откупаясь от ментов чачей, я начал штурм того, что здесь называется шоу-бизнесом. Теперь я – великовозрастный инвалид, господин вдохновенных строчек, раб дэдлайнов, слуга возбужденных детей, алиментщик несчастный!

Я никогда не понимал, в чем прелесть Дженифер Энистон и Дэвида Духовны.

Я знаю, и всегда знал, что в том, что я делаю, есть смысл.

Я ненавижу рассказы про интимные подвиги.

Я всегда боялся выходить на сцену, смотрелся простофилей, терзался.

Больше всего на свете я боюсь перестать развиваться.

Разумеется, мне не нравится, как я выгляжу, и, разумеется, это не главная моя проблема. Далеко.

Я слишком щедрый.

Не знаю, как у кого, но мне помогает только строгая до изуверства самодисциплина.

Для очень большого количества людей слово «звезда» синоним слова «ублюдок».

Я использую свои возможности на двадцать процентов.

По молодости я однажды снялся обнаженным. Между нами, я вышел убогим. С тех пор – ни боже мой.

Я сверхобразованный, и при этом каждый день ловлю себя на том, что не знаю ничего. Особенно когда общаюсь с детьми.

Я не знаю, что такое безупречный секс. Я знаю, что такое секс по любви. И, увы, без.

Боюсь людей, употребляющих часто слово «духовность».

Мой злейший враг – вспыльчивость.

Анафема тем, кто не доверяет Случаю! Мое доверие к случаю безгранично.

Однажды я разговаривал с Катрин Денев, еще один раз – с Шарлиз Терон!

У меня семеро детей (пока); за вычетом крохотного Даниила, все, уподобившись мне, питают слабость к трескучим фразам и обладают исключительной культурой вранья.

Та самая фотография, где я обнаженный

Как бы дневник

Костерить всех, утверждая, что российский шоубизнес – местность, где ни зги не видно, – только кажется предприятием легким.

В редакционных кадровых высях просят помягче. Пришлось

изобрести новый стиль: сарказм энд метафористика густая-прегустая. Я могу каждое утро записывать эти всплески энергетического остроумия, артисты наши щедрые в этом смысле, что ни день, одаривают фортелями, например, заговорят про свой дух или, как иначе, впадут в ересь, выкажут норов.

В отличие от нормальных людей, у этих и норов специфический, не тронутый, как им кажется, тленом.

Мне кажется, я никогда не давал повода своим поклонницам предать меня анафеме, мне кажется, я всегда был трепетен с ними.

Такие, как я, – приходят и уходят, они – вечные.

Им кажется, что их дух, в отличие от тленной плоти, бессмертен.

Ну-ну.

Может, это характеризует меня не с лучшей стороны, но, помимо Отарушек Интернейшнл, все прочие олицетворяют собой вселенскую глупость… Тут – да, я, пожалуй, перегнул, есть и другие персоналии, которым жмешь длань и не бежишь мыть культяпки тотчас.

Подскажите, как создать семью без проблем?!

Без проблем не получится. Надо быть идеальным человеком, но кто идеален?

Все обильные как сыпь звездочки попадают в мои хроники.

Они опростоволосятся – и я тут же сообщу об этом миру в

гордой противофазе с ордой тусклых пинчеров, не поспевающих за мной, алчным и зорким.

И вот что: на этой работе нужна короткая память. С долгой памятью свихнешься, нажравшись этой ереси, впустив в себя этих тараканов.

…Вот! Набрел на автоаттестацию. Еретик я, вот кто.

В «Останкино» знают, что я не гримируюсь.

Не из кокетства, я воюю за естественность. За «документалку». За вычетом тех случаев, когда перепью.

Воюю за ненакрашенную рожу, неровную походку и нервическую речь, за аутентичные эмоции. За мучительный подбор нужных слов. За открытость. За настроение, когда жмут ботинки, о будущем думается угрюмо, за децибелы. За чепуховые, но нужные аплодисменты. За расхристанность. За искоренение мусорных словечек.

За пространство ТВ, в котором не происходит ничего, но все возможно.

В это трудно поверить, но мало кто в «Останкино» умеет излагать мысли в логическом порядке. Ургант, Дибров, я.

Я слишком умен, чтобы быть дилетантом, а чтобы быть профессионалом, мне не хватает квалификации.

В моей вселенной кошки умеют разговаривать.

Я очень грустный – просто никто этого не замечает. Всех пугает моя манера поведения.

Мне перестали нравиться вечеринки. Я стал гораздо скучнее. И очень рад этому.

Может, это и к лучшему, что у меня случилась многолетняя пауза в обильных появлениях на радарах и не успел до смерти всем надоесть.

Когда кругом вспыхивали и гасли сами знаете кто, я выяснял – и наладил в итоге – отношения с собственной головой.

Я уверен, что я счастливее наших артистов.

Я представляю, какое количество людей желали мне сгореть в геенне огненной.

Я, конечно, первым делом пожелал бы им окунуться в кипящий котел по тому же адресу, но вынужден признать: недовольные правы.

Весь прошлый год ушел на то, чтобы наладить отношения с собственной головой. Я большой мастер все усложнять потому что.

Природа, одарив его тонким умом, непонятно за что наградила еще и чутьем на людей: ну, если я ему наперсник, то чего тут говорить?

Владимир Свет Полупанов – чувствительный публицист, самый близкий из ныне сущих.

Иногда, конечно, мы раздражаем друг друга: эмоциональные черти потому что. Едва ли Я, несносный малый, буду удостоен еще одной такой дружбы.

Ему не откажешь в чувстве юмора. Когда мы оказываемся за столом, равных ВП нет: фонтан, гейзер!

Он умеет быть изящным, насколько при мне можно быть изящным.

С дичайшим энтузиазмом мы жили и живем, иногда безмерно уставая от – почему бы не сказать об этом прямо? – безденежья.

Будучи качественным журналистом, ВП остается качественным человеком.

Записной остряк, как и я, возведший оптимизм даже не в принцип, но в ранг генерального условия нормальной жизни.

Сила хороших парней в том, что они не любят стадности, у них инстинкт последнего героя, они ранимы, но они – идут.

Прежде я старался для девического вздоха, сейчас прозрел – стараюсь для себя.

Я – существо образцовой жизнерадостности, научившееся – внимание! – не реагировать на хулу, я – живая реликвия

каменного века, неизбежно долговечная.

Буржуазным прищуром меня не очаровать, бодрячеством с помощью сленга не напугать.

Посему запомните: все попытки сделать из меня объект показательной порки чреваты тем, что вы услышите одно из крепких выражений дядюшки ОК: идите на хуй.

Я пошел в журналистику из-за Юрия Петровича Щекочихина, веселого праведника, человеколюбивого публициста и злобоненавистника-депутата.

Я написал ему письмо из Кутаиси; судя по всему, из жалости он мне ответил. Завязалась переписка. Я ни говорить тогда, ни писать по-русски не умел, пребывал в юношеской нирване, как есть пошлый грузинский шестиклассник.

Я тогда не афишировал свое желание стать журналистом, потому что был убежден, что засмеют. «Во глубине кутаисских руд храните гордое терпенье». В школе я был мышкой, в письмах к Юрию Петровичу – возвышенным фанфароном.

Кто Вы по знаку зодиака? Случайно не скорпион?

Рак, погибель цивилизованного мира.

Он был… родным… вот это слово, мне кажется, точное.

Скольких людей он исцелил от душевного ненастья, скольким осветил тропы!

Мэтр – и какой-то полуграмотный сопляк из Кутаиси, один из миллиона, кто отнимал жемчужное время.

По мне, он был одним из самых значительных публицистов. У него было много подражателей, изображавших многозначительность при очевидной муторности.

Человек из другого измерения. С большими глазами, бестрепетный. Вот для кого идиома «нравственная норма» была не пустым звуком.

Он писал мне, что журналистика – самая вкусная, но и самая тяжеленная работа.

В рамках советской парадигмы он часто упирался в тупик, но не отступал.

Статьи, сценарии, пьесы.

Если я что-то и умею, этому я учился у Юрия Петровича Щекочихина.

Аминь.

Все эти годы я слышу в свой адрес одну похвалу на триста филиппик.

Креста на мне нет, божьей искры отродясь не было, и каждый год – каждый! – мне поют отходную.

Я крестовых походов против скептиков и маловеров не организовывал, а step by step, не торопясь, опрокидывал мнение обо мне как о дегенерате неожиданными поступками.

На смерть маленького гения Игорька Сорина из «Иванушек Интернешнл» я снял фильм (режиссер Сергей Дерябин), объясняющий магию его имени. Фильм внес смущение в телевизионную среду, отказывавшую мне в доверии, демонстрировавшую меня.

Я показал фильм в клубе «Кино» (одном из самых модных тогда), и, сколько помню, люди яростно хлопали и негромко плакали.

«Сохрани на холодные времена
Эти слова,
На времена тревоги».

А я фильм про Сорина сохраню, детям покажу.
(Он был – утверждаю – гением.)

Фото: Катя Гайка

То был летний вечер, мы с другом Витковским перекусили в городе, поехали к Сорину, к тому моменту генью-анахорету, наверное, самому харизматичному артисту из всех, кого я видел (по крайности, мало найдется равных ему).

Он был один в квартире-студии, там везде валялась масса книг, дисков, фотографий, скомканных листков. Разумеется, пахло травой.

После кончины объявился миллион свидетелей, утверждавших, что ИС нюхал и кололся.

Я видел его странным, но утверждать…

Я знаю одно: Он был Маленьким Гением!

И если б История была подругой условному наклонению, он был бы сейчас Принцем, Ленни Кравитцем, Яном Брауном, хрупким Синатрой, наш маленький Сорин, оставивший нас одних наедине с нашими слезами и мыслями о хорошем.

…Многих 90-е погубили, по мне, они были целительными.

Дело в отношении. Для одних лампа струит свет, другим режет глаз.

Меня они – при всем наружном безумии – дисциплинировали. Говорю же, исцелили от зазнайства.

Я как будто специально нарывался, ломал дрова, в чем очень даже успел.

Я маниакально много работал, не зная устали, не ведая депрессий, педантично, шаг за шагом осваивая ремесло.

В часы усталости духа я всегда нежно вспоминаю эти годы, которых лучше не будет, и не надо.

Я написал тогда столько многозначительной мути! Смешно: еще полагал себя изрядным сочинителем.

Да и сейчас, если с умом, можно многое извлечь из давно осевшей пыли. Чтоб поздние, нынешние поступки и писания не обвисали дряблыми старческими мышцами.

Бог Небесный! Кем бы я был, кабы не 90-е? Слабаком без владения приемами полемики, иронии, манифеста, дюжинным квазиостроумцем, фрондером, Хлестаковым.

Я тогда определялся с Верой, и определил, что верю только в себя.

Отрицал эвфемизмы, это теперь только так изъясняюсь.

Был стремительным.

Хотя, по-моему, таковым и остаюсь.

Что, возможно, и предопределило мое относительное долголетие.

Кутаиси

Ваш покорный – грузинский Евтушенко из города Кутаиси, где я переживал и горе, и радость, первые горе и радость, где на балконах слушали итальянскую музыку, где старые улочки излучают магнетизм, порожденный сошедшимися физикой и лирикой, воздухом, который можно есть, и рассветами, во время которых не стыдно плакать.

Что Вы можете сказать о проблеме в Грузии на сегодняшний день?

Там не все так, как вам рассказали.

А я с мамой и папой болтал, когда наезжал на вакации, в пять утра – и так каждое утро! Сообщал им о своих решениях, всегда получая добро.

Если вы склоняетесь к эскапизму, вам нужен Кутаиси, он сразит вас улыбчивостью и затейливой архитектурой, сверкающей оранжерейностью; подкупит историей, включающей рождение под городом В. Маяковского и блужданию по парку О. Кушанашвили.

Кутаиси – это возмездие Бога за удушье будних хлопот, меткое попадание в смысл, любой кутаисец – магистр света, адепт чистого добра (я про себя в первую голову). Это место, где ты внимаешь небесам, рассветам, закатам, но делаешь это не напряженно, но расслабленно. Кутаиси – город, начисто лишенный апломба, но проспект Чавчавадзе, где вызревал ваш любимый трибун, имел все задатки гетто с тягой к кулачному выяснению истины.

Кутаиси – город самолюбивый, не выносящий нравоучений, его отсутствие болезнетворно; это частичка моя!

Мой город кому-то дарует звание магистра тьмы, кому-то – адепта чистого добра.

Надо встать спозаранку, как я люблю, и взглянуть на рассвет в горах, попрощаться с гравитацией.

Я до сих пор пребываю в своем кутаисском чину, как есть пошлый кутаисский парубок.

Иногда мне становится так тоскливо, что я готов осыпать ласками каждый кирпичик каждого кутаисского тенистого дворика, где – в каждом! – живая хроника внутренних борений, таких же, как я, путево-непутевых.

Природа одарила моих детей визуальностью незаурядной, тонким умом, такой же душевной организацией, самою изощренной эмоциональностью; едва ли этот букет присущ другим детям.

Это мой дядя Федор.

Он умел – а теперь, верно, умеет более с дичайшим энтузиазмом выделывать качественные фортели.

Я давно его не видел.

Но, будучи записным оптимистом, я уверен, что – увижу.

О целительной роли Кутаиси в жизни каждого магистра света можно рассказывать часами, а можно в парке Пионеров рухнуть на скамью – и все понять.

Садись, ландскнехт, выпей водичку Лагидзе, только в этом городе такая концентрация вольготности и хрустального воздуха, втяни!

И вот, столь долго состоя при музах, я думаю, что пышностью

риторики своей я обязан моему Кутаиси, моей школе № 15, моему парку, где гоняли в мяч…

Что он такое – Кутаиси? Свет, много света. Зов родителей. Я плоть от плоти кутаисской.

Есть от чего заважничать, в принципе.

Кутаиси *– город в Западной Грузии. Расположен по обоим берегам реки Риони на высоте 125–300 м над уровнем моря. Население 186,400. В Кутаиси жил живописец Григорий Иванович Майсурадзе. Советский оперный певец Зураб Анджапаридзе родился в Кутаиси. В кутаисской гимназии учился Владимир Маяковский…*

P. S. Нью-Йорк не заменит Кутаиси, раут с Обамой двух секунд в нем. Книгу приобретший да уразумеет эту истину: там такие, как автор, не нарождались.

Мама

Вы, как я, готовы заявить, что до своих, как у меня, 99 лет храните верность раз навсегда выбранным ориентирам?

В лучшие времена моя мама осаживала несчастных оппонентов за три секунды, а когда на семью обрушивались несчастья, сжимала в упрямстве зубы.

У меня не было мужской ролевой модели, а она всегда была рядом.

Религия для Вас – это…

Я атеист. Но понимаю тех, кто Верует.

На сложные темы говорила, драпируя их деликатной лексикой.

Биография ее состоит из сиротства и беспролазной нищеты.

Она была безбрежно щедра.

Когда я приехал на похороны и предавался кручине, увидел, что проститься с ней пришел весь город, и понял, что в известном смысле она, мама моя, нетленна!

Страшная интенсивность, с которой она жила, сожгла ее. Интенсивность душевной жизни, смысл каковой состоял для нее в том, чтобы ее дети сделались людьми.

Сделались ли? Что и как тут ответить?

Ее улыбка снится мне. Ее улыбка, ее смех – арт-продукты высочайшего разбора.

Мне кажется, она умела быть счастливой. Даже когда глядела на нас, игравших роли ничем не довольных недорослей, привыкших, чтобы Она сама устраивала оттепели нам, эгоистично «снежным» соплякам.

…Все, кроме сами знаете чего, – прах, тлен, ноль, пшик, суета, пустота.

P. S. Раз ночью я примчал на машине из Тбилиси в Кутаиси. Минуя дом, приехал на погост. Целовал надгробие, плакал и пил.

Она плакала со мной.

Дядя Федор – моя боль, моя вина (из-за него в моей светлой башке кишат демоны).

Моя любовь.

Папа

Это Святая тема.

И страшная.

Состоящая, во-первых, из укоров себе, во-вторых, из укоров себе, в-третьих, из укоров себе.

Исказить правду – большой соблазн. Сослаться красиво на бренность жизни и тщету надежд – и исказить. Переплавить невзгоды в арт-продукт.

Я сам по себе нервическая особа, таковые мы все. Все глядим в Наполеоны. Все заперты в узилище разъедаемого безумием сознания эгоцентриков.

Перечисляя обиды накопившиеся, все мы только успеваем загибать пальцы.

Подобные ситуации, когда всякий считает себя правым, встречаются в каждой семье.

То, что начинается с сантиментов, обязательно заканчивается расчетом и расчетливостью.

Папа научил меня извлекать из общения с жизнью даже минимальные молекулы счастья.

Он умер в субботу, 24 апреля 2010 года, а в воскресенье пошел частый дождь со снегом.

Дядя Федор найдет меня.
Найду ли я нужные слова?
Я постараюсь.

Дети

У меня семеро детей (пока); за вычетом крохотного Даниила,

все, уподобившись мне, питают слабость к трескучим фразам и обладают исключительной культурой вранья.

Старшая, Даша, огневая барышня, с умными глазищами, с любовью к «Токио Hotel», полагающая всех, кто с ней не согласен, пациентами лепрозория и при известных обстоятельствах могущая уничтожить оппонента словом.

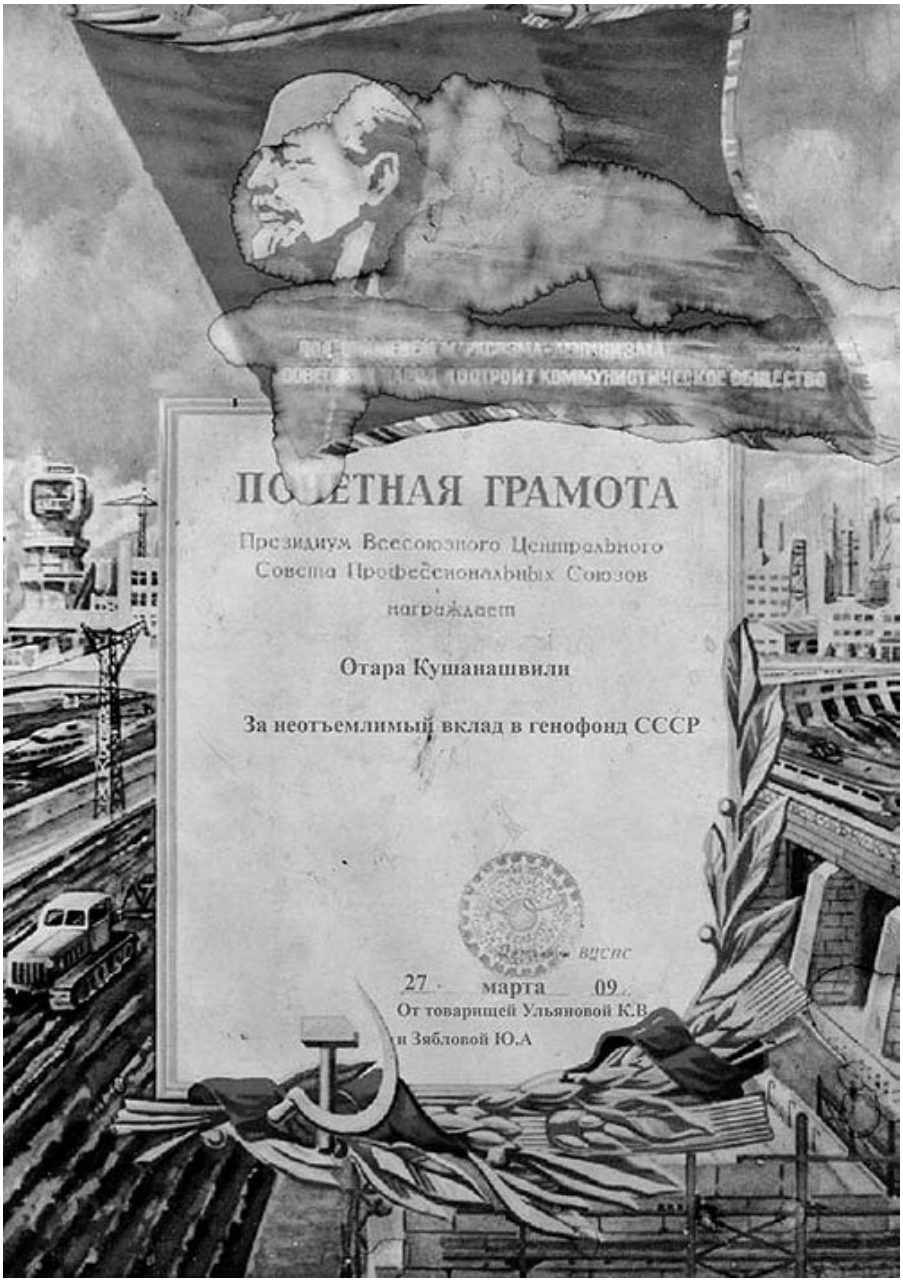
Она могла бы заменить любого из ключевых персонажей фильма «Безумный спецназ».

День без интриг для нее не день, но маленькая смерть.

Мы не поладили с ее мамой, я был идиотом, она красивая, но брутальная, Дашка росла без меня, я не знаю пока, как это сказалось, но, например, она стесняется быть сентиментальной, моя блаженная дочь.

Хитрюга она знатная, способна объегорить государство, и я не рекомендую ни вам, ни государству пытаться обхитрить ее.

Форменный дьяволенок, адекватно реагирующий даже на косой взор.



И этим все сказано!

«Льет ли теплый дождь, падает ли снег», Дашка всегда начеку; посылает учителей, мне пишет безапелляционно: приеду на такси, оплатишь.

Наши эстетические пристрастия полярны, но это как раз нормально, не будет же она проявлять чуткость к Гари Барлоу и к Эросу Рамазотти!

Совершеннейший холерик с уходами в скрипичную тоску, изливающий душу весьма избирательно, не впускающий в свою личную вселенную, как Эрос Рамазотти, абы кого.

Лучшая упрямица на свете, способная, сжав зубы, выжать из ситуации ли, из оппонента ли – все!

Если не хочет чего-то делать, найдет четыреста причин, драпируясь в красивые фразы.

Паче чаяния я оказался парнем, абсолютно лишенным тяги к дидактике. Именно что тяги – способность-то ого-го какая!

Увы, я занимался их мировоззрением тем, что не занимался им вообще, хотя в кругу друзей считаюсь экспертом по взаимоотношениям и отношениям с социумом.

Не верьте этому фото: совершенно небесное создание способно подвергнуть вас в панику с последующим бегством в секунду.

Даша хочет испортить биографию тем, что желает стать актрисой.

Мне и ей часто (чаще, чем, может быть, ей бы хотелось) говорят, как она похожа на меня.

У Вас есть дети на стороне?

Нет. Это не вяжется с моим представлением, как оно должно быть.

Это правда. Для сторонних – временами невыносима, не знающая удержу и чувства меры, редко-редко кручинящаяся (кручину считает бесплодной).

При живости ее натуры духовный тлен ей не грозит, черти ей не страшны, даже директор школы.

Я уверен, что Дашка состоится. Природа у человека такая. Не верит она в бренность жизни, хоть тресни. Не боится невзгод.

Жаждет успеха, торопится взрослеть, глядит в Наполеоны – в мерилстрипы.

Я могу предать анафеме кого угодно, но не детей; я сам-то вечный ребенок, Питер Шалвович Пэнашвили.

У нее, у Дашки моей, маскулинная внутренняя суть сочетается с гипертрофированной женственностью.

Она не приемлет моей водянистости, любит конкретику, даже в письме.

Не боится быть смешной.

И она долго-долго будет молодой.

Всегда. (Как ее папаша нерадивый.)

Одна дочь, Арина, у той вообще мировоззрение человека будущего. Она пишет стихи, рисует, пробует себя в прозе (на строчке «…ужели я покину эту юдоль плача, не повидавшись с тобой?» я впал в столбняк).

Глава третья, в которой говорится об Алле Борисовне, Отарушках Интернешнл, двух известных братьях, а также о том, чего нельзя спускать Эрнсту

Алла Пугачева

Она – красивая, потерянная, разудалая, смахивающая слезу, жалкая, жалостливая, томная, капризная, смурная, смирная, меланхоличная, роковая, доступная, недосягаемая, самовлюбленная, закомплексованная – теребила фотографа (про этого упыря ничего не знаю, тем более в кино его не было, но скорее всего это шустрила, они все шустрилы, как Боря Краснов, умело имитирующие кипучую деятельность, будучи самопровозглашенным авангардом альтернативного художества): ты так меня сними, зафиксируй для вечности, чтоб я получилась разухабистая и, как поляна зимой в горностаевой опушке белейшего снега, красиво-величавая, но смотри, гад, «чтоб никто и не заметил, как на сердце одиноко мне».

Заметьте, в песне песней нет сакраментального детального призыва морщинки убрать, как в книгах и в кино полнометражно, или там «разве тут подбородок не ниже дозволенного», в песне песней просьба, чередующая лихость со слезой, чтоб наблюдатель не наблюл, что трудно, слезливо, невозможно!

В жизни Аллы всегда наличествовала помесь навоза и зефира: навоз – это ее отчего-то редко ротирующееся окружение, навоз – это я, зефир – это то, чем она кормила и кормит, но реже теперь, нас с ложечки, потому что любит нас.

Секрет ее (величия) в том, что она рассматривает понятия в их базовом, незамутненном значении: жизнь она воспринимает как дар, историю своей жизни как столкновение невинности со злом (то есть это все в ней, как во всех нас).

Она знает про песню (я сейчас не только про песню, про фотографа и про никому не нужные слезы, я про способ жить) все; по крайней мере, то, чему не научат на «Фабрике». Не вот тот трафарет, мол, «строить и жить помогает», а тот антитрафарет, который гласит, что песня помогает дышать, исподлобья улыбаться и не бояться холестерина.

Она знает толк в науке облегчения людям жизни.

Они – люди, катаклизмы (людьми порожденные) – уйдут, испарятся, сойдут на нет, а Алла останется с нами, она каждой песней это обещала.

Ужели вы думаете, что декларации про уход серьезные? Ужели затем я плачу всякий раз, когда она воспаряет крещендо в «Трех счастливых днях», на строчке «Расставанье – маленькая смерть», пролетая над планетой Земля, чтобы ее, даже ввиду неслыханной выслуги умопомрачительных лет, вот так просто отпустить?! Не отпущу.

Я руками трогаю лучшие строчки ее лучших пьес; их можно нанизать на нитку и носить как бусы.

Люди в деревнях и на виллах почитают ее своей. Я имею на нее прав не меньше, чем предмет девичьего психоза Михаил Прохоров, который, говорят, помог ей учинить такой день рождения, что твоя инаугурация.

Ей, если не считать последней истории с внуком, априорно доверяют все поборники молодой демократии, все апологеты моего нелепого землячка Сталина. Она нужна всем, потому что всем нужна Песнь Песней. А ведь только она умеет такую пропеть.

Вот те самые «счастливые деньки»… Ведь свою их версию предложила и Агузарова, Великое Воплощение Ослепительной Буддистской пустотности. Ан волнения умов не случилось, уж на что умеет всякий раз напомнить, что даже кровь у нее зеленая, не то что у нас, плебеев.

Она пела как небрежный пастырь, не глядя в зрительный зал. Алла – будто охваченная сумеречной лихорадкой, прощаясь с душой, благодарной за 72 часа счастия знойного.

Столько лет летать на высотах недосягаемых, быть на всех радарах – и сохраниться.

Я не задружился, но это моя проблема, не ее.

Ее – в отсутствии конгениальных песен и людей.

Ты с кем угодно можешь валять дурака, но не с Аллой. При ней ты быстренько хвостик подожмешь, так она устроена. Оппозицию она быстро умеет усмирять; я знаю, сам был оппозицией.

Сначала меня смущало присутствие в каждой песне обращения к Богу. Распните меня, не кажется мне этот жанр удобоиспользуемым для подобных обращений! Да еще с очевидно деланным выражением неземной скорби на лице.

Пугачева, когда от нее далеко отстоит Галкин и она не беседует о своем величии с журналистом Гаспаряном, чистой воды шекспировской высокооктановости героиня.

Вступите, неучи, со мной в полемику!

Я предъявлю вам песню «Приглашение на закат». У нас давно,

лет 40, не было песен, вовремя застывших между аффектированностью и потаенными слезами. Эта песня, как и положено крепкой, разом рождает два ощущения: неуюта и, в противность, небессмысленности самоанализа. Добавьте харизму АБП и просто красивую мелодию: вот почему 99 из 100 ее коллег – ремесленники, а у нее это называется высоким служением.

Те песни, о которых я пишу, каждая из них, – наглядный урок запутанной истории души русской женщины, живущей не ради себя, полагающей жизнь без надрыва пустой.

Ее песни поет Леди, не выдумывающая чопорных претензий, но взыскующая предметного разговора на тему «За что?».

Расскажите подробнее о скандале с А. Пугачевой.

Он, скандал, был отвратным, потому что Он (я) был тошнотворным. Я был очень молод и очень глуп – и вся недолга. Славы хотелось.

Славу получил.

И шесть месяцев.

Физиономически – это такой типаж, что немыслим без сгустка эмоций, без их выброса в атмосферу; жизнь не то чтобы улучшается с помощью экзальтации, она просто искреннее становится: «Лунной ночью настежь окна отворю и помолюсь…» Вот кабы не это «помолюсь», получилась бы песенка не великих музыкальных достоинств, но редкой сентиментальной точности. Но это, может, с колокольни неврастеника так видится? Мы-то лунные ночи заполняем другими занятиями на предмет уничтожения грусти.

Кто будет спорить, что АБП, как никто, умеет подбирать для трансляции наших эмоций самые уместные вокальные эквиваленты.

Я уже не помню, по какому поводу пришел к Андрюхе Малахову на съемку, но помню, что базар был про то, как тяжело живется на просвет какой-то Линдсей Лохан. Оказалось, что это американская кино-поп-звезда, которую следует любить, потому что ей тяжело живется. Когда ехал на эфир, по радио крутили: «Это завтра, а сегодня я его поцеловала…» и далее: «Я ведь тоже плохо кончу… Мало, Алла, Алла, мало…»

Какая, нах, лоханка, подумал я, когда мне всучили микрофон, когда у нас такая революционерка! Вызывающе самодостаточная притом. У лоханок тьма-тьмущая людишек, призванных придумать своей каракатице многосложную судьбу, у нас – АБП, которой придумывать ничего не надо, просто непросто жить надо.

Ее раннюю слушаешь, как на последний киносеанс ходишь.

Вы мне эту метафору простите, потому что я имею в виду не дурака валять, но ходить, именно чтобы отвлечься и взлететь, чтоб кино было про объятия, чтоб набежала и отпустила грусть.

А не чтоб она сама дала повод изрыгнуть на нее хулы ужасные, как тогда, когда она с подхалимами спела чудовищную «Не имей сто рублей…». Нет, уж лучше, которые, якобы приближенными будучи, имитировали пение этой бестолочи, тем более тошнотной, что дидактической.

Вот и ведение концертов в ее исполнении – вызывающий анахронизм. Но кто я такой, чтоб указывать ей, как их должно вести?! Вот режиссер она – другой коленкор. Даже в молчании слышит пульс мироздания. Ее «Рождественские встречи» принуждали льнуть к экранам, она причудливым образом женила блюз на цыганщине, держала за руку напыщенных рокеров, даже печальной светлой памяти от печали сгоревшей Натали Медведевой нашла место.

И собственные песни режиссировала тоже. Например, когда пела про «голубя сизокрылого», отпускала его, дурынду самовлюбленную, на все четыре стороны, а в конце песни вздыхала: «лети, лети» и тут же – «не знает о расплате». А расплата неминуема.

Тридцать альбомов вашего Кинчева не стоят одного «Осеннего поцелуя»: потому что слушать альбомы КК – это удел тех, кому приятно смаковать свое экзистенциальное мировоззрение, а означенная песня для тех, кто плакать и умеет, и не стесняется.

Правда ли, что Вы «выдвиженец» А. Б. Пугачевой?

В каком-то смысле – да.

Я думаю так, что АБП в высшей степени рефлексирующий человек, из тех, что знают строки (и то, что за ними) «В осенний простор протрублю то, на что не хватило мне слов человеческой речи».

«Протрубит», обязана, про свое неуклюжее стремление стать бизнесвумен. Что заставило, к примеру, выпускать чипсы, обувь, еще какую-то дребедень? Не говорите ни слова про нужду! Оставьте! Раз и навсегда говорю аки знаток: все у них в порядке. Если уж мне, спасшему демографию на Руси, хватает, чего уж им-то стенать?!

Репутационная политика? Тогда – позорная.

А если вы наберетесь наглости и скажете что-нибудь вроде – широкая натура, старается для нас, – я вас ударю.

Ее поле – песня. Пусть это поле возделывает. Пусть даже

повода не дает для догадок, что для нее важнее всего в жизни.

В забытой всеми феерической тихой песне она спела: «Если спросит меня голос с небес», мол, кто дороже, мать, более всего на Земле, она ответствовала: «Дочка, мама, ты и я».

В этом месте, чтоб не запамятовать, восклицаю: лучший автор Пугачевой – Игорь Николаев. Он автор и упомянутой песни, в которой есть бьющие наповал, но почему-то самой АБП в ходе последующей жизни игнорируемые строчки: «Но с тобой мы знаем точный ответ, виноватых в том, что прожито, нет».

В таком признании определенно есть отвага. Самый тон – взвешенный, покойный – суть отвага. Мы же филиппики швырять мастера – и вы, и я. Да и она, судя по тому, что в квартете ингредиентов смысла жизни в ответе небесам самое зыбкое звено – «Ты».

Брось в меня булыжники, но не Галкин же разумеется под местоимением!

Был такой в мои студенческие времена журнал «Театральная жизнь», уж не знаю, живой ли (судя по тому, какова она, эта жизнь, без кавычек, вряд ли). Вызывающе антисоветский. Антисоветскость его состояла в том, что он исповедовал и проповедовал – бестрепетно притом – культ отдельно взятого человека.

АБП опубликовала там эссе. Лучшее из того, что она писала. Могу, если она возразит, доказать. Ибо, например, в журнале имени себя, недолго протянувшем, писала она, что ли, устало. А тут – плевок в рутину, проклятие и гимн одиночеству, огонь, радость, скорбь, химеры, секундная эйфория. Эссе было об артистической доле.

О себе.

Это было написано так беспощадно и сердечно, что я, хвастливый журфаковец, изумился, нет, был настигнут прострацией: вот как, оказывается, можно писать.

О себе, о мире – по-доброму и зло, высоким штилем и безмерно едко.

Я тогда неделю проходил в хандре. Нет, лгу. Просветленным, напротив. Если у человека такой высокий уровень самоосмысления, думал я, шатаясь по тифлисским улочкам, понятно, почему страна прислушивается ко всякому его вздоху.

Правда же Максим Галкин – идиот?

О-о-о, поверьте мне, нет! Мне бы научиться – да и вам! – у него много чему. Я, кстати, хорошо знаком с его братом. Славный малый.

А два десятилетия спустя другой титан самоедства, Гриша Лепс, решается на жест, который по охальности сродни покорению Эвереста без подготовки, – перепеть «Озеро надежды» (Игорь Николаев, само собой).

В любом другом исполнении, повторяю, мертворожденная затея. Песня от лица женщины, находящейся на перепутье, угодившей в ловушку собственных химер, невозместимых интимных издержек, потратившей полжизни на поиски счастья и при всем при том – верящей, верующей.

Лепс спел ее от мужского лица – и так, что солнце ярче засияло, дожди стали более частыми и хмель от жизни самой бьет в голову.

Тут же злорадно стали писать: ГЛ спел даже лучше. Не лучше – иначе.

А потом, в чем-чем, а в зависти АБП замечена никогда не была. Уж скольким помогла – от «А-Студио» до Любаши, от Зинчука до Моисеева.

Коротко знающие утверждают, что АБП тотчас, если, натурально, считает нужным, отзывается на зов о помощи; и вообще, для тех, кому доверяет, она не на котурнах и не в маске; ни позы, ни аффектации.

При всем при этом покойный Айзеншпис рассказывал мне, что, когда того требовали обстоятельства, АБП могла заставить тебя пожалеть, что ты не умер ребенком.

Юрий Шмильевич говорил об этом с очевидным восхищением.

Что Вы думаете о Мише Галустяне и что Вы вообще думаете о КВНе?

Галустян и К° показывают высокий класс, но они скоро устанут. Сам по себе МГ по-кутаисски добрый, открытый парень.

Обязан признаться, что в зале суда, когда мне выносили приговор по делу о клевете в адрес АБП (вернее, до начала заседания, разрешившегося перемирием), мне хватило, чтоб я пожалел о своем рождении, одного ее взгляда.

Вот так и я (см. выше) в каком-то смысле стал «голубем», дождавшимся расплаты.

Я знаю старшего брата МГ, Дмитрия, чистого помыслами и, говорят, хваткого бизнесмена.

Ну не могут же братья быть настолько отличными друг от дружки…

Посему я верю в то, что МГ – славный.

А истый, самый что ни на есть аутентичный голубь – Боря Моисеев – ведет под ее покровом авторское шоу на «Радио Алла». Слышали? Говорят, кастинг проходили 3 млн человек. Какие же были остальные, если выбор пал на того, чье появление в эфире заставляет солнце прятаться за тучи?! Того, кому мы обязаны вербализацией однополых интимных мечтаний?

При этом я испытываю определенную симпатию к БМ как, что ни говори, большому артисту… уж не знаю какого жанра.

Но – позвольте внести ясность: ведущий – это я, артист – он. Полагаясь на чувства такта, я не лезу на чужие территории.

Просто АБП своих не бросает, ее милость всеобъемлюща.

Все люди, которых она любит, главные для нее. И даже тех, кто не оценил ее любви, она провожает с грустной улыбкой с миром: послушайте «А ты не знал» и «Не обижай меня».

У нее такая закалка, что она не боится косых взглядов. Я бы боялся, если бы про меня спел Сергей Зверев (я, кстати, дружу с ним, высокой, будете удивлены, самоиронии человек).

Но все это семечки, когда вспоминаешь, что она сделала с песнями Владимира Кузьмина. Кто спорит, он один из самых вкусных мелодистов европейского калибра, но как насыщала она самое пространство этих мелодий: «Когда-нибудь я стану лучше…»! Такая песнь в той мертвящей среде!

И годы спустя – «Будь или не будь» с… Вот как это объяснить? Воздух другой, сбивает с панталыку?

Выпускникам «Фабрик» всех стран и не разобраться, как можно было так в полголоса для хрестоматийного фильма пропеть «Мне нравится», что носовые платки были самым востребованным аксессуаром, а годы спустя забацать дуэт с Веркой Сердючкой.

Я слышу: не тебе, пес, совать нос в эту путаницу противоречивых наслоений в репертуаре Великой!

Но, мужественно отвечу я (да еще подкрепительно-выразительно кашляну), это именно я из-за нее едва не загремел в каменный мешок, а загремел бы – и поделом; это я на гастролях в Самаре ее главному произведению, дочери Кристине, заходя в ресторацию, где она, само совершенство, трапезничала, напел «Не отрекаются любя», а гомерический хохот закончил дивертисмент-элегией «Желаю счастья в личной жизни».

Поэтому – шаттафакап!

Суровый и блистательный Розенбаум, тоже полагающий МГ пластмассовым, тоже не понимает, как вдохнувшая особенную жизнь в его пьесу «Где-нибудь с кем-нибудь как-нибудь» леди, боготворимая им, – вот с этими вот.

Она узаконила честную, со слезами, жизнь, вот что. Увековечила образ той самой леди сильной, но терпеливой, терпеливо плачущей у окна.

Другие карабкаются по призовому столбу, она (если бы не этот окаянный визит на Первый канал с рассказом о том, как за квартиру был прощен ничтожный зять), минуя столб, шествовала по русской, прежде советской, земле; она – наш Клинт Иствуд в юбке, который большую человеческую невинность трактует как осознанное состояние организма, а это состояние требует регулярных упражнений.

Верите ли Вы в дружбу между женщиной и мужчиной?

Только умалишенный верит.

Я мог стать ее другом, но постеснялся. После суда в квартиру меня привел Филипп, меня трясло. А когда б не трясло, этого текста не было бы. Она угостить хотела чаем, а я, идиот, отказался.

Она спела песню, которая называется «Когда я уйду».

Еще чего: стоять! Никуда Вы не уйдете. Вы – наша потому что.

Нет, моя.

Драма Андрея Малахова

Да: драма.

Меньше всего хотелось бы компрометировать тему наскоками, в прежние времена стяжавшими мне славу хама и нигилиста: во-первых, потому, что в самые неприятно поворотные мои катаклизмы, когда все висело на волоске, он звал меня в эфир своей программы, чего не делал никто, во-вторых, если АМ и не заслужил панегириков, то уважения достоин безусловно. Хотя бы за свои заслуги перед русской словесностью (которые, разумеется, ничтожны перед моими), страдающей от обилия косноязычных урюков: в Останкино он, по сравнению с иными, – златоуст. Хотя бы за то, что работает по… денно и нощно работает, в заулках сознания, в той части души, о которой он не будет болтать даже со мной, отчетливо сознавая, что сходит с ума (и то сказать, я не видел ни одного человека в моей профессии,

кто сохранил бы на четвертом десятке благоразумие. Вот елейное выражение морды или пучеглазие – это да, у каждого второго это.

И все же усыпанный блестками путь АМ драматичен.

Всякий телеведущий – дитя малое и, следственно, самый мощный потребитель любви на планете. Нарцисс, тщетно силящийся уверить публику почтенную в противном.

Пишу о Малахове – но пишу и о себе. Отсюда болезненные ощущения: ты начинал как герой высокого жанра, а продолжаешь (или заканчиваешь) фарсом.

Свист, увещевания остановиться.

Но на останкинских небожителей улюлюканьем не воздействуешь, едким словом их не проймешь.

Ему приходится быть отвратно самоуверенным, ибо, даже если споткнется, затопчут. До второй молодости далеко, а глаза – прегрустные. Ну что за жизнь, когда самое яркое в ней событие – поход в тренажерный зал?! Я был очевидцем, как воодушевлен он после тренировки и как крепок на едкое слово и раздражен, когда съемки следуют одна за другой. Ургант пошутил: АМ так одержим работой над икроножными мышцами, что, верно, хочет отобрать звание самого красивого человека Планеты у Сергея Зверева, такая у него своекорыстная цель.

Сложно ли сейчас выжить начинающему журналисту в Москве? Сложно ли вообще там выжить? Может, подскажете какой-нибудь способ?

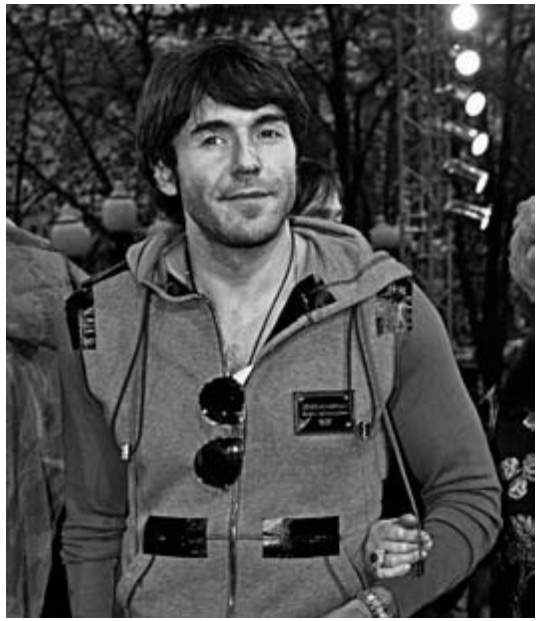
Один из писателей, придавших графоманским забавам художественный статус, обозвал Москву магометанско-конфуцианским конгломератом.

«Выжить» – точное слово.

Практически невозможно.

Во второй раз не взялся бы, клянусь.

Кто, задаюсь риторическим вопросом, осуществляет наезды на АМ, суть которых, опуская мат, в том, что он говорлив необыкновенно и в этой многоречивости много от попугайства, – кто эти критиканы? Преимущественно – бездари, считающие себя, разумеется, недооцененными гениями.



Андрей Николаевич Малахов (11 января 1972, Апатиты, Мурманская область) – тележурналист, шоумен, ведущий программ студии специальных проектов ОАО «Первый канал», главный редактор журнала «StarHit». Окончил школу с серебряной медалью. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова в 1995 году с красным дипломом.

В течение полутора лет стажировался в мичиганском государственном университете в США. Еще во время учебы проходил практику в отделе культуры газеты «Московские новости», был автором и ведущим программы «Стиль» на радио «Максимум». В 1998 году поступил на юридический факультет Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

Вопреки тому, что эти умники – и многие из вас – думают об АМ, он не лишен чувств, я это знаю по его отношению к маме, и, уж конечно, на голову в профессиональном смысле выше своих ругателей, обанкротившихся прямо во время своих кухонных синклитов.

Проблема лишь в том, что поденщина вынудила его стать певцом «дребедени, лишних мыслей» (И. Бродский), а ситуация в телеистеблишменте, когда никто уже никого не наставляет, и не чтобы там на сияющий путь праведности, а просто сдохла институция педагогов, – эта ситуация обрекает тебя на то, что ты волей-неволей с этим со всем остаешься наедине.

Парадокс: телеведущий – самый социализированный человек, тогда как быть селебрити – это обрекать себя на одиночество. На

радость ниспровергателям.

Они же не умолкают ни на секунду, обвиняя АМ в полной творческой несостоятельности, но, хотя он аллергически воспринимает критику, он все еще на ногах.

Сейчас другой состав атмосферы, и, если уж звук в ней распространяется иначе, что говорить о методах достижениях успеха; мы с ним начинали при царе Горохе, на коленях и впотьмах, на трех работах, а теперь – на, получи Интернет! Он хорошо маскирует комплексы и камуфлирует профнепригодность, как бы сказать, стилизует ее под непричесанность.

Говорят, что АМ – креатура всесильного Эрнста, отсюда пропуск в лигу небожителей. Даже если это правда, а это правда, на площадке потеет не Эрнст, а АМ.

Он редко дает интервью – и правильно делает. Вопервых, мало кто умеет интервью брать, во-вторых, у него есть собственный журнал, где он всегда может написать, что он на коне, что он загорал с Киркоровым в Майами, а в Брюсселе жил в номере, недавно оккупированном Боно из U-2.

Хулители хулителям рознь; дурацких мы послали, а кому сказать, что целоваться взасос с Канделаки на церемонии – есть верх пошлости? Мне? Но я и сам пошляк.

Ругать его вообще имеет право только человек удачливый – любой другой тут же, тотчас, сейчас будет заклеймен как завистник.

У него давно нет личного пространства, отсюда раздражительность. Всякий ляп сопровождается хохотом скотоподобной публики, в большинстве своем беспрецедентно глупой, как мы и чем мы себя не тешили.

АМ – ее фаворит, но из кожи вон лезет, чтоб стать любимцем ТЕХ, Главных. Которые любят в отношении себя речи с повышенным содержанием сахара. Которые прежде разрешали огромные тиражи и вояжи за бугор, а чуть что не так, штрафовали игнорированием и бессонницей.

Сейчас, знаю по себе, ровно то же.

У него получается с НИМИ ладить, у меня не получается и не получится, видимо.

Вообще сейчас, когда год идет за пять, удивительно осознавать, что АМ в Останкино за долгожителя, хотя уже срывается и в прямом эфире, в минуту слабости: как, дескать, мне все тут, и вы, надоело!

А выпускникам журфака ему невозможно не завидовать, они о цене успеха не задумываются.

Вы известны как скандальный журналист. Где грань между допустимым с точки зрения журналистской этики. Ведь всегда хочется поставить вопрос остро, но при этом не выйти за рамки этой этики.

Гений и мораль не всегда дружны.

Скорее наоборот.

Меж тем АМ вкалывал с первого курса, приехав (выбравшись) из Апатит Мурманской области, из путаных зарослей провинции, где в теории все самородки, а на поверку ленивая пьянь, любящая пиздеть про недооцененность на кухнях в столь любезной им манере хипстерских терок: «все – чмыри».

Если я правильно понял за эти годы характер АМ (а я не вхожу в ближний круг), он, как все мы, нуждается в успехе, но, в противность большинству из нас, готов заради успеха на все.

Объективно оценивая АМ, нужно признать, что при огромном количестве плюсов он издает огромное количество несравненно пошлых ляпов, особенно когда переходит на отсебятину.

Вот тут – некая закавыка: в случае с АМ барышням, любящим его, плевать, как и что он говорит, а люди взрослые к нему снисходительны, для людей таких он – чужой праздник, истово болтающий телемэн оттуда, где даже звонки другу просчитанные.

Все равно, что бы ни делал АМ, даже если ему препоручают вести «Евровидение», – он непреодолимо чужеродный для истеблишмента, это читается даже в глазах.

Он, как и я, не борец с Системой, потому что он, как и я, понимает, что Системушка, конечно, уродушка, но вовсе не такая межсумочная, как многим кажется. Тут вопрос в другом: как вписаться?

Он вписался. Его признали своим тузы. И даже капризы, непрощаемые иным, ему сходят с рук.

Однажды, когда на «Евровидении» старательно, но бесславно выступила группа «Премьер-министр», я выругался в прямом эфире и чуть не лишил его работы (а себя лишил на два года даже намеков на эфир). Мы не говорили очень долго. Я тогда наивно полагал себя воплощением манифеста сознательного нигилизма, а он прикидывался лощеным инфантилом.

Прошло лет восемь, и теперь его не узнать. Он может теперь осадить, оборвать, предать остракизму кого угодно. Когда у него микрофон, возражать ему по бессмысленности то же самое, что вычитать из нуля, со стольким количеством лет, озвученных командой «Мотор!», неминуемо приходит масштабная самоидентификация. («Я и Родина – одно!») После стольких лет фавора любой из вас стал бы полагать критиков тараканами, а

себя – ровней эпохе. Когда человек в хит-парадах десятый сезон, как может быть иначе? Теперь популярность не с дюйм, а с небоскреб, теперь он принадлежит не Апатитам и Первому каналу, а всей стране.

Я давно ношусь с идеей, что всех небожителей надобно обязать опубликовать свои детские фото; как я это сделал в этой изумительной книжке: чтоб наглядной стала эволюция.

У многих из знаменитостей есть основания избегать этой на вид милой процедуры.

Худшая вещь, случавшаяся с обретшим бронзовый статус АМ, – то, что при всей бронзовости он покуда – подневольный.

И обязан какое-то время быть соведущим у почтенного «Малахова+», который просто тезка.

И, соответственно, худшая вещь, случившаяся с «Малахов+», помимо самой передачи «Малахов +», – это участие Андрея.

Их многое роднило – прежде всего серьезные проблемы со вкусом. (Я не про D&G.)

У него, разумеется, случаются озарения, но зачем он себя превратил в бодибилдера, для меня загадка. Нет, понятно, в здоровом теле здоровый дух, но перебарщивать за каким чертом?

Он не пьет, не курит, а я не верю, что прозрение нисходит на таких. Человек, конечно, неуязвимое звено эволюционной цепочки, но немного сумасшедшинки не помешает.

Но, не будучи в силах обуздать желание быть вхожим в высший свет, АМ приходится играть по правилам. Ну не Шон он Пенн! Не ведает, что наши изъяны имеют свойство бросать слишком яркий отсвет на наши достоинства. Вон Пушкин (далее Довлатов) «создавал шедевры, а погиб героем второстепенной беллетристики». А мы-то, мы-то кто? Создатели второстепенной беллетристики, если из логики исходить.

Якубович жестче выразился: «приложения к программе передач».

Эфирные функции.

Каждый свой успех АМ компрометирует участием в катастрофических обсуждениях, написанием книг ни о чем; он и должен быть таким: чтоб в нем легко уживались Бог и дьявол; первый объясняет участие в благотворительности, второй стопорит развитие, провоцирует эксплуатировать все одни и те же находки, принуждает быть беспринципным до шизофренического блеска (отсюда равно вдохновенные обсуждения инцеста в студии и ведение аукциона).

Это я жертва многовластия, а АМ всю сознательную жизнь знает только одного хозяина Эрнста, адепта-апостола-апологета гигантомании. Это он выпестовал чемпиона (по крайней мере,

СНГ) по многоглаголанию, каковое есть первый признак самохвальства и ячества (кому, как не мне, судить).

АМ, как классический карьерист, уловил-таки основной смысл шоу-бизнесовой суетни: себялюбие небоскребное. Так было во времена, когда культура насильно тащила в небеса, так тем более сейчас, когда она макает в помойку.

А перестать быть самовлюбленным и постараться быть просто хорошим человеком АМ позволяет себе только в холостяцкой опочивальне.

При этом (а может быть, в силу выше сказанного, это как раз логично) трудно найти более обидчивого – при такой-то удачливости! – ведущего, откровенно саботирующего всякого, если всяк показался ему непочтительным.

Это так же нелепо, как натужное презрение к успеху, которое выказывает новая формация ведущих. Хорошо еще, что при презрении к успеху не так очевидно презрение к людям, к тем самым, что сделали эту ху…сосню звездами.

На их фоне АМ – исполин! Он любит прикинуться инфантилом, но не все же время!

Он хотел быть звездой не где-то там, в блаженном далеко, а сей момент.

Сей момент не выгорело.

Но в принципе! Годы поденщины – и вот тебе слава большой порцией!

Где-то в кадровых высях под началом Эрнста ломают башку, что делать с АМ далее? Про инцест, про лжецелителей, про умерших в нищете народных любимцев он снял уже четыреста тысяч программ, и глаза его уже не горят, энергетическое остроумие сходит на нет, дух слабеет.

Так, глядишь, в ересь впадет!

Норов-то какой! Хватит на табун мустангов.

В отличие от других, ему есть куда расти.

А пока геометрически прогрессирующая драма. Которая может обернуться тленом.

Ладно бы плоти, абонемент в фитнес-клуб у него пожизненный, – тленом души.

Я, как любящий АМ, этого Эрнсту не спущу.

P. S. Я ходил к нему на вечеринку, посвященную пятилетию «Пусть говорят». Я нашел его в превосходной форме, в отменном настроении. Мы обнялись – две ходячие таблетки от депрессии, самоотверженно развлекающие людей.

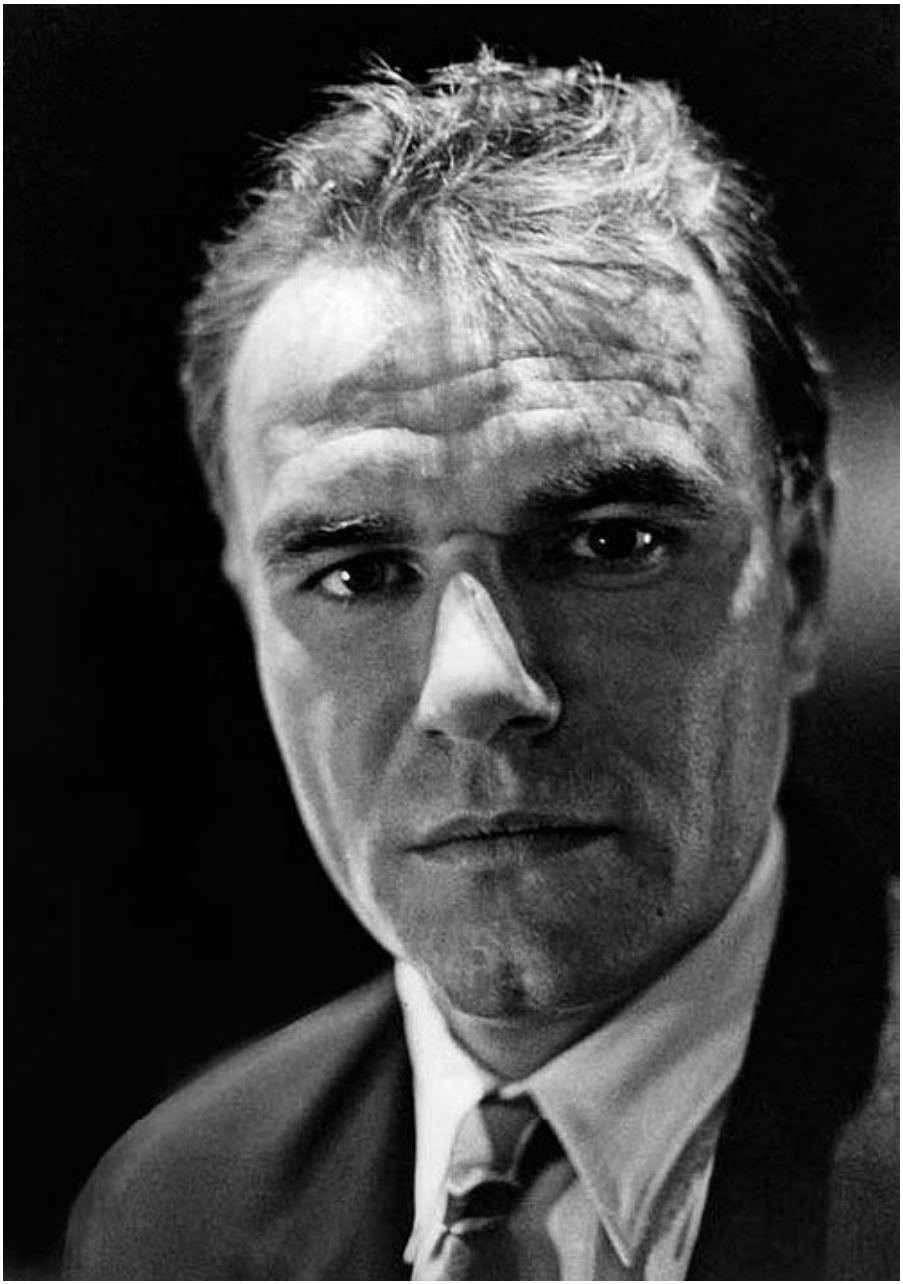


Фото: Сергей Берменьев

Есть популяция моих собратьев по полу, которые НЕЧЕПУХОВЫЕ, у которых нимб над головой, которые – по лицу

видно – победили в битве с демонами, совершенные мачо, нервические ковбои, иногда на уровне мимолетного взгляда инфернальные, идеально резонирующие с томлением красивых леди. Вот один из них: Сергей Мазаев.

Меладзе. В чем правда, брат?

… Как гений выбирает, в ком поселиться, вы знаете? Я – нет.

Но я точно знаю, что Костя Меладзе – гений, большой, огромный факинг гений!

Его брат настаивает на том, что Костя гений, тогда как он – крепкий ремесленник.

Я помню времена, когда ВМ выступал за двести долларов; я помню, потому что я их выбивал; я помню, как он – в узком кругу – паниковал, из-за отсутствия гарантий светлой будущности терял присутствие духа.

При таких-то песнях, с таким-то голосом!

Дурацкий глагол «перевернуть» в применении к измененному сознанию, ну или штампованный, но ведь и то правда, братья учинили революцию в нашей поп-музыке, подняли мятеж, обернувшийся триумфом.

Сколько всего пережили братовья за последние годы! Особенно Валера: развод, не очень внятные новые отношения, «нездоровое чувство вины», это он мне сказал, мрачнея лицом во время недавней встречи, и гастроли. Для поддержания духа.

Это Они – один сочинил, другой спел пьесу, как лицо сохранить: «спрячем слезы от посторонних…», вынесем все невзгоды часто грубой судьбы, будем для блезиру комедиантами.

Валера ненавидит Интернет, хотя вынужден иметь с ним дело, боготворит, как и брат, родителей, со всей возможной неприязнью относится к папарацци и очень-очень-очень любит детей своих.

Слушайте иногда, жертвы трясины повседневной жизни, Меладзе. И перечитайте главу.

Я не знаю формулы любви.

Я знаю, что живу ради любви.

Намерение, когда я писал эту статью, было простым: сообщить об этом всему миру.

Я хотел снять фильм.

Ужели затем я писал столь восхитительный текст, чтоб предать его забвению?!

Нет уж!

Может, еще сниму?!

Сидим за столом в грузинской ресторации – где ж еще нам сидеть, двум орлам, гордыми в профиль. Я спрашиваю у Валеры Меладзе, отчего с некоторых пор он перестал исполнять иные песни – например, знаковую «Не тревожь мне душу, скрипка». Отвечает менестрель: мол, не тревожь мне душу, О., голос меняется, какой-то фиоритурный ресурс исчерпан, воображение смущается уже другим.

Валера поет (а до этого Костя сочиняет) песни о тех, для тех, от имени тех, для кого главная тема – болезненная, мучительная несостыковка с миром, отвергающим любовь в чистом виде.

Один сочиняет, а другой поет для тех, о тех, от имени тех, кто знает, что на свете есть только один узловой вопрос: «Любишь или нет?», все прочее – вопрос концентрации, а не интерпретации.

Костя М., гениальный сукин сын, знает за людьми свойство даже от шороха впадать в депрессию, он и создает звуковые антидепрессанты, вверив брату почетную миссию лечащего доктора, возглавившего крестовый поход против демонов невылазной тоски, беспросветного отчаяния, склизкой хандры. Ибо невозможно вынести то, что нас не любят. Меладзе это знают (по себе), и дарят нам иллюзию, что нас любят, и желают, чтобы иллюзия стала явью.

Осторожный один, распахнутый другой – братовья дополняют друг дружку. Один, лабораторный гений, готовит почву другому, поджигателю людских сердец, посредством отлитого в песенной позолоте глагола.

«Ваша сила ясная, и в этой ясности – ручательство, что злу она не послужит».

Братьям Меладзе – Тацит (в переводе комедианта, питающегося благорасположением братьев, в особенности В. М.).

Что еще можно было написать после «Посредине лета»? «Стиляги» показали, что КМ может все: даже альбом забацать, полный ямайских вибраций, даже внушить нам, что ИНЬ-ЯН – это артисты!

Я знаю их 400 лет, и вы должны знать, что у автора игривой и разом пронзительной строчки «Чем выше любовь, тем ниже поцелуй» строжайшая этика. Вот в работе он какой, не знаю. Знаю его брата: если не матом, то это называется «перфекционизм».

Когда на соответствующую тему был проведен опрос, меня не удивило, что общественное мнение вручило золотую медаль по части стильности поющему брату. Что тут удивительного, если его вкусовой камертон – денди Брайан Ферри.

(Для невежд: БФ – мировая звезда, презирающая самый

институт звезд. Человек-стиль, который на все императивы времен (а жил он во все времена): пой иначе, думай иначе, одевайся иначе – отзывался немедленно, но вальяжно: на-кась, выкуси!)

Ничего удивительного, если оба брата почитают эталоном Фила Коллинза.

(Для невежд: ФК – не Филипп Киркоров, звезда побледнее, всего-то мирового масштаба, ненавидящая самый статус звезды. Человек-мотив, в лучших песнях группы «Дженезис» демонстрировавший такие высоты музыкальной эквилибристики, что твой Гари Барлоу, про которого, конечно, вы тоже не ведаете.)

Вообще-то, положено надрывать голосовые связки ради хлеба насущного, братьям он, хлеб, само собой, надобен, но Валера, если захочет, умеет объяснить, что не хлебом единым. По-грузински поэтично, без помощи трафаретов. Причем непритворно вежливо растолковать, поскольку оба брата лишены сопутствующей профессии зацикленности на себе.

Причем один из них, сочинитель который, молчун до занудства, его серьезность пугающа, а который исполнитель – самый отъявленный холерик, что все же лучше покушений на серьезку, которыми грешат поп-идолы.

Апология жизни в исполнении двух братьев беспримерна. Каждому мгновению – ура, душному лету, шороху пустых тополей, гулкому хлопанью двери; ура неприбранному томному счастью, виду со скалы, ура порожним, но прелестным разговорам о высоких материях под винцо на летней веранде. Ура – даже изводящим нас вечным вопросам.

В песне «Иностранец» очевидно желание очутиться в другом, более дружелюбном мире; большинство их песен, собственно, и есть путевки туда.

Иногда горящие. Как «Вопреки». Про витальное противостояние с реальностью, где нам места нет. Якобы. Потому что место нам – есть.

С другой стороны, песни их можно трактовать как попытку быть счастливым здесь и сейчас. Где, казалось бы, мало приятственных картинок и звуков.

Все чаще в орбите моих личностных, а также просто рабочих отношений появляются люди, разные по степени обаяния и в смысле кошелька, которые говорят, что Валера (Костю толком никто не знает) является примером для них. Но ВМ не любит высокопарностей. Нет, выспренности он не чужд, иначе какой бы он был, к черту, Меладзе, но только не на свой счет.

Любимая поговорка: «Почаще открывай глаза, а не рот». Вот, я думаю, откуда у Кости столько точных наблюдений: «Ты не

сбываешься, хоть снишься в ночь на пятницу».

Братья не любят, когда их цитируют, братья любят говорить (я так понимаю, для самозавода), что скоро случатся песни, которые тоже будут разобраны на цитаты.

Хорошие песни учат смирению. Но смирению, вооруженному незлой улыбкой. Как «Комедиант», окутывающий дымкой хоррора самую обыденную профессию – массовика-затейника.

А массовик-затейник не знает (не должен!) уныния!

Косте бы песни сочинять про чистый идеал, который узрит только чистый помыслами человек сквозь туман действительности, а он зачем-то берется продюсировать все подряд.

Денег полно. Их много, слышу возражения двуногих кротов, не бывает, это правда, но у КМ их полно. Зачем тогда распыляться?

Кстати, вот что я наблюдал: как только что не так, Костя тут же зовет в студию для записи дуэта брата, чтоб тот с красотками в альянсе от лица всего мужеска пола что-нибудь пропел про «огонь чресел моих».

Это происходит в последнее время часто. И это не должно удивлять. Значит, связка «ВИА Гра» плюс Меладзе работает. Под ее соусом можно быстро восстановить баланс, состоящий из цифр и уверенности в себе, дать самому себе отчет обстоятельный в песенке сжатой.

Минус эротически вольготное оформление при гипертрофированном экстерьере – и «ВИА Гра»-то поет отменные песни про то, что всякая барышня неминуемо угодит в силки неумолимой судьбы, амурная стрела ее нагонит.

«Направляй меня своей рукой, заслони меня от полнолуния…» Я и не знал, что Меладзе такой шалунишка; его стильность мирит всех с избыточной раскованностью.

Когда я видел его в Киеве, в перерыве между съемками, он был (или показался мне) истощенным. Украинская «Фабрика звезд» измочалила его, а, сколько я понимаю, не в его характере бросать на полпути дело.

Но это дело связано с ненавистной ему публичностью, с прежде вызывавшей у него ужас необходимостью быть все время на людях.

Причем на «Фабрике» дюжина ребят поет одну предлинную песнь песней Кости, то есть пацаны (ну, такие… относительные) и развязные девы – всего лишь эфирные функции какие-то, а не будущие Гари Барлоу и Лизы Стэнсфилд, приложения к кудеснику звука и слов, который способен отозваться на зов о необходимости в примиряющих с жизнью песнях.

Где Стас Пьеха?

Со сверхзвуковой скоростью появляются квазиартисты, со сверхзвуковой скоростью же испаряются. Если уж грузины Меладзе учинили самый смешной карнавал года на Первом канале, называя всех очень плохих певцов и певиц Стивиуандерами и Тинамитернерами, то чего говорить о прочих. Где теперь Стас Пьеха, Началова, Иракли? В клубах на восемь человек, семеро из которых их сродники и закадычники, а один – управляющий.

Песни не всегда должны быть таранно-экспансированными (на чем погорела Приходько), знаете, какими должны быть они?

Вот какими: когда ты видишь первый раз, как солнце погружается в море, и думаешь, что это и есть рай и ты в нем; когда идет дождь, и ты знаешь, что он будет идти вечно, а ты обречен быть один под дождем, и даже когда дождя нет.

Вот между двумя этими ощущениями и расстилается-простирается герметичное поп-государство.

Только этого не постичь выпускникам «Фабрик» – что российской, что украинской, что американской.

В числе немногих это дано было постичь братьям Меладзе, про которых скажут: это те, которые спели и написали «Как ты красива сегодня» и «Ночь перед Рождеством» – две песни, изменившие мир не для всех, но для многих.

Если даже взять его, Кости, в разгар успеха отъезд в Киев, предполагавшийся тайм-аут, разрешившийся переездом, то ведь даже не для встряски он отъезжал, а чтоб основательно, фундаментально все переиначить, чтоб «отстали».

Ситуация с эстрадой в обоих государствах тождественная: пшик, мишура, понтярщик на понтярщике.

Зато – тише. Там градус интриг ниже.

И он сразу был утвержден там, после «Попытки № 5» для «ВИА Гры», богом солнца, священным истуканом на берегу Днепра. Вершителем румянощеких судеб, мечтательно обдумывающих возможность попасть к этому человеку, при куриных вложениях гарантирующему львиные доходы.

Но не для того братья пришли в этот мир.

Они пришли в мир пластиковых звезд, принеся с собой вкус и запах реальности, которая преимущественно свинцовая, то есть малоприятная.

Костя пишет, не стесняясь заглядывать на территорию коллективного бессознательного (взять хоть «Параллельные миры»).

Его брат, судя по последнему нашему с ним застолью, на этой

территории живет.

Один анахорет, другой – эпикуреец с намеком на раблезианство, конек коего, при всех невзгодах, – вкус к жизни, проявляющийся даже в чтении «Нашей Версии».

Когда Вы проснулись и поняли, что Вы известны, знамениты, востребованы?

Когда оглянулся по сторонам.

Тогда же отчетливо понимал, что буду клоуном, но карьеристом – никогда. И богатым – никогда.

Вот вам и доказательство теории, что музыка, превосходящая жизнь, включая поп-музыку, должна и может создаваться людьми не от мира сего.

А от того мира, где парень любит девушку и женится на ней, где голоса у людей сладкие, где нет корриды, где собеседники умны, где длинная дорога приводит к дому, а в доме хрустальный перезвон.

Костя Меладзе в знак благодарности за теплые слова в адрес его брата:

«Спасибо, талантливый Гарри, когда-нибудь будут снимать фильм про жизнь того, кто создал в этой стране журналистику 21 века (О. К.). И если они не возьмут у меня интервью по этому поводу, я их маму…»

Матвиенко. С нашего двора

Когда у Рыжего (Андрея Григорьева-Аполлонова, далее АГА) угас отец, я плакал с ним. Будучи в другом городе.

Когда угас мой папа, АГА плакал со мной. В трубку телефонную.

Клянусь богами, если при мне вы хоть колкость отпустите в адрес этого парня, вам пиздец, я порешу вас.

И уж если такой жуир, фат и щеголь, как АГА, признается такому питекантропу, как я, что Матвиенко, спускающий подопечным все, окромя свинячества, кроме низостей, сыграл в его жизни решающую роль (то же, верно, касается Кирилла Андреева и Олега Яковлева), чего говорить обо мне, под его мелодику совершившем, может быть, самые значительные свои поступки.

Я так часто склоняю имена АГА и ИМ, что определенно добился катастрофически землистого цвета рож у их супостатов и

оппонентов, копиистов и эпигонов (строго рассуждая, и у своих, у меня их тоже легион, что саранчи).

В день своего полтинника ИМ едва держался, чтоб не расплакаться. Были все. Даже Эрнст. Чего уж, даже я, до сорока лет неважно внимавший богу, а после внявший Его просьбам о дружбе.

Его лучшие песни великолепны, как мой слог, как вид с высоты ледника, как улыбка моего сына Даньки, как толстый кошелек, как игра хоккеиста Ковальчука, как «Доширак» в голодуху, как манеры Клинта Иствуда.

Перечитайте текст про хорошего человека.

Мы стоим на набережной, я говорю витиеватый комплимент, он – глаза в сторону, потерянная, робкая улыбка – внимает, я звонко завершаю осанну, он протяжно: «Да ла-а-дно!»; и в этом «да ла-а-дно!» весь Игорь Матвиенко, живой – уже легендарный, чего там! – ответ на полемику, есть ли у нас качественная поп-музыка. Многоречивость в данном случае неуместна, отвечаю: есть, я знаю ее много лет, на набережной однажды предо мной стояла.

Потом зарядил частый дождь, и я стал атаковать маэстро дурацкими вопросами известного толка: мол, какова она, природа сочинения, вот, например, густой дождик в сию секунду не навевает мотивчик?

А надо знать, что ничем так нельзя смутить ИМ, как допросом на тему «алхимия творчества». Спросишь его, бывало, как писались «Тучи» – и наблюдаешь физиономическое ухудшение.

Мы прозевали момент, когда главной музыкой в стране стала музычка для невротичных сентиментальных бандитов. И эти адепты и апологеты шансона будут утверждать без тени смущения, что их короли Трофим и Стас Михайлов поют не ради гонорара, а ради ответов на проклятые вопросы.

На вопрос, зачем он женится каждый год, продюсер Матвиенко ответил: «Количество браков переходит в качество». Ответил с саркастичной интонацией, а интонация, если кто не знает, это то, чем окрашено сознание. Правда приятный философизм для нынешней благоверной?

На съемках приснопамятных «Акул пера» горе-критики пытались задумчивого ИМ загнать в угол вопросами о ширпотребной музычке, это повторялось снова и снова, ИМ улыбался, и это не было снобизмом, это была уверенность, что нехитрая песенка про «Колечко» способствует нормализации кровяного давления. Понятно же, что песенка «Реви, реви» не для Реввы, не для впавших в разложение от сознания собственной значимости музщелкоперов, а для девушки из Самары, которая верует, что разложению можно противодействовать поцелуями. Во время танца в комнатке с постером «Отарушек интернешнл» в полстены.

Песни – центр его вселенной, артисты-детки, родня разной степени приближенности, и он хочет, чтобы его артисты сохраняли глубокую внутреннюю порядочность при любых раскладах.

Но это невозможно, чертов ты идеалист! Ведь ИМ, по сути, желал, очень желал спасти Игорька Сорина, но не сумел.

Игорька Сорина, и отчасти заслуженно, многие почитали человеком полувеликой святости, но ведь сгубила его гордыня. Был он человеком, как это сказать, поврежденного даром ума. Сохранение порядочности оказалось не подкреплено базисом практичности.

Коллизия между ними была обозначена ясно: ИМ полагает осторожность, основанную на морали, немалой частью доблести,

а доблестный Сорин доблестью полагал культивирование неосторожности.

ИМ очень, очень, очень важно, чтобы его артист, независимо от возраста и цацок, объема мозгов и размера… бицепсов, был хорошим человеком.

Вот почему идеальнее тандема, чем у ИМ сложился с Колей Расторгуевым, не вообразить (как шутили мы с Аполлоновым, в некоторых культурах они считались бы помолвленными).

80 млн лет назад, когда заработавшему первые 80 млн грузинских лари ИМ было 80 млн раз наплевать на мнение журналистов, я на съемках сказал, что главная его песня (на тот момент) не «Комбат», но – «Главное, что есть ты у меня».

ИМ токмо производит впечатление человека, насквозь флегматичного; уж ежели его что зацепит – он известен своей снайперской реакцией.

Тут он коротко глянул на меня и улыбнулся: «Точно».

«Улицею нашей я вернусь однажды и скажу: „Родная, я тебя люблю“ – это из новой, про мои деревенские клятвы любить вечно и интуитивное понимание, что все на свете ради вот этой курносой.

И песнь у него такая есть «За тебя», так там даже гитарный рифф демонстративно служит охраной, грозной, мадригала.

Я, между прочим, эту песнь песней много раз использовал как боевую инструкцию, и раза два, напевая ее про себя, я одним грозным видом ускорял или вызывал к жизни у супостатов порыв облегчить кишечник.

Сила, мать его, искусства!

Композитор номер раз мог после «Фабрики звезд», которой, это было очевидно, вымученно руководил, мог запросто превратиться в Карабаса-Барабаса, конвейерного изготовителя ходячих консервных банок, окошмаренных оптикой. Благодарение небесам, не превратился, а написал парафраз на «Иронию судьбы» для «Иванушек» и «Веру» для «Любэ».

У меня, конечно, есть вопросы по «Мобильным блондинкам», но – блондинки же, шут с ними; главное, ИМ продолжил писать о том же, о согласии с человеческой долей, о том, как ввиду «Северной звезды» надо прижать к себе зазнобу и дать слово – себе, ей – ничего не бояться. Быть Бенисио дель Торо, а не каким-то заурядным актеришкой.

Когда кругом ералаш, и ноют самые сильные (мнимо), и в разгаре сплошной карнавал мелюзги, и – в рифму – мозги кричат SOS от службы, от дружбы, от прелой политики – что, я вас спрашиваю, спасает?

Вечер выходного дня и песня «Трамвай пятерочка», так было

со мной, я тогда обретался в Черемушках, фигурирующих в песне. (Там, кстати, точно сказано, «под окном любимых не целуют» нонче, когда ж целовать, если все пьют до опузырения.)

ИМ, по-моему, специально так устроил свою жизнь, или построил, чтобы не попадать в поле зрения папарацци, он летает – и пока пишет про Кострому, и когда не пишет – ниже их радаров.

Парадокс: ИМ пашет в самом бесчеловечном бизнесе, а сам до глубины души, до кончиков пальцев – сентиментальный прыы-ынц. Будучи другим, как можно было бы сочинить песню «Москвички» (где, кроме прочего, Расторгуев таким манером произносит слово ШАКАЛАДКА, что отчетливо восторженно понимаешь: сантименты, теплынь, жар объятий не переживают ренессанс, они всегда были с нами, в нас!)?!

Ну не напоминать же мне, что Николай Расторгуев – один, если не самый, из самых любимых артистов.

Политкорректный, кряжистый, основательный.

Форпост Матвиенко и с недавних пор – наш посол в мире галстучных хлыщей.

Или песню про «Мента» (клянусь, она так называется!). Та самая, которую Коля, добиваясь слезоточивого абсолюта, заканчивает приказом: «Встать, когда хоронят Бойца!» Было менту 20 смешливых и смешных лет, у него не было синдрома Вьетнама, он и жизни-то не видел, чтобы со смаком рассказывать, как он «пытается найти способ пройти через это», не жил еще согласно мечтам, надел форму, на которую скалятся те, ради кого надел, и – на тебе. Пуля.

ИМ написал мелодию, которая позволила НР, рассказывая об обычном хорошем парне, петь тихо-тихо, как только НР один и умеет, а в конце рявкнуть, задыхаясь от слез.

А ИМ превратил даже отвратное слово «мент» из издержки новояза в провокативную высокопарность.

Мне моя говорит, что лучшие песни ИМ пахнут весной, отливают малахитом (а моя, это существенное уточнение, не музыкальный критикан, я бы в уме повредился), обрамлены такой изысканной рамкой звуковой, что я обязан вам доложить, что кудесника звука всех вечнозеленых пьес ИМ зовут Игорь Полонский и он похож на выпускника Гарварда, вовсе не на парня, придавшего «Комбату» духоподъемный шарм.

Саша Маршал. За каким чертом?

Сильный человек Саша Маршал сильно выступил на концерте для ветеранов. Он вышел в кителе, увешанном орденами и медалями; первые несколько рядов ветеранов, у которых было-то по одной награде на лацкане, слышно ахнули.

А. М. был беспричинно трагичен, пел про батю (не комбата), такую же, как он, сильную, порядочную личность.

Его драпировка повергла в смятение и меня. На вопрос, за каким чертом, я получил ответ о «достоверности».

ИМ чужд картинности, редко дает интервью, как заправский хитрован, отделывается общими словами, для нашего шоу-биза, чистоганно-развратного, подозрительно целомудренный и высшим комплиментом полагает, когда кто-то называет кого-то из роты его подопечных приличным человеком.

Во, я подошел к главному. К 50 годам, заделавшись знатным деятелем на поприще шоу-бизнеса, ИМ добился, стяжал, заработал репутацию приличного человека и очень, очень, очень хочет, чтобы те, с кем он работает, старались быть хорошими людьми, отрицающими беса.

Мне достаточно эволюции Григорьева-Аполлонова, которая началась с отметки «ничего себе пацан» и к настоящему моменту зафиксирована на отметке «с таким за честь дружить».

Саратовских работниц аэропорта (владивостокских, самарских, бишкекских, рижских, киевских) я доводил до исступления умопомрачительно корявым, но неотразимо обаятельным исполнением, минимум 20-кратным, песни «Прощай» с сердце разъедающим зачином: «Я уже давно предчувствовал потерю, ею оказалась ты». Я же хитер как бес: всегда на чужом выезжаю. На чужом репертуаре. Возвращался в Москву, рассказывал ИМ о караоке-триумфах, он улыбался, понимая, что даже бестолочь в известном смысле – барометр пристрастий публики.

На сцене «Метелицы», уже почившей площадки для арт-игрищ, я исполнил (разумеется, надругавшись над оригиналом) песню «Рыжая». Меня АГА, самый знаменитый после Чубайса Рыжий в стране, толкнул в бок: ты чего, все песни, что ль, изучил?..

Все, что ль, изучил.

Я, знаете ли, совсем плохих песен не учу.

Когда-то я завершил документальный фильм памяти Игоря Сорина словами, что он так и не стал большой звездой, но останется маленькой звездочкой, струящей не потоки, но лучики света.

Он был лампочкой – лапочкой, ИМ – лампа, прожектор, подарок барабанным перепонкам, сердцу в груди, живущему в мучительно-сладостном томлении по абсолюту.

Один хороший парень сказал про самого ИМ, что не понимает, как тот пишет душераздирающие песни, будучи таким воспитанным, культурным, обходительным парнем. Хороший парень, как и все, полагает, что люди из шоубиза – прожженные циники и просто имитаторы хороших эмоций за хороший баблос.

В принципе возразить нечего. Вам остается только поверить мне на слово: ИМ – сложный, но хороший человек. Плохой так не улыбается.

Раз он со смехом сказал мне, что в прошедший уикенд с семьей трапезничал в рублевской ресторации, а по соседству я изображал тамаду, поминутно славословя именинника. Колись, за сколько? Я назвал цифру. ИМ вскинул брови. За такие, мол, деньги я бы и сам вприсядку пошел и горланил месяц напролет, не гнушаясь ничем.

У него нет никакого пиетета к прошлым заслугам. «Фабрика звезд» оказалась привычкой пробовать новое, не бросая старое.

Ну прям как Пугачева, иронизирую я.

Хуже, серьезно отвечает он. Говорит, что «ФЗ» опустошила его, что «больше никогда», что приручать кого-то – предприятие слишком хлопотное для ума и для сердца, что он слишком переживает из-за тех, кто не добился успеха.

Кто-то же должен сеять разумное и доброе, пусть не вечное. Я, знаете, паре по фамилии Агурбаш эту миссию не доверил бы.

Он написал, а Расторгуев спел песню «Просто люди» про моих, твоих, наших, даже медведевских папу с мамой; «Ребята с нашего двора» – про охламонов, которые снятся мне через ночь; «Самоволочка» – епитимья впереди, пока мороженое и стайка хохотушек; гимн «Москве» – «что же ты сделала со мною?!», из мальчика под твоим покровом я вымахал в мужа, и, чтобы ни трындели, пахнешь ты, как зазноба, как в фильме с ранним Михалковым, поющим в метро. Он написал про студенток, не тех, что… а тех, что краснеют от поцелуя. Про сердечное ведомство ледащих и кряжистых пацанов, от имени которых, мысли которых, робкие и не очень, вещают члены семьи – Шаганов и Андреев, призванные даже про ералаш в голове написать улыбчиво, с проглоченной слезой. Он написал про незнакомых людей как про знакомых, и они стали нам родными. Он славит тихих людей, не ведающих воя, прося оконного «За Родину!»; затюканного службиста, способного, оказывается, спеть Дусе серенаду, про Кольку в замасленной фуфайке, про листопад, про безмерную вину после дурацкой ссоры («Сяду на последний я автобус, и к тебе приеду, и скажу: как скучаю, твой не слыша голос, как я нашей дружбой дорожу»). Про усталость после марафонского марш-броска, мозг не работает, целуй меня, целуй, и целует Маня Андрюху, а Лола Кирилла Андреева, а Расторгуев спасен любовью Наташи и песнями ИМ, и девчонки фабричные пишут любовные sms-ки, и Дайнеко грезит о принце, и «в нашем городе Новый год, и я снова живу».

Игорь, спасибо!

И, Иванушки!

Улыбаюсь.

Лучусь.

Группа, с помощью Матвиенко переплавившая пубертатные эмоции в арт-продукт.

Наутро после демонстрации «Туч» ИМ сказал мне по телефону: «Все, они влюбили в себя страну». Это к вопросу о просчитанности успеха. Ее, просчитанности, не было. Потому что

реплику ИМ говорил потерянным голосом.

Вначале наполеоновских планов не было. Вначале было понятное каждому нищему желание барахольно-желудочного улучшения жизни.

Мои суждения и оценки, посвященные «Иванушкам», далеки от беспристрастности и, вне всяких сомнений, благодушны.

С Григорьевым-Аполлоновым я пил до опузырения (сейчас так, чуть-чуть), с Игорьком Сориным научился курить сигары. С ними обоими я стоял у ночного сочинского моря в божественном восторге и тоске, среди немолчного шума и пылающей звездной бездны, и болтали о славе, девчонках, не зная еще, какие сюрпризы нам приготовила сучковатая и великодушная судьба.

Славные ублюдки

Любуясь собой перманентным образом, я иногда даю отдохнуть своему нарциссизму, и вот теперь, в первый день МОЕГО месяца, я с утра перебираю архив, и за одним походом объясню, откуда взялся очаровавший всех очерк «Славные ублюдки».

Природа всех разговоров о будущности нашей Великой, но и Смешной Страны включает в себя слова «инновации», «нанотехнологии», прочую хуйню, но я не слышу или слышу редко слово ЛЮДИ.

Фото: Руслан Рощупкин

Разговор об «Иванушках» невозможен без разговора о Сорине. Я о нем уже столько всего сказал!

Пока же вот вам фото, где они вместе, на «Акулах пера». Вместе. Вместе с нами…

Я поспорил с кем-то, что возьму трех людей из моего окружения, никогда не унывающих, четко знающих, куда плыть, хотя вру, ведающих, что такое сомнение и значение выражения «повесить нос на квинту»: успешные только такими могут быть. Многосложными. Как я.

Все трое узнали, всяк на свой манер, тщету стремленья к славе, все трое, все на свой манер, счастливы и одиноки, и я доподлинно знаю, что они, как и я, не боятся сложностей и тех из вас, кто особенно туп.

Можно влюбить в себя Вселенную, можно объявить ей священную войну. Первое, между нами, много сложнее. Фронда удобна: ты вроде и Шон Пенн, костерящий Голливуд, а свою двадцатку за роль облизываешь, повизгивая, со всех сторон.

Не то – любить Вселенную, дружить с ней: трудностей, возникающих при установлении таких сусальных отношений, не может представить и самое гибкое воображение.

Буду презирать себя за этот штамп всю оставшуюся жизнь, но куда ж без него: любовь и дружба – это работа. Надо фаршировать окружающее пространство сантиментами, колючее оно какое-то.

Для вас нисколько не будет ново, что я паренек решительный и недолго думаю, прежде чем подвергнуть остракизму людей злых, кичащихся буржуазным прищуром, но не чутких, по-интуристски бодрых пустомелей, способных только на картинные сетования на всеобщий распад.

Я приятельствую, товариществую, тем более дружу с такими людьми, которых отличает невероятная влюбленность в жизнь.

Со славными ублюдками, не приемлющими формальности в контактах с себе подобными.

С изящными людьми, собственноручно строящими свою жизнь, разбитую по кадрам, где в одном – слезы, в другом – взгляд в прекрасное далеко, в третьем – страстный поцелуй.

Я люблю людей, коллекционирующих ощущения. Я коллекционирую-таки людей. Такие люди, полагающие малейшее дуновение ветерка многозначительным мигом, близки мне, я по ним сверяю часы.

Они ведают все эмоции и не умеют их скрывать. Они любят свои семьи, своих друзей, тяжелые периоды переживают, как крестьяне.

Андрей Григорьев-Аполлонов,
или как улыбкой переписать историю

Я знаю «иванушку»-ветерана 200 лет, из них 199 мы улыбаемся друг другу.

У меня есть подозрение, что он не ведал – перед тем как стать артистом – периода созревания, ученичества. У него группа крови такая – артистическая. Группа крови номер один.

В преддверии настоящего года глянцевый журнал спросил, чего АГА желает себе самому. Он сказал про юбилей и про то, что надо больше любить себя, не осквернять себя.

– Это точная цитата?

– Точная. Жизнь и без того коротка. Зачем ее укорачивать?

– В некоторых глянцевых журналах специально завели рубрики про заповеди профессии, чтобы под этим соусом выудить из человека, насильно почти, программные установки. Ты про свою профессию что понял самое важное?

– Это лучшая профессия – развлекать людей. И это лучшая профессия. Надо быть в форме всегда. И каждый концерт отрабатывать, как последний.

Если вдуматься, не окажется ли, что «ИИ» столько лет потому и привечаемы, что, олицетворяя «непростую простоту» российских парней, подтянуты и улыбчивы, как во времена генезиса?

Что мне нравится в «Иванушках»: за долгие годы, за целую, считай, жизнь, отношение к поклонницам у них не поменялось. Они привечают посегодня даже переминающихся в нерешительности. И, само собой, тех, кто на концерты водят уже своих детей.

– Я, между прочим, не видел ни одного человека, которого наша – публичная – профессия не деморализовала бы, не изъела изнутри, не сожгла. В конце концов, не испортила.

– Так уж ни одного!

– Ну, кроме меня.

АГА смеется.

– А я? Как же я? Вершина эволюции? Если серьезно, разговор большой. Моментами, и моментов много, неприятный. Но если, не знаю, постараться, можно сохранить лицо. Или рожу, как у тебя. Это ведь большая привилегия – зарабатывать на жизнь так, как мы. Но и самый большой стресс. Для избежания последствий есть близкие. И есть Матвиенко, главный эксперт по эволюциям.

По его словам, он давно пережил времена безрассудного поведения и неконтролируемой чрезмерности.

Он хочет с семьей переехать в новую квартиру. Долгов полно, но уныния никакого, он востребован как никогда.

Я развелся, оставив все, говорю ему, а сдай-ка старую домину мне; я у него многажды гостил, симпатичные апартаменты.

Ответ:

– И как я с тебя деньги буду брать, ты в своем уме, Грузин?

Хотел прошипеть: «А ты не бери», – но я, увы, не Билан.

На вопрос, давно ставший общим местом: «Считает ли он себя хорошим певцом?» – он давно ответил, не обинуясь и без обид отвечает сейчас: «я, дескать, не Пол Маккартни далеко, но»:

– Артист я очень хороший.

И хороший парень.

Ну… при том, что не без сложностей, конечно.

Моему наперснику, магистру света, королю детских улыбок, повелителю женских и – мне в этом признавались все, кроме разве Мишел Обамы, – влажных снов, Андрею Григорьеву-Аполлонову исполнилось 40 лет; я с ним рядом лет пятнадцать, и я вам вкратце объясню, что он такое.

Это Светлый, Отзывчивый хитрюга, высокооктановое дитя Сочи, где не только непроглядные ночи, но дружат, если ты не стоеросовый конечно, плоть с душой.

Между прочим, он женат на музе – это и данность, и метафора.

Фото: Катя Гайка

Мы с ним оба любим пышную риторику, но я ею злоупотребляю, а он понтов не любит. Терпеть не может важничающих людей.

«Иванушки» уже, кажется, путаются в собственной мифологии. Андрюха смеется и говорит, что они «Иваны Интернешнл», я деланно вскидываюсь и настаиваю на «Отарушках Инт.».

Он, конечно, массовик-затейник, но затейливый и многомерный, склонный, например, к самоанализу (только не врите, что и вы тоже) персонаж, понимающий, что обложки журналов – не самое важное в жизни.

Мы с ним шуты, но не вредоносные. Но если я, например, при столкновении с полулюдьми-полурептилиями вскидываюсь, обнаруживая величайшую строптивость, то Рыжий, хитрюга, имитируя замешательство, – миротворец, уклонист во имя реасе, сглаживает углы.

Он, кстати, в противность мне, дома размазне, умеет все вершить деспотическим манером. Он и кнут, и мармелад.

Два брата-акробата, уютно сожительствующие с раздолбайством и с трудовой дисциплиной. Два инфернальных парубка.

Два юных господина людей с чувством юмора.

Ему не грозит геенна огненная и прописка в чистилище, потому что он много работает и печется о своих сродниках, обожает сыновей, умеет дружить.

К сорока он заделался фигурой, любимой до неприличия.

Это путаное поздравление, граничащее с осанной, –

доказательство моего истинного участия к нему, трубадуру – позитивисту, ворвавшемуся в мою и ваши жизни 15 лет тому и мою уж точно освятившему улыбкой.

Мы все в этом бизнесе не можем наладить отношения с собственной головой, поголовно являясь олицетворением метафоры «комок нервов», но неделю назад я видел, как он обнимал после долгой разлуки свою Машу, самую красивую женщину российского шоу-бизнеса. И этот сукин сын в этот момент не выглядел счастливым, а был им!

Маше с Рыжим нелегко: Рыжий – любимец публики потому что. Это значит, что Маше приходится иметь дело с тем, кому завидуют и в общении с кем мало кто избегает одических нот.

По временам они ругают друг друга для острастки, но – удивительное дело! – мой товарищ и наш славный ублюдок избежал двух крайностей: он не стал жалок, как 90 из 100 коллег, он не сделался высокомерным, как магараджа, как оставшиеся 10 из 100.

На вопрос, что там у его благоверной Марины с хоккеистом Овечкиным деется, а теперь вот другие спортсмены нарисовались, АГА (говорю же, дипломат; года два тому дал бы в табло, год назад досадливо поморщился) заразительно смеется:

– Такие вещи, Отарик, требуют доказательной базы! Маня просто невероятно коммуникабельна, тебе ли не знать! Разбирается в спорте почище записных болельщиков. Она открыта, жадная до знакомств, до знаний, чего плохого? При этом эта немыслимо красивая женщина – моя жена!

Про «немыслимо красивую» правду глаголит, но статус был обозначен тоном, исключающим дальнейший в этом русле допрос.

Несколько месяцев назад Маня уехала в США к друзьям, я встретил АГА в нашей любимой кафешке 317, месте, где, по самооценке лихой, всякий второй Виссарион, новое воплощение Христа; он все недели, что М. якшалась с янки, был на гастролях, мы выпили по рюмочке, и он грустно-прегрустно сказал: «Я так по Мане соскучился – пи…дец какой-то!»

Про столь интересующие всех расширяющие сознание вещества. У меня было, у него – нет. Его любимая на этот счет установка: «Надо уходить с гульбы до часу ночи». Моя любимая на этот счет его установка: «Плохо, если, проснувшись, не узнаешь родные обои»; я записал этот перл для книги.

Он умеет держать дистанцию. В отличие от меня, от запанибратства сатанеющего, АГА не приемлет аффекта, даже когда имеет дело с хамлом, он всегда «посовещается с самим собой» и изобретет, как обезоружить аспида.

Я вспоминаю недавнюю безобразную сцену, которую сам же учинил в гостях у аполлоновского друга, бизнесмена Сорокина. Налюлюкался и возомнил, что они меня третируют. Истерил, что твоя Распутина.

Григорьев-Аполлонов меня, хлопнувшего дверью, нагнал и с укоризной прошипел: «Если хочешь, чтобы люди к тебе по-людски, – будь с людьми человеком!» Я взвился (кто ж из пьяных признает свою неправоту?!) и уехал.

А наутро, ненавидя себя, извинялся.

Хорошо ему: у него улыбка есть. И голос. Ему ни к чему безотчетное излитие злобы.

Он живет, конечно, суетливо, но так, будто знает, что такое рай. Объясняю: рай – это когда большой дом, долгов нет, куча концертов, сыновья устраивают кучу-малу, Матвиенко не бурчит, съемочная банда не опаздывает, кино оказалось сносным, кочан с утра не бо-бо, мама скажет: «Береги себя, Андрюша».

Он очень переживал однажды (это было до появления приснопамятной песни «Снегири», когда не стало гастролей и над ними уже глумились вслух), приехал ко мне на радио на интервью, воцарился в кресле, мы повздыхали, но как только техника заработала, я сразу узнал самопровозглашенный авангард альтернативного юмора.

Сказал под занавес, что Матвиенко не даст пропасть.

Он гордится несколькими вещами, одна из них, я знаю, – дружба с Игорем Матвиенко, который рядом и в момент хвори, и в момент радости, и когда гнетет отчаяние.

– Игорь – крестный моего старшего, Вани. С таким крестным Ване не грозит стать плохим человеком. То есть он обязан быть хорошим.

С того дня, когда гуру ИМ назначил АГА послом попмузыки, до вот буквально вчерашнего междусобойчика в кафе прошла, просвистела, пронеслась, проползла, прогрохотала целая жизнь; он терял и находил, он потерял Сорина, отказался от Америки, до сих пор ищет себя и уже двум сыновьям передает ген преклонения перед жизнью. Судя по тому, с каким святым остервенением старший, Иван Андреевич, делает, встречая, из меня кишмиш, с жизнелюбием у наследников все в порядке, выше ватерлинии.

Я с улыбкой наблюдаю, как бесславные ублюдки оставили надежды перещеголять славного ублюдка АГА со товарищи по части долговечности.

Слишком много думают о хит-парадах, не располагая таким,

как у АГА, ферментом, который называется обаяние. Это делает его ребенком, сосланным во взрослую жизнь.

Сколько раз и я, и вы, а уж АГА-то – слышали, как отпевают «Иванушек»?

– Каждый год по тыще раз, – смеется. – Но у нас все в порядке. Иногда, конечно, изнемогаем друг от друга. А когда под двойным гнетом – как сейчас, летом, – гастролей и водочки, нервы на пределе, и организм пощады просит.

Сколько я его, АГА, знаю, чтобы он помог вам своей знаменитой улыбкой, которую, настолько она высокооктановая, не отрепетируешь, она либо есть, либо ни у кого из нас ее нет, – так вот, чтобы удостоиться этой улыбки, вам нужно дать ему выспаться и не хамить ему, всего-то.

Есть музыкальные люди, есть не музыкальные. Я про слух, я про стиль жизни. Если попытаться дать определение АГАшного стиля жизни, это слово – «музыкальный» – самое точное.

Бывают ситуации, когда Вам отказывает чувство юмора?

Только в ситуации, когда набредаю на людей БЕЗ чувства юмора.

Работа в «Отарушках Интернэшнл» и есть самый лучший урок композиции: АГА учится, без малого научился строить свою жизнь, как небоскреб, этаж за этажом.

И это здание не будет погружено во мрак.

Он осветит его своей улыбкой.

Это будет самый яркий небоскреб на Земле.

Акулы пера

Я был спецназом «ТВ-6 Москва», когда атаковал артистов вопросами в программе «Акулы пера», и меня в те золотые годы любили и политики, и куртизанки, и бандиты.

Когда меня видели на улицах, голоса людей проделывали глиссандо до самой верхней октавы.

Истерическое напряжение царило везде, где я появлялся, совершеннейшим гангстером задираясь ко всем.

Когда мне сделал предложение об участии тогдашний мой босс и начальник «ТВ-6» Иван свет Демидов, я не колебался ни секунды, ибо знал, что он относится ко мне в высшей степени хорошо.

И потом, подошло время, когда надо было развиваться. Из низкопробного светского хро-никера хоть в кого-то.

На листке бумаги экспозиция выглядела так: Илья Легостаев – добрый, я – злой, он – славный, я – мерзкий и т. д.

Фото: Руслан Рощупкин

Его корректность избирательна.

Самый недооцененный на ТВ человек умеет быть жестким.

Друзьями мы не стали, но к нему, равно как и к Артуру Гаспаряну из того же «МК», отношение претеплое.

По-моему, мы эту схему с блеском воплотили.

Покажите мне человека, в те годы нетерпеливо не ждавшего очередного выпуска «Акул», – и я покажу вам нечестного или недалекого человека.

Что-то агностическое было в культовости «Акул» (и есть). И в том, что мой разбитной и жовиальный образ так полюбился всем.

Я там, в этой программе, узнал тщету попыток общаться со звездами (подавляющим большинством), как с людьми. В массе своей это ужасно ограниченные люди, с неконтролируемой, порожденной комплексами агрессией; ансамбль замшелых ипохондриков, натужно самодовольных и косноязычных.

Я давно уже понял, что на каждого, кто говорит, что «Акулы пера» изменили его жизнь, есть тот, кто взахлеб пересказывает (мне же!), как я выбегал на поле в Португалии. Книга познакомит и подружит этих людей.

Я был в шикарном возрасте в смысле душевного состояния: уверен, что все по зубам.

Такой сияющий заморыш, тщательно скрывающий свою интровертивность, возомнивший о себе, что он – истребитель скверны, с такой явной нелюбовью к штампам, которую он каждый раз без сожаления швырял на алтарь просчитанной расхлябанности.

Сейчас смотреть это невозможно. По крайней мере, мне. Ибо я кажусь себе самодовольным мудилой, нахватавшимся верхов.

Но славой и позором в равной пропорции я себя покрыл. Навсегда.

Успех «АП» – это гений Ивана Демидова и умение режиссера Светы Михайловой.

Со СМ у нас была полная душевная одинаковость и физическая совместимость, мы жили-были, но я был мудаком, боящимся ответственности, и она ушла к славному, светлая память, парню Сергею-Бодрову-мл., нелепо погибшему.

«АП» впервые обнаружили виктимность наших знаменитостей и навсегда поменяли мой статус и модус отечественной журналистики.

Но, если вас это интересует, как тогда было недостаточно бифштексов в морозилке, так и сейчас.

Иногда мы были намеренно пошлыми, всегда ненамеренно забавными, редко непростительно самовлюбленными.

Мне кажется, я убедительно опроверг унылый канон скучного щелкопера.

В чем Вы видите смысл жизни?

В отсутствии суеты при отменно сделанной работе.

Отличать хороших артистов от плохих – странный узкоспециальный талант, как талант выбирать половину.

А у меня просто моторика такая – с сигарой в руках донимать людей, которые ходят с нимбами над головами, назначенными (я про нимбы) для того, чтобы не пропускать такую чепуху, как вопросы журналистов.

Годы, проведенные в «Акулах» и на «ТВ-6» вообще, полагаю для себя лучшими; они помогли в борьбе с болезнями, которые поселили в моей светлой голове демонов.

Любой выпуск пересмотрите – совершенная журналистика!

Марголис Миша, Илюха Легостаев – посегодня сильнейшие журналисты, круглосуточно преданные ремеслу.

Фото: Руслан Рощупкин

Губительница сердец жизнелюб и едва не погубивший ее собственное сердце А. Цекало.

На вызов тяжкой артсудьбы, людоедской по сути, он и она ответили расставанием.

Оба сверхуспешны.

Она – понятно, он – интеллектуальный жулик (для меня),

хваткий деляга и вправду с превосходным чувством юмора.

«Всем весело, все пьяные, все е…утся» о 90-х

Девяностые годы – время мифологии. Людям тогда было не за что хвататься, им нужно было дать надежду на то, что все невозможное возможно. Так что принцип пиара был не тот, что сейчас: весь пиар строился на безбрежном вранье. Все тогдашние селебрити были непривередливы и говорили: ты напиши обо мне что хочешь, только напиши! Никто не утверждал и не правил интервью – все были рады тому, что их упомянули в газете. Почти все интервью выдумывались от начала до конца.

Кокаина не было, ну или мы о нем ничего не знали. В ходу были таблетки. На Стадионе юных пионеров был клуб «Титаник», вот там можно было проглотить таблетку и приобщиться к миру высокой антикультуры. Мы не знали, как это все называлось – экстези не экстези, – но точно помню: таблетки никто не прятал, не было опасения, что вдруг ворвутся люди в униформе. Стоили таблетки дорого – дороже, чем сейчас кокаин. Правда, так как я относился к массмедиа, меня всегда угощали.

Самым хитровые…анным и безумным в гулянках парнем был Иван Демидов. Я до сих пор уверен, что у него в глазах Антарктида. Помню, на фестивале «ТВ-6 Москва» в Красноярске он восемь дней не вставал с сукна бильярдного стола, а я приводил ему девочек. Я был его сутенером, потому что он, бл… дь, гений, он – великий. И он никогда никого не обижал. Сейчас многие рассказывают о том, как они ударили девушку, обидели ее. А в 90-е был кодекс поведения по отношению к женщинам. Если девушка не хотела вступать в контакт, ее никто не принуждал остаться.

Корпоративы тогда уже были, но происходило все не в залах, а, как правило, в саунах. Мне платили 2000 рублей за корпоратив, и это были огромные деньги. Больше всего предлагали Титомиру, но он никогда не ездил. После клипа «Плейбой» все захотели Ветлицкую, но она была блистательная и у нее никогда не было необходимости самой зарабатывать. Все мужики хотели Ветлицкую, а все девушки – ее бойфренда Павла Ващекина. Наивно полагали, что он богатый. А он всю жизнь жил в долг.

Самые блистательные вечеринки происходили у Айзеншписа – на «Соколе». Обычная вечеринка у Айзеншписа выглядела так: всем весело, все пьяные, все е…утся. Там были все, кого только можно представить, – Лада Дэнс, композитор Величковский по

прозвищу Попрошайка, Рома Рябцев из «Технологии», Мурат Насыров, Алена Апина с мужем, Аллегрова, «Кар-Мэн», Расторгуев. В 90-е все должны были ходить к тому, кто определяет, кого покажут по телевизору. Таким человеком был Айзеншпис. Когда появился Влад Сташевский, я сказал ему: «Юрий Шмильевич, как вы можете после группы „Кино“ заводить Сташевского?!» Он ответил: «Отарик, людям сейчас нужны элементарные эмоции».

Самым крутым артистом был Титомир. Я с ним однажды поехал в Батуми на фестиваль «Солнечная Аджария», и это был единственный случай на моей памяти, когда люди облепили самолет так, что он не мог взлететь. Я видел его недавно – он с издевкой вспоминает то время, считает, что все просрал, начал капризничать. При этом сейчас Титомир собирает полные залы, строит дом за домом, одалживает Кудрину на спасение исландской экономики. Ему деньги девать некуда!

Не важно было, как ты одет. В клубы проходили те, кто умел хамить. Если ты орал, продирался через толпу и бил всех руками и ногами, ты априори вызывал уважение. Кто нахамил – тот прошел. На дресс-код всем было абсолютно наплевать.

Все модели, актрисы и певицы встречались с бандитами. Связываться с попсовиками было немодно. Девяносто процентов всех нынешних союзов возникло именно на этой почве. Я недавно ездил в круиз и поразился: все известные артистки до сих пор обзаводятся е…арями из числа бандитов. Только раньше они красовались накачанными мышцами на груди, были нелепыми и забавными, а сейчас все это происходит под вывесками крупных банков.

Все думали, что Белоусов умер от алкоголя. Х…йня! После похорон я разговаривал с его родственниками – у него была какая-то страшная наследственная болезнь головного мозга. Он не был алкоголиком – водкой он заглушал страшные боли и при этом давал четыре концерта в день. Я никогда себе не прощу, что вырывал у него бутылку из рук, кричал: «Ты что, ох…ел, водку из горла пьешь!» А он отвечал: «Отарик, у меня болит, дай я тебе потом объясню».

Фото: Сергей Берменьев

Мне нравится политика Игоря Николаева:
важнее всего – частная жизнь.
Я сделал с ним первое интервью (полосное).
Люблю его песни, корректные к эфирной субстанции и мелодичные.

Выжили самые сентиментальные парни, а те, кто уже тогда думал, как всех нае…ать, сдохли. Рыжий Иванушка в 45 лет поет песню про куклу Машу и собирает полные залы. У Рыжего все хорошо, потому что он всегда любил и жалел людей. Сейчас людей никто не жалеет. А в 90-е было одно условие: ты можешь быть полным гондоном, глотать таблетки, нажираться как свинья, но ты должен любить людей. Тогда ты выживешь.

Матвиенко первый сказал мне, что он богаче всех в стране. «Единственное, о чем я жалею, – говорил он, – что не остановил Игоря Сорина, не заставил его остаться, не спас. Но он был слишком вне эпохи, он был е…нутый». «Е…нутый» в устах Матвиенко – это комплимент. Игорь Сорин – жертва девяностых, с их безоглядной верой в то, что хорошие люди выживают. Не все. Он думал, что вокруг все такие же, как и он, – романтики. Но люди уже тогда умели считать деньги.

Тебе не кажется, что Отар Кушанашвили в итоге сошел с ума? *(вопрос Лере Кудрявцевой)*

Ха-ха-ха! Нет, он всегда был таким, ничего в нем не изменилось. Именно такое амплуа и сделало его популярным. Сумасшествие, какие-то каламбуры, понятные только в Кутаиси, – этим он и брал всегда. Может быть, он раньше просто не пил, как сейчас.

P. S. Важно: теперь все реже и реже пью. Но метко!

Глава, в которой много добра, зла и нашего шоу-бизнеса

О шоу-бизнесе

Отношение наших людей к шоу-бизнесу как минимум ироничное, чему ваш покорный истово способствовал.

Само по себе участие в шоу-бизнесе есть надругательство над природой человека. Жернова масскульта беспощадны, в этом горькая правда, объясняющая недолговечность карьер, превращающихся в дымящиеся руины.

Кого Вы не любите на нашей эстраде?

Посмотрите «Песню года». Это даже физически тяжело.

Молодые готовы пешком, на перекладных, вплавь и вскачь добираться до большого бабла, но если нет покровителя, дело труба.

Даже если есть таковой, это мало что меняет.

Я же без насмешек и без элегичности буду предъявлять вам картину положения дел в нашем шоу-бизнесе. Разворачивать фактографический свиток буду быстро, но уверенно, тщательно выговаривая каждый слог, каждое имя.

Ибо Отарик – это не про перманентные густой сардонизм и хи-хи, это в основном летопись.

Я наблюдал такое количество закатов, что плохой журналист написал бы «мама дорогая!», а я напишу: слишком много для одного временами талантливого парня, влюбчивого со сверхзвуковой скоростью.

Сегодня мы признаем за артистом его сиятельство, завтра артист, если не постарается и не ублажит нас, перескочит в разряд нолей без палочки, прикрывающихся болтовней на тему «недооценили».

Я семь раз отмерил, прежде чем сел писать сей «некропольский» антимадригал. Придется ведь написать, что у – всех-всех! – выпускников нашей «Фабрики звезд» нет силы воли, нет, не так – нет силы как таковой, нет иммунитета, они образуют один безликий ряд или там шеренгу, и причин, по которым они никогда не станут подлинными звездами, – личного ли порядка причин или, так сказать, общих – миллион, и все на поверхности, и можно даже обойтись без драпировки красивыми фразами.

Но это вряд ли.

Я обязан про их краткие, молниеносные, стремительные биографии написать ярко, определенно великодушно, с частыми красивостями.

У подавляющего большинства их нет чувств меры и такта, стильность их продиктована, почти все наносное.

Как складываются Ваши отношения с Алсу после Вашей статьи о ее свадьбе?

Никак. То есть хорошо.

Все, кого из них я имею счастье-несчастье знать, предаются бесплодной кручине, тогда как изначально было понятно, что они обречены на тлен.

Им страшно самим себе признаться, что в подавляющем большинстве своем они – пушечное мясо; кто ж в этом себе признается, все же специальные, особенно, интенсивно эту особенность доказывающие.

Тогда как чуть ли не сразу, с первого взора, с первой улыбки, с секунды первой понятно, кто состоится, а кто нет.

У того, оригинального состава группы «Премьер-Министр» были густые голоса, тонкие голоса, милая сердцу моему немосковскость, явная тяга к полифонии, любовь к музыке, к драматургически выстраиваемым песням, всякий раз семицветным, но – «поди-ка подступись к этому народу!». Что там у них случилось с продюсером Женей Фридляндом, не разбери поймешь, а все же жаль, что отменную группу положили на алтарь притворяющегося онтологическим конфликта.

А пока – довольство, эйфория, впереди – сверкающие горизонты, где не может быть смещения ценностей, ибо их две, они незыблемы – братство и музыка.

Для певицы Дакоты, по крайней мере. Все мои рассуждения про нее разрешатся одним вашим вопросом: а кто это? Выпускница «Фабрики», на первых порах успешная.

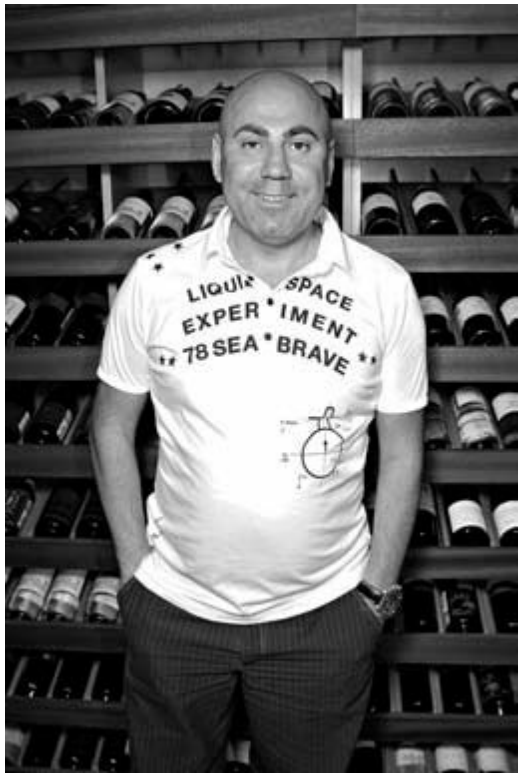
Как Алекса, запертая ныне, по слухам, в золотой клетке. Пела песню Крутого, в клипе снимался улыбчивый коммерсант Тимати, Алекса весь клип искала хахаля, спасаясь от разъедаемого страхом одиночества безумия, из чувства самосохранения вопрошала «где ты?» негромко, а хладнокровно ее игнорировал. Чудная песня.

И где Алекса?

В биографии «Блестящих» есть эпизод, когда фифы, облачившись в униформу, спели «На позиции девушка провожала бойца». Бойцом, верно, был Губин, который, как и все наши, обладает античным чувством меры. В кавычках.

Кручина по поводу того, что нет у нас голосистых, бесплодна. Какие есть. По НТВ в проекте «Ты – Суперстар!» выступил Александр Серов и обнаружил выдающееся мастерство. Сразу стало очевидным, кто тут поет, а кто сосет, пардон, не поет.

Бездны духовного тлена никак напрямую не связаны с профессией. Или связаны? Так или не так, профессия утрачена, Дмитрий Колдун – одна из иллюстраций, причем, как показал отборочный тур «Евровидения-2010», не самая худшая иллюстрация.



С годами все более боюсь впасть в грех осуждения, приучая себя – плохо получается – хорошо думать о людях.

Вот… хороший человек Пригожин.

Не смейтесь, это правда.
Или смейтесь, это правда

В чужой стороне дошло до того, что певица Шакира, генератор животного магнетизма, читала лекцию в Оксфорде! У нас один из участников дуэта «Бис», юный товарищ Бикбаев, книгу отписал, в предисловии к коей, клянусь, написано: «Каждый из мыслящих людей найдет в этой книге ответы на ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ». Не смейтесь, «Отарик, звонит телефон, это Он. Это Он» (на мотив известного хита дуэта «Бис»). А неведомый мне артист Корзин из группы «Челси» открыл школу вокального мастерства. Не смейтесь, это правда. Или смейтесь, это правда.

Налич, конечно, поедет в Осло не за победой, за НАЛИЧностью: по крайности год после позора корпоративов у него станет много более!

Самая победа ПН в отборочном туре есть искажение природы российского шоу-биза.

Он не товарка – креатура Рублевского жителя, он знает, что

такое этно, он поет, вооружившись ироничной ухмылкой: «Стерто сердце у старого перца». И, говорят, живет в таком же стиле. Он не Фрэнк Синатра, но он тоже органичен, люди привечают органичных. Вот когда Трофим поет «Жаль, что Пол не слышит, как мы жарим рок-н-ролл», я думаю, одна из причин долголетия Маккартни в том, что он не слышал, как Трофим жарит рок-н-ролл. Антиорганично.

В час, когда х…ево (когда плохо), надо песни слушать, песни вылечат, они целительные.

Что они целительные, живительные, животворные, это все знают.

А какие именно? И какие именно имена?

Знатные ведь даже зубную боль снимают. Долгую дорогу к счастию скрашивают. Сил придают (про себя толкую) после развода, а рядовому дню шарм красного дня, дарят беспричинную беспечальность, помогают отличить недоразумение от гнусности, хаос обратить в порядок, в немецко-швейцарскую герметичность. Хорошие песни драпируют нехорошую действительность, переписывают биографию: это когда ты внушаешь себе, мурлыча, что ты другой, не тот, кого все знают, как тебя.

Я всегда выяснял, у кого какой хит-парад. Скажи мне, какие песни ты любишь, и я скажу, кто ты, землянин, есть ли у тебя вкус. Нет, не собственно вкус, эта категория индивидуальная, а вкус к жизни. Тот самый, что способен противостоять бесплодной кручине и духовному тлену, страшным только для тех, кто интенсивно предается жалости к себе.

Богдан Титомир и Сергей Лемох

Богдан Титомир отказал Сергею Лемоху в просьбе реставрировать группу «Кар-Мэн». Б. Т. посчитал само предложение из ряда вон выходящей наглостью, форменным оскорблением, ибо главное в жизни, по Б. Т., во второй ее половине, – «не растратить респект».

Люди ведь состоят не только из мускулов, но еще (тут, правда, я сужу по себе) из водянистых хмельных пузырьков. Люди ведь (тут, правда, я о себе любимом, по себе любимому сужу) суть тонкие субстанции, сложные белковые соединения, не любящие искажения природы своей.

Фото: Руслан Рощупкин

Кто разрушил эту семейную унию? Оба. Я их очень люблю.

Фанерная шатия-братия и пять красавцев

Вопрос: какие могущественные силы заставят нашу фанерную братию-шатию, прям-таки излучающую витальность и живучесть, признать свое поражение в битве с кризисом?

Правильно, никакие, включая магнитные бури, Онищенко, торнадо и мужицкое ристалище в ЮАР.

Тем не менее магнетизм, который девяносто девять артистов из ста себе приписали, более не работает, и по стране гастролируют четыре единицы, много – пять; этим (коих я поименую ниже) удалось примирить два разрозненных мира – цифру и ноту.

Это Филипп свет Киркоров, который готов пропеть даже инструкцию к огнетушителю, решение саммита, высказывания горячо любимого им дуэта «Дольче Габбана».

Это Максим Галкин, который «обо всем сразу»: и стих о теории суперструн, и анекдот про эффект бабочки, и песня о механике любви, и пародия на психопатов, который способен угодить недорослям всех возрастов.

Это так любимые недоросли – «Отарушки Интернешнл», по пять раз в переполненных залах убеждающие людей веселыми пьесами (иногда и грустными), что будущее освещено надеждой. Были человечками, стали человеками, обязаны стать человечищами.

Это Гриша Лепс, специальное напоминание человечеству, что терпение и труд все перетрут, что алгебра и гармония вовсе не антонимы.

Это Лола Милявская, у которой есть свойство корить себя последними словами за безделье в первые же полчаса первого отпускного дня, сколько себя помню, столько она либо в кухне, либо в самолете, либо на сцене со своими набатными или елейными дивертисментами на тему, как бабе держать марку (ухитриться).

Лолита – архетип шалой прелестницы, не поддающейся годам. Одна из тех, кто вернул в профессию меня, бестрепетного негодяя.

Все, у меня больше гастролеров для вас нету и еще долго не будет, не умиляйтесь и не негодуйте: список составлен по опросу организаторов на местах.

Общими усилиями вы своим легковерием и проплаченные СМИ своим оголтелым враньем сформировали мнение, что Жасмин недосуг выспаться, Тимати дома бывает три дня в году, «Дискотека Авария» забыла код домофона, а «Чай вдвоем» засыпает в Майами, а просыпается во Владивостоке, Стас Пьеха взял за сердце целую страну, и страна вопит: к нам, к нам приезжай!

В стране, где у людей нет денег ни на что и где на этом фоне запели уже и Куценко, и Гришковец, и Оксана Федорова, и Анфиса, к сожалению, Чехова, можно, конечно, выставлять себя кем угодно, но страна на это говно денег не потратит, страна избирательна.

Чехова и кавказские мужики

Анфиса Чехова уверена, что она талантлива во всем.

Запела. Хочет быть как Дженнифер Лопес. Одним местом она уже похожа, вторым – приближается к иконе гетто и кавказских мужиков.

Лолита так и не вышла покамест замуж, хотя в новогодних программах 1408 раз обещала это сделать. И даже предъявила публике жениха, похожего на спецназовца.

Пусть Киркоров не Карузо, но его шоу хотя бы способствует понижению стресса, проверено.

Пусть «Иванушки» не ТАКЕ ТНАТ, но у них харизма и приятные мелодии.

Пусть Милявская на любителя, но самоотдача!

А тусклые, размножающиеся со скоростью дрозофилы, – ну чего им, убогим, делать?

Вопрос: что бы вы делали?

Правильно, заливали.

Без-скандальщина

Поверьте убеленному сединами скандалисту, известному даже в Португалии: оскандалиться может всякий, но, увы, настоящие мастера этого дела в шоубизе перевелись. Потому что настоящий скандал – целая наука, искусство и жанр самоутверждения. Теперь у наших поп-артистов в глазах уютная коровья пустота. А в прежние времена я просыпался и узнавал, что в поезде, который мчал на гастроли, вусмерть подрались Влад Сташевский и Саша Васильев из «Сплина». Один обозвал другого словечком на букву «п» и в ответ получил в глаз.

Какой из проектов, в котором Вы принимали активное участие, Вам наиболее приятен и почему?

«Партийная Зона» на «ТВ-6».

Я был молод, изумительно глуп и излучал магнетизм.

В прежние времена Юра Шатунов не боялся объявить газават «папаше» Разину, утверждая, что «крестный» нечист на руку. В прежние времена, написав хоть слово критики в адрес Ветлицкой,

ты в тот же день встречался с летучей бригадой по физиономическому улучшению.

В прежние времена какой-нибудь Виктор Рыбин категорически отказывался делить гримерку с кем-нибудь вроде Шуры, заявляя во весь голос об абсолютной несовместимости по причине несовместимости ориентаций. В прежние времена считалось доблестью расколошматить в лучших рок-н-ролльных традициях гостиничный номер: в таких историях принимала участие даже Ирина Аллегрова. В прежние времена физическое столкновение Шевчука с Киркоровым носило высокопарный идеологический характер. Теперь все конъюнктурщики, спящие летаргическим сном, на словах любят друг дружку, ненавидя в реале. И даже пиарщики нынче – такие же унылые шифровальщики пустоты, как их работодатели. Увы, притихла «девочка-скандал» Земфира, барышня редких музыкальных достоинств и редкой невротичности, побуждающей ее во всем видеть заговор. Теперь ты считаешься скандалистом, если просто сомневаешься в нетленности творчества Димы Билана или пишешь о том, что Рома Трахтенберг умер от транквилизаторов, «Яйца судьбы» – фильм беспомощный, а солистки из группы «Тутси» плохо одеваются.

Одинаковые песни, одинаковое поведение на публике, одинаковые рожи во время трансляции, одинаковые клипы, слизанные с «ихнего» MTV… И когда народный артист Юрий Антонов на спецтрассе задает трепку инспектору ГИБДД, не проявившему должного почтения, на безрыбье это приравнивается чуть ли не к кончине Джексона.

Вместо Маши Распутиной – Валерия, вместо Шнура – Стас Пьеха, вместо меня – выпускники журфака, предпочитающие дерзить анонимно в Сети.

Бестворчество. Без-скандальщина. Увы мне!

Катя Гордон

Катя Гордон запела. Рассказывают, что на концерте кто-то время от времени громко сожалел, что под рукой нет парабеллума.

Пугачева и Ротару

О ни обе отмечены печатью Верховного Гения, на них обеих лежит отсвет обреченности на вечность, они обе в глазах привередливой публики разом поэтические натуры и вавилонские блудницы, обе, как, обдавая меня винными парами, шипит

сидящий рядом мой товарищ В.

Канал «НТВ» первым решил выбраться из путанных зарослей академических кухонных споров и, вернувшись к столь любезной обывателю живой жизни, сформулировать два вопроса: 1. Есть ли война между Ротару и Пугачевой? 2. Кто побеждает в этой войне?

Кто лучше? Это моя редакция.

Как Вы относитесь к концерту Мадонны в Москве?

Я никогда не был поклонником М. Мадонна – настоящий крез, сама себя сотворила, не какая-нибудь оранжерейная девица.

В любом случае – это событие.

Обе, вне всякого, демиурги с перезавышенной самооценкой, обе (с одной я имел дело, с семьей другой знаком) мастерицы строить ковы, устроить супостату личную преисподнюю.

Обе ищущие натуры, привычные и к подъемам, и спадам. Только у АП эта синусоида сопряжена с децибелами, а у Ротару – с исчезновением на время для осмысления, и триумфа, и афронта.

Одна из них писала песни (АП), другая – никогда. Одна всегда пела про любовь (АП), другая – всю жизнь пела манифесты сознательной социальности, а в последние годы вдруг перешла на интима прославление, упиваясь своей инфантильностью.

Обе являются любимицами страшного подотряда рода человеческого – политиков.

Обеих упрекали только на моем веку раз сто пятьдесят в том, что они «задержались», в том, что не замечают дымящихся руин карьер.

Одной пришло в голову уйти со сцены (есть подозрение, что вернется), Ротару, подменяя причину следствием, уверена, что ее время еще не пришло, и отчаянно молодится.

Что для Вас деньги? И сколько у Вас их?

Отвечая на этот вопрос, неминуче делаешься дураком.

Штамп: они суть независимости.

И их никогда нет.

Пугачева весьма щедра на публичные заявления, Ротару весьма скупа на публичные заявления.

Одна выходила замуж 44 раза, Ротару раз и навсегда.

Обе вписались органично во время, макающее в помойку, – после времени, когда культура насильно тащила в небеса.

Обе насквозь мелодраматичны, но любят эпический размах. Одна войдет в историю как создательница «Рождественских

встреч», другая – как вечнозеленая хуторянка.

Пугачева неудачливый бизнесмен, Ротару – удачливее (у нее отель как минимум не загибается).

У обеих проблемы с ближним кругом. Обе лучше певицы Максим. И все-таки боевая ничья.

Юрий Айзеншпис

О Юрии Шмильевиче Айзеншписе я все написал в предисловии к его книге, вышедшей незадолго до его кончины.

Меня упрекали за это предисловие: мол, оно выспреннее.

А каким еще оно может быть, если речь идет о человеке с такой биографией, объединившей и Севару, и Япончика, безмерно пикантных персонажей.

Он научил меня, что кручина бесплодна, что тлен не страшен тому, кто всегда учится, что надо бояться долбоебов, талдычащих слово «духовность».

…Умирал он страшно. В двадцатой больнице, состоящей из полутрупов и более-менее внимательного персонала, среди которого тоже встречались полутрупы.

Вроде ел правильно, не пил вообще.

Зная горькую правду про бренность жизни, верил, что в ней, в жизни, есть смысл, помогающий переплавить невзгоды в арт-продукт. Он был лириком с компьютерным мозгом, Наполеоном (антропометрически и мозжечком). Если такое допустимо, монстром с большим сердцем.

На экране казавшийся субтильным, в яви он заполнял собой все пространство.

Конечно, его репутацию трудно назвать безупречной, а характер легким. И репутация, и характер были такой выделки, что общаться с ним мог только тождественного мировоззрения человек.

Он мог словесно уничтожить, он мог руки распустить.

Скольких коллег я от него оборонял!

Он питал огромную слабость к гардеробу, располагал редким в этом смысле вкусом.

Меня Юрий Шмильевич Айзеншпис вывел из овощного оцепенения. Ему не хватало одиночества, вот этого вот – «раздал имущество и удалился в скит». Из меня, кутаисского заморыша, он лепил парня, при всей своей интровертивности, самодостаточного и не боящегося внешнего мира. Ужасно агрессивного, когда речь идет об агрессии врагов, кроткого участника ансамбля, когда нужно быть просто солдатиком. Он мог обезобразить, будучи субтильным, врага так, что могло показаться, будто это не «рукотворное чудо», но – ковш экскаватора. Я убежден, что Он ушел в самом соку, в самый распрекрасный возраст – подлости судьбы он уже раскусил, сын стремительно рос, вымахав в верткого юношу, изрядно обаятельного, а сам ЮА стал всенародно признанным истребителем скверны.

…Теперь за него Я.

ЮА нужно описывать как искусительную смесь жесткого визави и объекта журналистского интереса.

Ему нужны были тридцать минут, много часа два, чтоб влюбить в себя кого бы то ни было.

Он не раз и не два говорил мне, что налицо дегенерация артистов, вообще младых да ранних.

Память о нем «тленья убежит».

В июле день рождения моего Юрия Шмильевича Айзеншписа – Великого Старика, научившего меня не вставать на колени ни перед кем.

Когда б он щадил себя, закатили бы пирушку в честь 65-летия, а я был бы тамадой.

В июле про моего ЮА вспоминают (разумеется, все реже).

Одна газета с очень большим тиражом написала, что мой ЮА стоял у истоков «голубого лобби». Написала, презрев все законы-каноны морали.

Я хотел было съездить в редакцию к этим термитам, к этим смердящим рептилиям и карательно заставить их забыть про законы гравитации, взлететь от хука в челюсть и шмякнуться. Оказалось, статью написала девушка.

Я человек, конечно, сложный, но микробов не люблю, людишек-микробов. Я пятнадцать лет был ему братом, сыном, учеником, и он всегда брал странной для богачей щедростью, прихотливым перепадом температур между формой и тем, что внутри: субтильность и вулкан – так это назовем.

До последнего дня он сохранял бунтарское реноме, но при этом с каждым годом становился все более сентиментальным, наверное понимая, что где-то в заоблачных высях ему отмерено немного и с людьми пора заканчивать быть жестким.

Я учился у него каждый день, я читал и читаю его жизнь как живую хронику внутренних борений не «голубой», а интересной души.

О целительной роли ЮА в жизни бездельников и лентяев могут рассказать экс-бездельники и лентяи – Сташевский, тот же Билан, я, в конце концов. Все трое по гоголю и отъявленные, между прочим, «баболюбы».

«И вот, столь долго состоя при музах», я вынужден развенчивать посредством клятвы и пышной риторикой омерзительный миф голубого колера.

Я в квартире, в которой практически дневал и ночевал, про «темный зов плоти» ничего не слышал, а про дружбу слышал, про недопустимость низости, он бился, чтоб мы не стали наркоманами и пьяницами. И, это важно, не был одноклеточным дидактиком. Ему не давал покоя вечный самоанализ. Он вставал в шесть ежедень и думал не об обложках – по крайности не о них в первую голову, – но о том, что он оставит сыну Мише.

Никита

Вернулся певец Никита. Вернее, возвращается. Точнее, хочет вернуться. Когда б у него хватило ума при царе Горохе не уходить от доподлинного царя Юрия Айзеншписа, чью опеку он отверг, сейчас имели бы о-оочень крепкого артиста.

Обзывая меня вредоносным шутом, требовал, чтобы я больше времени посвящал детям: «Это самое важное. Грузин».

Не надо голубых ему было.

Но если вам так неймется, так уж и быть, унижусь и открою,

что сам водил к нему, холостяку, девиц, а утром их выпроваживал, цинично приговаривая: «Убирайся, детка, во имя любви» (шучу).

Я обнаруживаю величайшее замешательство, когда надо от термитов оберегать – оборонять сложных, но достойных людей.

И он, между прочим, не делил людей на «голубых» и «Отариков». Он делил на талантливых и бездарей.

И он научил стоять спиной к спине, когда наших бьют.

…Я стою, Юрий Шмильевич!

Кем был Дима Билан?

Кем был Дима Билан?

Во-первых, он был Виктором Беланом, как Глюкоза была Наташей Ионовой.

Во-вторых, и это главное, он был крепким парубком с выдающимися артистическими и вокальными данными.

Кем стал Дима Билан?

На короткое время заделавшись погибелью мира пластиковых звезд, он стал форменным Томом Крузом, которому, если кто не в курсе, сейчас приходится, чтоб доказать, что он не абсолютно ку-ку, а вовсе даже абсолютно не ку-ку, уничтожать свой божественный статус. Он стал просто хорошим певцом с пластичной психикой и непонятной диаграммой душевного состояния, ревностно указывающим на свою особость.

Билан и английский

Истово пожинал плоды всю годину Дима Билан, которого я по-прежнему люблю и почитаю первым исполнителем, но который, я убежден, идет неверной стежкой. Очевидно, что череп его, полный черного перезвона, не справляется с нагрузками. Напойте мне хоть одну его песню за прошлый год. Если тот язык, на котором поет Билан, называется английским, то тот, на котором пишу я, – испанский.

Когда он пел «На берегу неба», «Это была любовь», он был изрядным вокалистом; теперь, когда он тщится стать «как Джастин Тимберлейк», он стал вокальным акробатом, чьи фигли-мигли (которые, не сомневаюсь, сам он назовет колоратурами) технически изощренные, но не содержат фермента, влюбляющего в артиста.

Фермент тот называется просто – теплота.

То есть мы, самарские, московские, владивостокские, любили

его за своеобычность, а он, заработав в Самаре, Москве и во Владивостоке, хочет, из кожи вон лезет, чтоб его любили в штате Массачусетс и городе Дублине.

Он ведь славный парень, если между нами. Его натужная демонстрация, что он теперь и с Богом, и с чертом на короткой ноге, – от лукавого, он просто церемоний MTV и GRAMMY навидался.

И после триумфа на Евровидении, который я сопровождал детским восторженным плачем, он счел, что самое время взобраться на облако и попросить прикурить у Господа Бога (хотя, по чести, «BELIEVE» много слабее «Never, never let you go»).

Сколько в нем было пороха, мощи, огня, вкуса, гармонии!

Огонь остался, вкус пропал, гармония ушла к Эросу Рамазотти.

P. S. И все равно: когда я думаю о том, как он начинал, вспоминаю его лучшие пьесы, – душа моя возносится в небо и теряется средь облаков.

Майкл Джексон

Он остался мальчиком, сосланным во взрослую жизнь.

Я в разговорах про Мишку Джексона, хоть сколько-нибудь оспаривающих Его величие, не участвую. Не хватало еще! Он подарил нам музыку невероятной мощи, необъяснимого обаяния, потусторонней красоты.

Он конвертировал в музыку свои представления о Прекрасном, сочинив и исполнив такое количество песен, способствующих просветлению, что туманы ими можно рассеивать.

Напев мильон пронзительных песен, всю свою жизнь он превратил в одну длинную песню – в отличие от тех, которые пел, ясных, как утро, – песню, полную смысловых темнот.

Теперь эту песню, как водится, признают хоть и драматичной, но шедевральной.

У Вас есть отвращение к Америке и что они делают? Их деятельность.

У меня бесконечное почитание Америки.

Я вообще полагаю большинство песен МД патентованным средством от навязчивого ощущения, что жизнь – дерьмо, что без любви твое сознание пойдет в пищу безумию, что только страсть

обратит лед в порох.

Он, подобно Байрону, исследовал все самое экстравагантное. Вернее сказать, пробовал на себе.

Чтобы полпланеты было от горя вне себя… ну кто еще должен умереть, пардон за цинизм.

Все, что он делал, излучало магнетизм. Он первым поженил ноту и цифру, ноль и бесконечность, алгебру и потустороннюю гармонию.

Он всегда был молчуном. Оранжерейным молчуном, нашедшим спасение в эскапизме, который обыкновенно служит прибежищем для балансирующих на грани морального и финансового дефолта.

Вы – самый скандальный журналист России. Многие люди хотят «закрыть Вам рот». Как Вам удается жить в таких обстоятельствах.

Есть два способа.

Один – не думать об этом.

Другой – отчетливо сознавать, что самое большое, что они могут сделать, – убить. Всего-то.

Он не растворился в Истории, но стал частью ЕЯ, и теперь против него ничто – небесная власть и власть земная.

Наш Мишка, уместно – неуместный светящийся Гений.

P. S…Слушаю Его!

Какие стандарты он задал все-таки, если без вычурностей! Какие музыкальные корпоративные идеалы создал!

Эрос Рамазотти

Я всегда объявляю его (а если высокопарнее – позиционирую) как лучшего певуна всех времен.

Он взял меня – и всех – таранной экспансией с того санремовского вечера, когда, казавшийся нескладным, вьюноша вышел и спел про свое турбулентное состояние.

Сжатые до трех минут прописные истины он так интимно интонирует, что какой там Кокер! (Там просто какой-то хрипун, а здесь сильная личность.)

Умеет, собака, драпировать красивым голосом вечную коллизию Она-Он, их интимные биографии, слившиеся в один ебливый апокриф.

Как Вы относитесь к рок-исполнителям? С кем Вы хотели бы сейчас провести беседу?

А никаких рокеров нет.

Есть только Эрос Рамазотти, то есть, наверное, Экса Роуз рокер, но слишком смазливый.

А поболтать – с Эросом, которого нахожу сложным и простым. Как я.

У него почти античное чувство меры, плодоносное (слышно на каждом альбоме) чувство юмора, бездна вкуса.

Два с половиной часа на сцене он проживает страшно интенсивно, потому что состоит из мускулов, а не из водянистых хмельных пузырьков.

Нонешний век приучает человека быть грубым, что есть искажение природы человека.

В его песнях нет горькой ухмылки над бренностью жизни, в них есть надежда, а не тщета надежд. Они учат даже болячки переплавлять в арт-продукт, сверхуспешный в интерконтинентальной Европе, которую взял ловко, как Наполеон.

Что для Вас является счастьем?

Как лапидарно на этот вопрос ответствовать? Когда дома ждут, когда есть сигара, диск, и никто не ссорится.

Тошнотный штамп: он сыграл огромную роль в моей жизни.

Но это правда.

Фото: Анатолий Ломохов

Никас Сафронов относился ко мне трепетно. Потом перестал, как Долина. Сейчас я на коне: читай книгу, и они с Долиной снова будут относиться ко мне трепетно.

Мурат Насыров. Никогда его не забуду

…Помимо всего прочего, я искренне полагаю песнь «Я – это ты, ты – это я» одной из лучших в истории российской поп-музыки.

Он сам лишил себя жизни.

Нет, вы не прочли:

ОН САМ ЛИШИЛ СЕБЯ ЖИЗНИ.

Он был патентованным высокоинтеллектуальным холериком – невротиком; он был чудесным иногда, иногда невозможным

парнем.

Другой патент – на звание популярного поп-исполнителя – он получил после безделицы под названием «Мальчик хочет в Тамбов». И на семисотом исполнении этой вещички проклинал и себя, и нас всех.

Чего Вы боитесь?

Дураков. Молодых людей со старообразной внешностью. Любви – но ее же и желаю.

Он был порядочным парнем, витавшим в эмпиреях и абсолютно не приспособленным к будничной жизни.

Он не был самым примерным мужем, но он был мужем самой, хорошо, одной из самых порядочных жен – Наташи.

Два молодых существа, любившие друг друга со студенческой нищеты, и эта любовь была за пределами рациональной мысли.

Он выпрыгнул из окна в мозглую погоду, употребив расширяющие сознание вещества, ибо «любви нас не природа учит, а первый пакостный роман».

Мы обменивались эпистолами: вот одна из его записок – манерная, но из которой ясно, что он был тончайший и неровный паренек, более всего любивший звуки и полемику на музыкальные темы.

К записке прилагался диск. На диске… Бетховен, Вивальди, Шопен.

Я никогда Его не забуду.

Отару Кушанашвили

Произнести слова, в которых Вы, мой друг, сможете отыскать неизведанную правду морфофонетических словообразований и транскрипций, не использованных Вами же в бытность меркантильных потуг моего визави, сопровождающихся безотносительным восторгом недополовозрелой публики, как таковой по природе нашего же ее восприятия, крайне бессмысленно.

Я не хочу играть словами,
Привык излечивать делами.

Однако ж строки, адресованные человеку – искателю правды и добра, не могут быть оставлены без внимания. Старик, да разве может быть соизмеримо сознание, подобное нашему с тобой, с чем-либо, хотя бы отдаленно напоминающее мозговые клетчатки организма, гордо

носящего… Но не это смысл, поверь мне. Люди рождены не для того, чтобы, возводя над собою ореол, честолюбиво зычно во всеуслышание, до посинения в мошонке, публично доказывать всем и вся свою святость и близость к гению. Нет, Отар, я не стремлюсь заполнить пробелы необузданной ценой нравоучений, ты же знаешь, я не из тех.

Но я буду искать гармонию в жизни, а иногда и создавать. Но не конверт будет являться производным для неплагиатичного соединения воедино бемолей и диезов, а нечто иное, более дорогостоящее. Моя доля такова… и в этом моя правда миропонимания и правильного использования своего предназначения в среде себе подобных.

Велика наша роль.
Я не шут, не король.
Ты не Бог, не плебей.
Мы во власти теней.

Ты, Отар, не суди,
Крылья освободи.
И прольет небо свет
На остаток тех лет,

Что дарованы нам,
Вездесущим парням.
Так что будь, не грусти,
Если что-то не так,
Гари Барлоу прости…

Думаю, старик, этот потаенный CD откроет тебе тайны невосполнимых фантазий и ностальгии того уходящего времени беззаботного мировосприятия и невинности.

Жму обеими.

С искренним уважением М. Насыров

Кобзон

Он есть (не пришел, а – есть, Он всегда был) в мире пластиковых звезд, со вкусом и запахом реальности, но их, вкус и запах, с собой принес, он эту реальность воплощает.

Мама моя покойная светлела лицом, когда видела его, и злилась, когда его называли при ней мафиозо.

Мой папа – долгожитель, которому палец в рот не клади и который избирателен что твой король, сказал мне: если, говорит, с кем-то на закате дней моих, восхитительно несладких и пугающе чудесных, и пить, то только с Ним.

Есть мистика, есть гороскопы, есть ученые мужи, есть коллайдер или как его там – и есть Кобзон.

Мы записывали с ним интервью, и он, среди прочего, сказал, что всегда умел радоваться маленьким радостям, даже если они оказывались эфемерными, всегда мечтать любил, даже если мечты эти казались всем эфемерными.

– Но вы же практик, – вставил я.

– Одно с другим не сочетается? – улыбнулся он.

Это место из интервью удалили. Разумеется.

Не предаваться унынию учит он.

Даже тех, кому он не приносил и не приносит музыкальной радости.

Даже молодые да ранние безоговорочно признают Его безоговорочным образцом.

Он может спеть и про ночное море, где каждый из нас замирал в божественном восторге и божественной тоске, среди немолчного шума и пылающей звездной бездны, и следом отчеканить осанну людям в форме. Он может быть пламенным трибуном и человеком, нежно поющим о расставании, предвосхищающем перемещение в небесный приют.

Он умеет горько улыбаться над бренностью героев, нет, Норд-Ост жизни и тщетой надежд, но знает, что ему, как артисту ненизкого полета, вменено в обязанность дарить надежду другим, по сегодня полагающим ИК совершенным артистом.

ИК не знает, из другого теста, что такое просчитанный успех, или же просто он попал в нерв времени тем, что пел отменно песни, внушающие возможность счастья.

Сталкивались Вы с предательством? Можете ли Вы предать?

Да, меня пытались нагнуть. Но поскольку я сам не идеален (хотя до голого предательства не доходило), чего тут апофегмы толкать.

Половина страны убеждена, что ИК способен лед превратить в порох, чувственными речами и песнями помочь сохранить лицо, остановить (как он это сделал во время кошмара «Норд-Оста») запертых в узилище разъедаемого безумием сознания обдолбанных фанатиков.

В Наташу Кобзон я был влюбленный!

Я был шумный, но невнятный, разумеется, обаятельный, но до неприличия закомплексованный.

P. S. Таки так и есть: они слитые для меня воедино: Родина моя и мой Кобзон.

И зачем Киркорову синематограф? Лучше бы пел

Я уже писал однажды про Киркорова, что он полон силы и огня, часто по-артистически безумен, но ему не хватает большого стиля, он зачастую не в ладах со вкусом. И все-таки я его люблю и потому понимаю природу любви к нему. Он – верный. Себялюбец, конечно, еще тот, но, уверяю вас, в науке выстраивания правильных отношений с социумом толк знает. А уж в том, как строить карьеру, ему просто равных нет.

Пока иные, скрючившись, валяются средь дымящихся руин много обещавших карьер, ФК движется вперед. Очевидно, он и в приватных беседах признает, что его жизнь на эстраде, где он с младых ногтей и где он скала среди холмиков, ему наскучила. А в преддверии выхода на экраны фильма «Любовь в большом городе-2» и публично была произнесена парочка очень сильных выражений.

Смысл и сила их как раз в том, что практически потерян интерес к этому, эстрадному, принесшему ему оглушительную славу роду деятельности, ибо – расти дальше некуда. Он уже ходил веселыми ногами в продюсирование. Мюзикл на его счету, артисты. ФК, при том при всем, как продюсер решил перешагнуть чрез период ученичества, созревания, то есть, не постигнув азбуки, взялся писать роман. Мюзикл почил, Стоцкая, Агурбаш, Колдун… Где они?

Сейчас помогает Лорак и… Билану. Чтоб тот в третий раз поехал на Евровидение, что само по себе выше всякого разумения. Киркорову скучно. С математикой у него всегда была любовь – его волнует художественная сторона вопроса. Любимец муз хочет быть любимцем ВСЕХ муз. Поэтому подался в кино, хочет детей. Слышите? Кино и детей ему подавай. Насчет детей промолчу, а кино – почему нет? У ФК, на всех фронтах желающего быть

первым, везде кратко-временный сеанс любви с предметом. Независимо от качества предмета.

Отар, сложно ли быть известным? Слава не портит?

Слава портит всех. Маскулинные идолы мутируют в женоподобных крольчих – и наоборот.

Роль в новой киношке Марюса Вайсберга у него не главная, но смыслообразующая. Что первая часть, что вторая – умеренно смешные, а ФК… что написать, не знаю. ФК и в кино ФК. Но кино зряшное, вот что. Мелкотравчатое какое-то для затеянного не для мелкой суеты Филиппа. Сальное. Такие мюзиклы априори обречены: голосят, наша природа донтандэстэнд такое дерьмо. Спираль, порожденная его вездесущностью, прошла точку полного витка (он даже был женат, помните?), и я говорю ему: полно, шеф, отрекись от побочного, пой! Лучше пой.

P. S. Я уверен, что Он еще долго-долго будет № 1.

И я рад этому.

Как, наверное, этому рад Он.

Аллегрова

Мнимо грубый, на поверку сентиментальная квашня, старомодно убежденная, что сермяга победит силикон, что объятия длят жизнь, всякая даруемая нами улыбка есть правильный знак по дороге в эдем, я негаданно накатал статью про Аллегрову Ирину.

Надо ли говорить, что текст был путаный: я называл ее Королевой, но Вульгарной, то есть Вульгарной, но Королевой. При всей путаности текст, мне казалось, дышал симпатией. Ей передали не то и не так, мне передали, что совсем скоро меня принудят лизать огненную сковородку.

Через месяц я встретился с ней на юбилее непростого человека, и первые минут пять между нами потрескивало электричество.

После она отменила гнев, я раза три удачно сострил, потом она в лоб спрашивает, какие три ее песни мне по нраву, а меня, знаете ли, на понт не возьмешь, и, хоть и завладела бледность рожей моей, я выпалил: «Транзитный пассажир», «Улыбка папы», «Фотография 9×12» – и победоносно профальцетил: «С наивной подписью на память».

И – еще добавил, что ее несколько манерную линию

поведения на сцене украшают очень точно подобранные песни – как внезапные ясности.

Если вы сначала послушаете отвратную песню «Угонщица», а потом безуспешно будете унимать сердце, слушая «Не опоздай», вы быстренько поймете, что ИА в курсе, что такое биржа, и в курсе, что биржевой курс романтики всегда высок.

Пройдя земную жизнь до половины, она разгадала несколько тайн. Одна из них такая: если глаза необманные и приложить некоторые усилия, можно переплавить невзгоды в арт-продукт, заменяющий фармацевтику.

Остаточный запас мифа об Ирине Аллегровой – как и обо мне – еще не просто велик, а преумножается.

В этом смысле показательна история с песней «Транзитный пассажир».

В этой песне быль, случившаяся с каждой второй женщиной большой страны, у которой (женщины, не страны) и впрямь есть повод для кручины. Но кручина… м-м-м-м… непродуктивна. В совокупности с иными мелкотравчатостями ведет к духовному тлену.

Ведь если по делу, жизнь страшно била ИА. Состояла из пощечин и подзатыльников, а триумфы, все до одного, были рукотворными. Жизнь ведь сука такая, обязывая нас к самодисциплине, делает все, чтоб поглумиться всласть над нашей природой.

Если вы не заметили, именно в означенной песне или, например, в «Тем дням счастливым не вернуться, и не вернуть любовь, ты знаешь. Но только бы тебе не поскользнуться, легко ступая по моим слезам» видна горькая улыбка над бренностью жизни и тщетой надежд.

Даже эти, означенные, слезы можно и должно переплавить в арт-продукт, в пилюлю, в кимоно, в высокую улыбку.

Даже если песня фиксирует разъедаемое безумием сознание одинокой женщины, ИА в конце улыбается, из каковой улыбки следует, что порох-то есть, что льду не победить, что вера в себя и чувство самосохранения целительны.

Тут вам не шелуха необеспеченных смыслом слов, но почти байроническое стремление исследовать все необычное и запрещенное из области женских эмоций.

Вы, верно, не осведомлены на тот счет, что, когда и ИА в плохом настроении, к ней лучше не приближаться.

А когда она вне себя от горя, я тоже знаю. Послушайте «Улыбку папы» еще раз.

История ее лирической героини – история каждой женщины, которую я знал и знаю в той степени или в этой.

Условно выражаясь, это аутентичная вполне себе хроника живых борений (за счастье) женской души.

Нагнуться, наклониться, сжать зубы – и взлететь; так-то, подруги мои.

ИА оформила мэсседж: небесная и земная власть – на нашей стороне.

Когда мы любим, здесь и сейчас.

«Агата Кристи»

Ни одна группа не подарила мне такое количество шедевров, помогавших мне в битве с невзгодами и в войнах с самим собой, как «Агата Кристи», как интеллектуальные хитрованы братовья Самойловы.

Вот к ним относится пресловутое «когда б вы знали, из какого сора…». Добавьте к этому гримасы быта, душевный коллаж не разумеющих нас половинок, добавьте к этому курс евро, нежелание видеть никого, слезы по ночам… Вот как из всего этого, сквозь все этого начинает бить ослепительный свет подлинности? Вас эта тайна не изводит?

Правда ли, что с братанами Глебом и Вадимом Вы употребляли транквилизаторы типа реланиума? Насколько серьезно у Вас обстоят дела с этим?

С ними – нет, но вообще, к стыду своему, – да. Никакие могущественные силы не могли заставить меня прекратить.

Кроме воли, стыда и ответственности.

Я не готов променять песню «Четыре слова про любовь» даже на постановку «Лебединого озера» с Киркоровым в главной роли.

Иные песни, написанные от имени запертого в узилище разъеденного безумием сознания человека, неотразимы.

Какие страсти, пардон, мордасти в каждом альбоме!

Вершинная работа последних лет – «Я поцелую провода» – могущественный гимн сознательного лирического анархизма в исполнении (анти)героя, которого не принудишь делать то, к чему не лежит его душа, даже если воскресишь Иисуса.

«Агата Кристи» опрокидывает тезис, что гений и хороший вкус не всегда ходят об руку. Иногда вот прогуливаются.

По отношению к шоу-бизнесу братовья Самойловы всегда вели себя равнодушно и отстраненно, как селезень на пруду.

Особенно после кончины клавишника Саши Козлова (подозреваю, от наркотиков), всегдашнего противника тусклого мироощущения.

Женатый Басков, молчаливый Отарик, совестливый Саакашвили

Говорят, что бывший тесть Баскова теперь в пику ему спонсирует Киркорова; чем не анекдот. Вообще говоря, женатый Басков – это молчаливый Отарик, а Зверев, у которого сын, явление такого же высшего порядка, как совестливый Саакашвили.

Алибасов

Я обожаю предаваться воспоминаниям, мне мемуары не страшны, моя память избирательна, посему я нескончаемо готов славословить судьбу-индейку и восхвалять людей, которые мне дороги (вот такой я счастливый сукин сын).

Ваша мечта?

Чтоб столько денег, что не будет необходимости выходить из дому.

Бари Алибасов всю сознательную жизнь вопиет против искажения природы человека, не умеющего отделить зерна от плевел, доплыть до противного берега.

Он умеет быть элегантно ироничным, любит быть эпатирующе откровенным, он жадно жовиальный, он умеет играть в запертого в узилище, разъедаемого безумием сознания, со знанием дела переведет с казахского на грузинский «чувство самосохранения», способен уверить вас, что превратит лед в порох и наоборот.

Если Айзеншпис оставил нам в наследство таранный метод

продюсирования, то Бари – даже при всей нонешней шаткости нанайской карьеры – продолжает культивировать лукавую методу, в основе которой изощренный интеллект.

В мыслительный репертуар подавляющего большинства людей понимать БА пунктом не входит, потому что мыслительного репертуара нет, а его мысли что газмановские скакуны.

Он никогда не станет старообразным, этот стихийный гений, живущий в собственной вселенной.

Сташевский

Влад Сташевский однажды отказался участвовать в съемках документалии обо мне, сказав звонившей девушке-администратору: «Он ко мне плохо, и я к нему плохо».

Такая реакция не есть правильно, но есть искажение правды, которая разом и сладкая, и горькая (пардон за ходульность).

У Вас есть отвращение к тем людям, которые Вас ненавидят?

Нет, зачем?

Глупо.

Непродуктивно.

Он пал жертвой невзгод, которые самолично породил.

Это был, конечно, просчитанный успех. В первую очередь Наполеона-Айзеншписа, терпевшего ему (и мне, и мне!) множественные фортели.

Его появление было многознаменательным: было доказано, что обаяние (даже, как у меня, отрицательное) превыше всего, по крайности важнее умения лихо расправляться с октавами.

Вы, скорее всего, удивитесь, но Влад – рефлексирующий парень, терзавший себя и нас, окружение, вопросами из того самого разряда.

По отношению к Дамам – рыцарь.

Однажды мы проникли на закрытую вечеринку, где он отпиздил трех бойцов за то, что барышню обижали.

Сильный духом. Высокий паренек, не способный на низость.

Тем, кто на все корки бранит Влада Сташевского, я предъявляю эту книгу и предлагаю послушать мою любимую «Ах, вечерочки». Она мигом разобъет об колено стереотип о нем. Он весь в этой песенке.

Разумеется, он разумел, что его многие ненавидели. Не ругали по существу, а именно что ненавидели. Он знал, что худо поет. Но он знал, что можно брать другим. Обаянием (хотя, безусловно, иные и обаяние находили отрицательным).

Он не задирал нос, тем более высоко.

Когда мы общались, у него было неплохое чувство юмора. Он жил в гармонии с собой, а женившись на Ольге Алешиной, расплевавшись с ЮА, обрек себя на хаос.

Записал несколько скуловоротных песен, превратился в резонера, отверг мою дружбу в анатомических подробностях.

Ну и ладно.

Желаю Ему Счастия!

Сосо Павлиашвили

Я любил и люблю – как бы он сейчас ко мне ни относился – Иосифа Отаровича за мужской подход ко всему. Таковой подход предполагает глубину проникновения, избавленную от тонких эмоциональных вибраций. А у него есть и то и другое.

Но он очень любит быть Макаренко.

Когда я попал в переплет в Питере, он позвонил мне и ну отчитывать («Не пей!»)… Мне тут же захотелось выгнуться, презрев все законы гравитации. Я хотел крикнуть в трубку: «Я одинок!», о перепадах температур между формой и тем, что

внутри, про то, что мне уже не избавиться от бунтарского реноме… но я сдержался.

Пусть все у него будет хорошо. Заслужил.

Слушал родимую поп-музыку. Потому что никто еще не отменял заповеди: изучи врага хорошенько… Враг живет в полном довольстве, можно ужесточить лексику – в абсолютном; он по-прежнему на 99 процентов питается ворованными мотивами и чудовищными рифмами, нас потчуя тем же.

Мы прозевали момент, когда главной музыкой в стране стала музычка для невротичных сентиментальных бандитов. И эти адепты и апологеты шансона будут утверждать без тени смущения, что их короли Трофим и Стас Михайлов поют не ради гонорара, а ради ответов на проклятые вопросы.

Фото: Анатолий Ломохов

Одно время мы дружили с Анитой Цой; я ненатужливо пел дифирамбы ей, она изящно привечала меня.

Ее экзерсисы мне не совсем близки, но барышня она обаятельная и трудолюбивая.

Хотя – еще бы! – послать способна. Если кто-то волынит, этот кто-то сразу чувствует запах серы.

…Когда я окончательно утратил форму, она подошла ко мне

на каком-то рауте и учинила взбучку. Смысл был такой: раньше ты делал честь человеческой расе, а теперь ты развалина.

И сказала, что буде мне понадобится помощь, она к моим услугам. Круглосуточно. Когда мне стало совсем худо, я позвонил.

Она не перезвонила.

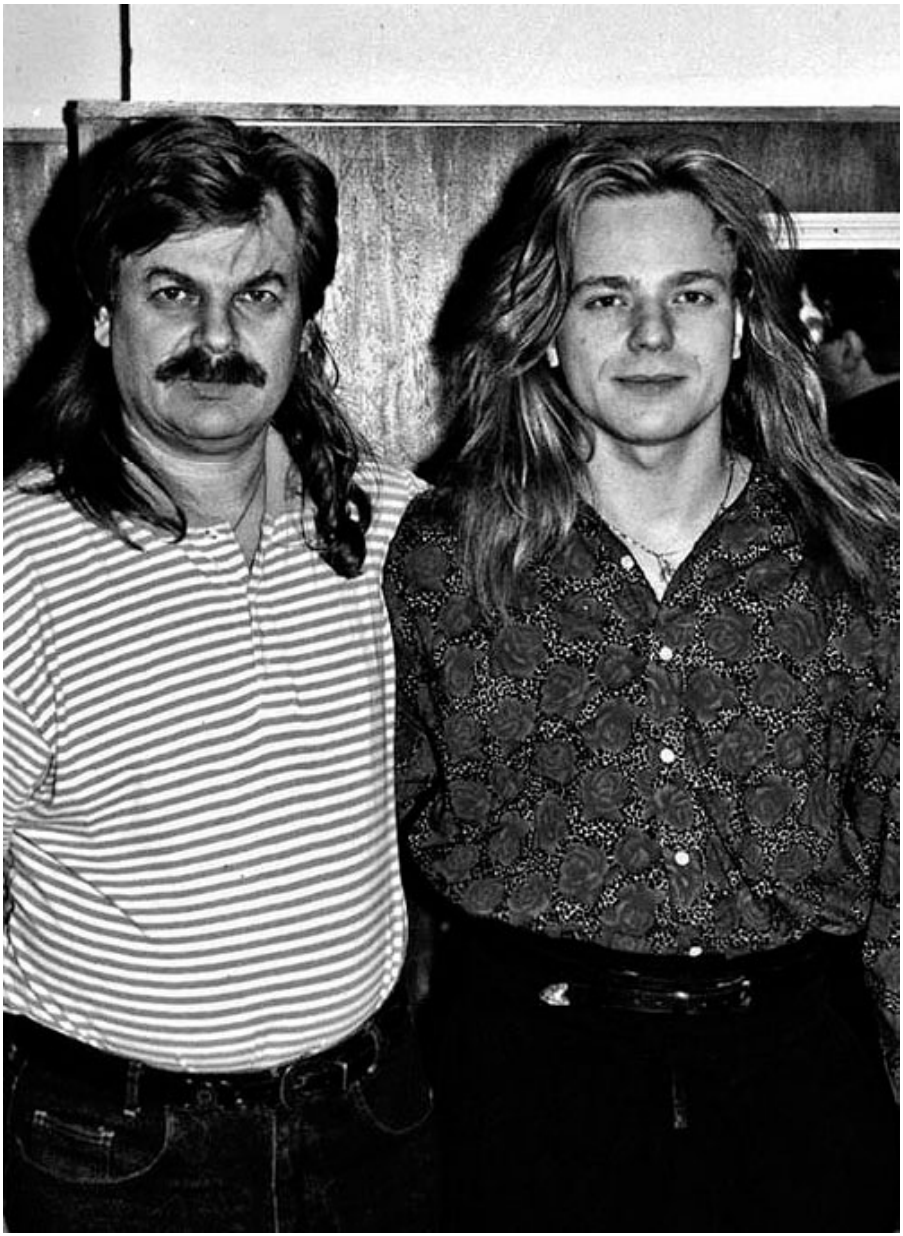


Фото: Руслан Рощупкин

Малежик

Я был мозглявым, но уже вполне себе самовлюбленным парубком, когда, работая в «Партийной зоне», познакомился с менестрелем Вячеславом Малежиком.

Кто-то находил и находит его патетичным нытиком и патентованным пиздострадальцем, а я находил и нахожу его крепчайшим и тончашим лириком.

За строчку: «Одна Зима Мне подарила Тебя, Другая Зима Отняла», да и за тьму иных, я бы включил его в Зал Славы Русской Эстрады.

Как Вы относитесь к критике в свой адрес?

Выслушиваю. Но я очень, очень, очень самодостаточный.

По многим его песням очевидно, что он способен живописать эмоции по ту сторону рациональной мысли; единственный его изъян – он готов, причем звучно, полемизировать по любому поводу.

Он незаслуженно высоко ценил меня (не знаю, как сейчас), и я не забывал его даже тогда, когда шоу-биз мимикрировал в непонятное нечто, и приглашал в прямоэфирные свои оргии.

Как в тот раз, на «ДИСК-Канал» («ТВ-6»), после какового он сочинил для меня этот мадригал.

Поулыбайтесь и вы.

О. Кушанашвили

Любезный друг!
Нисколько не жалея
О днях, что прожиты с тобой,
Невольно слезы лью,
В мечтах своих робея,
Когда не вижу Вас…
С тоской
Те дни в календаре,
Что были мы в разлуке,
Считаю я, и, милый мой,
Сравнима ль с этой мукой
Другая рана, кроме ножевой…
Я понимаю, что для Вас кинжал —

И доблесть, и отвага, просто красота,
А я в разлуке так устал,
Что Вам должна понятна быть моя мечта:
Сбиваться в разговоре с «вы» на «ты»,
Хоть иногда спеть новые романсы,
Но, Боже мой, мечты, мечты…
Вы на экране – вся держава в трансе,
Как 220 женщин всех трясет.
Джигит. Плейбой и Куртизан.
А мне на ужин каша гречневый грядет,
МК и Ги де Мопассан.

В.Малежик

«Ласковый май»

Умение сочинить и спеть простую мелодичную песню есть оселок эстрадного исполнителя. Тут должно совпасть все: нрав исполнителя и ветер времени, глаза исполнителя и ключевые слова, использованные им, профиль и анфас исполнителя, его улыбка и наши представления о красивых анфасе, профиле, улыбке.

В этом смысле, в смысле совпадения и срастания всех вышеперечисленных составляющих, группа «ЛАСКОВЫЙ МАЙ» была шедевром угадывания себя в эстраде, эстрады в себе и способности обратить это угадывание в обаятельный и могучий вирус.

Уважаемая публика! Вот тебе референция в адрес Юрия Шатунова: он – само обаяние. Че вы покраснели? Я серьезно.

Люди, поносившие культовый «ЛАСКОВЫЙ МАЙ», терявшие от негодования самый дар речи от одного упоминания группы, были не правы и смотрелись идиотски, поскольку столько же

понимали в природе массовой культуры, сколько свинья понимает в апельсинах, поскольку нет смысла судить о БРИТНИ СПИРЗ, всуе поминая ШУБЕРТА.

На самом деле всем, кто был причастен к «ЛМ», мы должны бухнуться в ножки с криком: СПАСИБО, ОТЦЫ РОДНЫЕ! В исходе 80-х – на заре ультракипучих 90-х «ЛМ» предъявил ультиматум НЕЛАСКОВОМУ ОБЩЕСТВУ.

Ультиматум – слово громкое, можно заменить его другим – вызов. Это был сентиментальный вызов. Эти песни только казались песнями, на поверку они оказались иным – нашим рентгеном, сказом о наших хромосомных наборах, о нашей общей группе крови сагой, повестью о наших стежках-дорожках, по которым мы, временами постанывая, топаем к счастью, к избушке на курьих ножках.

Как Вы считаете, возможна ли дружба (настоящая) в шоубизнесе?

В моем исполнении – да.

Но я-то один.

«ЛМ» живописал тотальный конфликт одиночки с миром. На эту тему не так легко выступать: классическая потому что, потому что красок может не хватить, потому что надо очень точно выписать облик и потерянного, но закаляющегося через тяготы, чистого помыслами одиночки, надо очень точно расквитаться со злым по определению миром, не дающим ни единого шанса на безоблачное счастие.

«ЛМ» и то и другое удалось.

Трудно даже вообразить более подходящего для выполнения этой миссии человека, чем ЮРА ШАТУНОВ, глянцевый облик которого предполагал не ожесточенную пикировку с окружающим миром, но доходчивое и вместе ненавязчивое напоминание ему, миру, о том, что он, мир, зачерствел; что есть куда более существенные вещи, нежели набирающая обороты оголтелая перестройка: розовые вечера, вечера метельные, чаевничанье с закадычными друзьями, осенний парк с пустыми аллеями, напоминающими про первые робкие поцелуи, кривые дожди, школьные записки, ссоры с зазнобой, бездомные псы, которых следует хотя бы погладить по загривку – такие малости напомнил миру ШАТУНОВ со товарищи, из которых и соткан мир, но почему-то обо всем запамятовал.

Мир, отшатнувшийся было в пылу капитального ремонта от простых людей и простых эмоций, радостно опомнился и радостно заключил «ЛМ» в свои объятия.

Миллионные тиражи, по четыре концерта в день (не смейтесь, это правда!), стадионы, клубы, ажитация неслыханная – и все это безумие направлялось четким и циничным менеджментом АНДРЕЯ РАЗИНА.

Доходило до смешного, мне рассказывали очевидцы: в школах спорили, кто лучше, кто круче – «ЛМ» или БИТЛЫ.

Несуразный, конечно, спор, но факт остается фактом: «ЛМ» скрашивал одинокие жизни, жизни влюбленные, преимущественно молодые, преимущественно – нежных барышень, грезящих о жизни, где есть только любовь и не нет места ничему более.

Явление «ЛМ» было сродни негаданному появлению солнца после лютых морозов, простите за штамп.

P. S. Я говорил намедни с ЮШ.

Он растворен в ребенке своем.

«Убью за него», – смеется. А ведь, без смеха, убьет.

Самоубийства в шоу-бизнесе

Я открыл дверь, я был нетрезв (нет, вы не подумайте, совсем чуть-чуть), так случилось (накануне были поминки по неизвестному вам, но хорошему парню), голова не трещала (был седьмой час утра, чего вы хотите), в дверях стоял продюсер Айзеншпис, и он сказал: «Леня разбился. Одевайся».

Леня Нерушенко, соль группы «Динамит», был элементом взбалмошным, рожденным для полемики с самим собой, со всеми и с небесами, но в высшей степени обаятельным.

Вырядившись в черное, обнаруживаю, что у меня нет сил шагнуть к лифту. Я не могу представить ЛН в гробу.

Смерть учит смирению. Умник какой-то сказал.

И кто чему научился?

Сколько бы бед ни выпало на нашу часть, ничему мы не учимся, на кухне водочно вентилируем вопрос: отчего ушел, скапустился Леня Нерушенко?

А другие?

Но сначала про ЛН.

ЛН убил себя сам. Он жил со сверхзвуковой скоростью на предмет получения сверхострых эмоций, и, уже не знаю, какая земная или небесная власть дала ему право на это, при этом он полагал себя избранным. И любое, в любой форме, несогласие с этой им же придуманной аксиомой окружающей среды было для него болезненным, мучительным. Критику он не воспринимал

вообще; его из «банды» выгоняли, принимали назад, но затем выставили категорически – и процесс категорического саморазрушения стартовал. Разумеется, подтверждая звание закадычника, я с ним вместе погрузился в эту невылазную грязь.

Он был, что называется, «провалившийся в себя».

От переизбытка кокаина у нас с ним случались припадки; я был малодушным хорьком, бегавшим от проблем, он не выносил своей неприспособленности к реальности, отторгавшей таких парней из опасения, что своим здоровым нигилизмом он заразит «правильных», то есть квелых, людей.

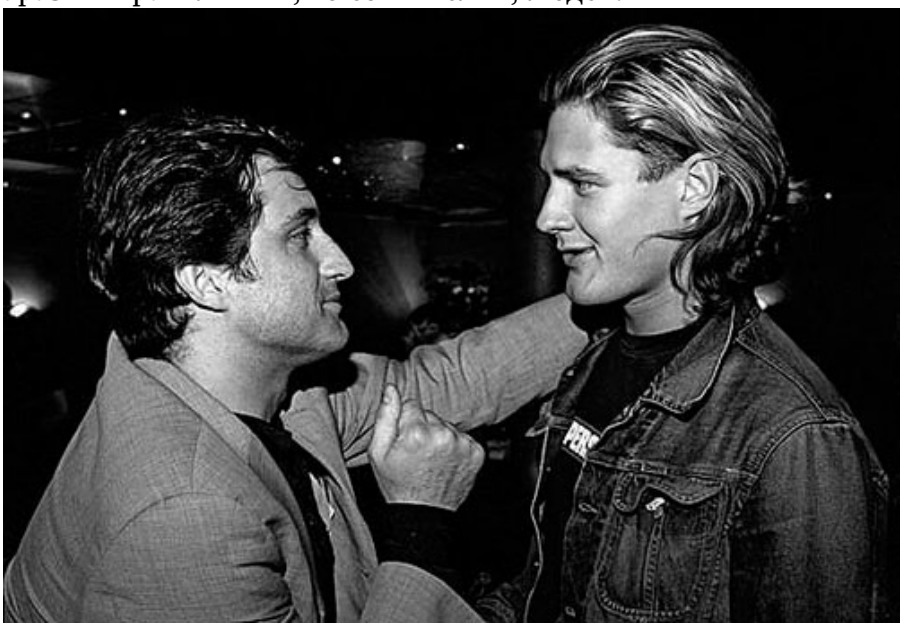


Фото: Анатолий Ломохов

Какое обаяние!
Какая харизма!
Какие небесные очи у парня, что справа!
Леня Нерушенко – тектонический мой маленький товарищ.

…Комната снималась с места и трогалась вкруговую; этот аттракцион мне быстро надоел, ему казался забавным, оживотворял его.

А нуждался он в животворной силе любви. Ему нужен был архитектор компромиссов, координатор его сношений с внешним миром в юбке.

Ксения Собчак…

Что бы вам там ни казалось априорно плохим в отношении КС, да я и сам иной раз хочу ее… но любовь такой мадамы заслужить надо. КС если не любила, то была влюблена в Леню, а он не был влюблен, но любил. Но любить его, дружить с ним – это иметь дело с пороховой бочкой, с бикфордовым шнуром.

У Ксюши два таланта: распознавать людей за версту и избегать крупных неприятностей. У Лени лучше всего получалось влюблять в себя людей и этих же людей посылать. Леня хотел быть во всех новостях, а когда парень не просто хочет этого, а отчаянно хочет – каково девушке? Тем более когда речь идет не о бесполой мымре, а о такой, которая хочет на Олимпиаде только «золота».

Леня Нерушенко мог быть несносным, мог быть неоправданно агрессивным, мог быть безбрежным эгоистом, мог быть самым грубым, мог быть непочтительным, мог быть недалеким, но он никогда не был подлым, наша маленькая жертва онтологического конфликта сложности и простоты. Надо было это просто разглядеть. Мы с Собчак разглядели.

Мне его не хватает.

Она взмывала, он падал, ничего у них не получилось.

Он был моим товарищем, у меня есть право сказать: у него было огромное, но несоразмерное масштабу дарования честолюбие, честолюбие возвышалось над дарованием, а он требовал признать как минимум их равенства, все квело кивали,

чтобы отстал, только транквилизаторы энд алкоголь радостно соглашались, оставаясь с ним до рассвета.

Мало кто жил и живет с такой неконтролируемой чрезмерностью, какая отличала Леню Нерушенко.

Когда нагрянул Айзеншпис, я уже знал, что случилось. Истошно нагорлопанившись, ЛН «принял», оседлал «коня» и въехал то ли в домину, то ли в строительный тарантас.

На похоронах человек один сказал: такие долго не живут (и чуть завистливо не облизнулся). «Зато ярко», – ответила ему тихо девушка-незнакомка, утирая слезы.

…Мурат Насыров тоже жил в мучительных обстоятельствах неизлечимой хвори. Только его болезнь называлась «самоедство».

Самоедство и привело к самоубийству. Он хотел жить звонко, но у самоедству предающихся (или обреченных на него) существо таковское, что звонко не получается, ни на секунду не прерывающийся процесс самоиспепеления времени не оставляет.

Я вполне осознаю, как уязвимо в глазах близких МН людей столь пафосное – и болезнетворное – резюме.

Говорят, что в пятом (!) часу утра (!!) МН встал на подоконник (!!!), одетый в лучший концертный костюм (!!!!) и вооруженный камерой (!!!!!)… случайно выпал.

Нет, не выпал. Шагнул.

В самой поре, в самом соку, в самом расцвете.

Под воздействием бродящих в организме субстанций, расширяющих сознание.

Он был поэтом, он писал – и читал близким – стихи классической чеканки, и я пишу об этом, потому что убежден, что стихи сочиняют те, кому кажется, что их не любят, как правило.

Большинство своих песен он полагал двухконечными, был в ярости от бессмысленной толкотни у пьедестала почета. А в последние год-два за слово про «Мальчик хочет в Тамбов» мог придать вашей роже деформированное выражение. Как многие лирики, он был совершенно нетерпим к алгебре, и формула про гармонию и арифметику была не про него.

Разладом с самим с собой объясняется курение бесконечное. Курил, курил, курил. Не сигареты.

Но это именно он сочинил гениальную пьесу для работающих головой и руками потом, сначала сердцем: «Я – это ты, ты – это я».

Мы летели в Киев за копеечкой, в самолете он сказал, явно утомленный мотаниями, что ему кажется, будто он снимается в реалити-шоу, смысл которого – как скоро процесс саморазрушения достигнет кульминации. «Я выиграю», – усмехнулся он и допил вино.

Там же, слово за слово, он признался, что его любимая песня последних лет – «Я люблю тебя, это здорово!» Коли Носкова. Написать такую важную песню, как «Ты – это я» и любить такую качественную инструкцию по выживанию, как та, которую озвучил Носков, – вот в этом весь Муратик.

И при этом постоянно всасывать вгоняющие в сомнамбулизм вещества. Иногда – не в сомнамбулизм. Иногда – во всесокрушающую ярость, в неконтролируемую злость, в истерику, которая была тем децибельней, чем публичней. В Турции после концерта мы сидели в холле, подошел паренек, исключительно вежливо представился, сказал, что давно восхищается Муратом, сам музицирует потихонечку. Можно ли пожать руку?

МН безмолвно привстал и той же дланью, которой не суждено было пожать длань обаятельного поклонника, ударил паренька по роже. А в Саратове проверил хук правой на проститутке, усомнившейся в прелести песни «Кто-то простит…» (между прочим, песня и впрямь первостатейная).

Его случай иллюстрирует пугающе наглядно, что шоубизнес есть конфуциански-магометанский конгломерат, где, если не добился прописки, тебе кирдык.

МН был в высшей степени почитаем коллегами как вкусный мелодист (его пронзительная пьеса «И где-то в сердце сентября я умираю без тебя» и посейчас эталон попмузыки), но публика его привечала за сами знаете какую безделицу и за дуэт с Апиной. От этого он чувствовал себя ужасно, этот ужас «сковывал члены», и он же, этот ужас, породил деградацию, свистнул ей, ей и эрозии.

Он затыкался, чтоб, накурившись, засыпать Музу упреками. Но такой саботаж природного дара оборачивается композиторской дисфункцией, параличом воли. Он сидел в цокольном помещении и думал, что это последний этаж. От курева и тазобедренно-джаггеровский дрейв испарился, от таблеток глаза вспыхивали, а 23 часа 59 минут были тусклыми.

Я любил его тихого, рассказывающего о детях, а он начал любить себя эпатажного.

А эпатажа во мне тонна, чтоб меня к таким же тянуло.

Я отдалился, прибился к тихим семейным алкоголикам.

Он ушел, что твой колобок, от всех, но хмельной воздух свободы освободил пространство для дури, и он нафаршировал ею себя.

Потом погиб Баглан Садвокасов, о котором ниже и который был лучшим другом и так же вольно реял над Землей после кокаина, залитого вискариком. И его гибель показалась выходом.

(Решительно все в российском шоу-бизнесе знают, что гитарист «А-Студио» БС был самым славным парнем в этом

бизнесе, и решительно все знают, что попал он в аварию летальную пьяный и обнюханный, что делает чрезвычайно заливистые речи о том, что это была трагическая случайность, как минимум высокопарным вздором.)

За неделю до прыжка Баглан приснился другу, у которого ресурсы уже были на ущербе. Позвал его к себе.

Мурат рассказал об этом жене Наташе, Наташа – окружению.

Мурат отозвался.

…А Игорек Сорин хотел стать птицей. Не смейтесь. Он и был птицей. Диковинной.

Уйдя из «Иванушек» с лозунгом «Утоплю страну в романтике!», он вел себя и говорил с минимальной относительностью.

Гений. Торчавший гений.

Человек с соринским честолюбием (размером с небоскреб) не может вынести поражения, считая поражением все, что не вписывается в его категорию успеха.

Альбом он так и не записал.

Во всех смыслах стал тяжело дышать. По его обаятельной физиономии, любимой мною рожице читалось разочарование в себе.

И пошло-поехало. «Мощь кокаина и азарт полночный легко принять за остроту ума» – а вослед затяжная депрессия.

И – подоконник.

Простите за трюизм, но публичность – это всегда высшее напряжение сил. Мобилизация духа. Душевности.

Отсутствие именно душевности убило Рому Трахтенберга, но он тоже самоубийца, потому как сам убил лично свою душевность.

Правда страшна, но кто, кроме меня?

РТ убил себя злостью, съел себя завистью, испепелил себя подсчетом чужих гонораров, сожрал себя нытьем, извел себя выпячиванием ума, истощил себя сослагательным наклонением, обессилел, строя ковы всем подряд.

Он был проникнут полным отвращением к шоу-бизнесовому сообществу и ко мне, этот сукин сын, но я любил его.

На контрапункте трудоголизма и стеклянных от усталости – нет, точнее, изношенности – глаз все держалось в случае Турчинского; этот контрапункт его и убил. Вернее, он убил себя сам, ибо кто автор контрапункта?

Мы виделись на церемонии MTV, он бесцветным голосом сказал, что устал.

Он выглядел как ветеран. Ветеранов видели?

Из-за бесчисленных контрактов превратил свою жизнь в

триллер. Разучился просто жить.

Анаболики, стероиды, бессонница.

Он был добрейший парень, а добрые не имеют, как правило, иммунитета.

Баглан Садвакасов. Его небо забрало. Но он сам помог небу.

Потом кончина отца. Катастрофа.

Четыреста криков «Мотор!» в течение дня, четыреста контрактов, четыреста плохих мыслей в голове в час. Он говорил сердцу: «Потерпи». На четыреста первый сердце шепнуло: «Нет».

Я верю в душу, в детские глаза, в изящество женской спины, в красивый гол, в витамины, в бурбон в конце недели, в то, что романы Пелевина – перезрелое, самовлюбленное дерьмо, в то, что майора Евсюкова надо расстрелять, в величие Майкла Джексона, я верю в мелодрамы, я верю в подарки любимым, я верю в длинные поцелуи и долгие зимние вечера; таким вечером я курю в темноте в комнате, полной призраков, мне страшно, ибо время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии, и я плачу, и я хочу жить.

Геннадий Бачинский

Насколько светлым человеком был ведущий Геннадий Бачинский, настолько отвратительна возня вокруг его квартиры. Участвуют: жена и мама. В ход идут слова «шлюха» и обещание

поколотить.

Олег Митяев

Люди, считающие сантименты чем-то непристойным, много раз говорили мне, что сокровенное нельзя высказывать, ибо оно сейчас, моментально становится смешным. (И ведь не скажешь про этих людей, что они глупые. Один из них даже ходил на чеховскую пьесу «Дядя Ваня» в постановке Кончаловского и часто говорит слово «агностицизм» а другая сказала мне в день смерти Вознесенского: «Умер выдающийся человек, большой композитор».)

А мне приснилась мама с папой, папа молодой, заразительно смеется, мама почему-то старенькая, соли в ногах, вздыхает. Я проснулся, добрался до кухни и проплакал весь остаток ночи. Правда, смешно?

А где Вы проводите свободное время?

Дома, подальше от уродов.

Моя явная нелюбовь к людям, чурающимся сентиментальности, предопределила драму разрыва отношений с шоу-бизнесом, который свою любовь с гордостью положил на алтарь меркантильности.

Песни Олега Митяева – при всех «Неутешительных выводах» – внушают ту самую истину (или подтверждают, или иллюстрируют), что «пока ты недоволен жизнью, она все равно проходит», и когда неслышно прольется закат, будет не до антологии, и вся сложность и простота, конфликтующие друг с другом, обернутся пронзительным пониманием, что обоняния и слуха нет, зрение не упирается в звездный свод, и только с горем ты чувствуешь солидарность.

Я могу показаться пошляком (как будто при моей репутации мне еще есть чего опасаться!), но, набираясь наглости, могу сказать, что если мужик вполне себе репродуктивного ценза слагает оду, полную воздуха, «из ничегонеделанья», если он способен воспеть мельчайшую пыль, плавающую в солнечном луче, и хруст утренней газеты, – он уже способен не бояться конфликта простого со сложным, науки виктимологии, если под преступником разуметь Время, а себя числить жертвой: надо простить Время – именно сейчас, утром, в дождик, – и тогда Время простит тебя, затея много широкой натурой, но узко мыслившим.

Как Вы считаете, на хамство нужно отвечать хамством?

А как же! Из самоуважения.

По рылу. Я определенно не толстовец.

«Непростое умение любить и ждать» отрицает законы логики, физики и гравитации, такое умение трансцендентно и наоборот разом. Митяевский персонаж, или герой лирический, иногда довольно мудреный штэмпс, с ангелами не дружащий, очевидно склонный к рефлексии, а если самоедство не контролировать, оно приведет к саморазрушению. Это когда у человека алюминиевый нимб над головой, а не большое солнце.

У ОМ, благодарение небесам, не так. У него короткий разговор с демонами. «Узнав тщету стремленья к счастию, тем не менее – стремлюсь».

И психоаналитик не понадобится, и наладим мы жизнь, и хандра нас минет, и помчит нас авто к морю.

Только бы гитару не забыть.

Чувство Лепса

Один щеголь умудрился втянуть меня в дискуссию, насколько долговечен Гриша Лепс, и чем далее, тем более дискуссия попахивала войной.

ГЛ так долго, целую жизнь, слыл «негабаритом», до тех пор, пока не заделался негой ушей и очей, что я даже из соображений справедливости элементарной не дам его в обиду.

Его склонность фаршировать драматизмом любой песенный сюжет я нахожу не всегда уместной, но всегда высочайшей в исполнительском смысле.

Иногда подпирает так, что нужно мощнейшее средство. Иногда оно Лепсом зовется, избавляет от мерзкого ощущения безысходности, от которого даже ладони потеют и болят лобные доли.

Характер самого Лепса, овеянный сочинской розой ветров, сам по себе соткан из противоречий, дозволяющих ему почитать Бога и посылать на… черта.

Кого из современной эстрады Вы удостоили бы звания Народного артиста России?

Лепса, Меладзе, «Иванушек» – искусителей, бонвиванов, злых работяг, интересных болтунов.

Развязно посмеиваясь, он многажды называл меня скотиной, но, как ни странно, любя (это всегда слышно).

Я никогда не узнавал его по телефону (кричал ему: «Богатым, гад, будешь!» – он и стал… не благодаря мне, конечно).

Он взрывной, но бесконечно, для шоубиза непростительно, совестливый.

Может быть занудой. Но это занудство, которое граничит с перфекционизмом, и мне доподлинно известно, что его не заставишь сделать то, к чему его душенька не лежит.

Он, окромя «Натали» в начале карьеры, не споет, подозреваю, более песен умилительных с переизбытком патоки. Да и из «Натали», из вещицы безыскусной, он сотворил звонкий, даром что элегический, гимн.

Сейчас, когда 99 % артистов пребывают в расстроенных чувствах по поводу отсутствия авторов, ГЛ спокоен. Существо его прихотливой методы в том, что перепеть он может что угодно, и даже перепевом это назвать бессовестно, ибо слово режет слух; он поет, поет заново, не переставая удивлять своим охальным умением приватизировать чьи угодно экзерсисы.

Он приучил нас к тому, что его интерпретации привычно блистательные, поэтому я позволю себе поделиться волнением, граничащим с беспокойством, связанным с песней «Свои» Игоря свет Матвиенко, которую наш герой спел и соло, и с «Любэ».

Но сначала…

После Аллы, иконы для обоих полов, после Аллы, одинаково любимой мымрами, наркобаронами, президентами и даже нами и Киркоровым, после Аллы, которая заставить умеет плакать и смеяться разом, – взять и перепеть опять «Озеро надежды», да так, что АБП тихо молвить должна была: «Однако!»

Глупым людям, даже не столько глупым (с этими-то понятно), сердешно недалеким, не уразуметь, почему эта николаевская пьеса преисполнена вселенской грусти, которая все гнет, но распрямляет между тем спину.

Фото: Анатолий Ломохов

Умный, порывистый, проникновенный, резкий, энергичный, уставший – это Лепс, даже гротеск наполняющий кислородом.

Под его раскатистым басом в начале песни девушки ежатся, парни наливаются уверенностью, проникаются никогда не запоздалым осознанием, что бояться не стыдно, стыдно бездействовать. «Море счастья обмелело, и река любви замерзла», но надежды никому у нас не отнять!

«Великий человек! Прости слепорожденным», ибо большинство из нас перестали ловить мгновения, пожирать костный мозг жизни, позволили, грешники, унынию стать частью жизни.

Экстатический градус, до которого накаляет любую залу ГЛ, во-первых, не поддается описанию, во-вторых, возник внезапно, здесь и сейчас, тогда как ГЛ пел уже давно, его знали все.

Есть подозрение, что, если ГЛ попросить исполнить романс португальских лесорубов «Ария» либо вспомнить «в час заката Любовь, забытую когда-то…», он и из нее сотворит термоядерное послание роковым фифам.

«Я тебя не люблю, это главный мой плюс», уйди по-хорошему, мымра, найди себе другого дурака.

ГЛ – это сжатые в упрямстве зубы, прикрытые ухмылкой скомороха.

Он шел к успеху не семимильными шагами, а вздох за вздохом. Не казался сильным, не мог похвастать звездной визуальностью, и по той причине или по другой, при ощущаемой, видимой ранимости дерзким был сверх меры. Посылал сразу (меня, когда знакомились, на третьей секунде, а я, между прочим, тогда был популярнее «На-Ны»!), без драпировки из высокопарностей.

Биография часто определяется не тем, что человек делает, а тем, чего он не делает: в том, что он делает, всегда есть почти античное чувство меры. Я, конечно, имею в виду политику, а не самоотдачу (непонятна только коллаборация со С. Пьехой, как если бы Брюс Спрингстин спел с Алексеем Воробьевым).

ГЛ знает, знает по опыту, что кручина бесплодна, поэтому он сам по себе пример, голос употребляет, чтоб дать надежду, что все еще сбудется. Что тлен страшен всякому, но не тому, кто пойдет за ним.

ГЛ знавал страшные полосы. Все, что вы слышали о нем, – правда. И на волосок он был, и по лезвию, согбенясь, шел, интенсивно скадентствуя.

ГЛ состоит из мускулов, из нервов, из водянистых хмельных пузырьков, из рюмки водки, шелеста купюр, потери кг на концертах, п(м)ис(ж)онских очков и любви к солнцу.

В Сочи вездесущий Григорьев-Апполонов, светло улыбаясь мимо меня своим воспоминаниям, на балконе «Жемчужины» рассказывал, как Гриша играл «во-он в том ресторане», думать не думая, что бренная жизнь окажется щедрой на брутальный сюрприз.

Он только что не прослезился, мой АГА, тщетно пытаясь меня уверить, что им – ему и Грише – повезло.

Везет сильнейшим (дуракам, конечно, тоже, но они сходят с дистанции: дыхалка безнадежная).

Артист от не-недоартистов отличается тем, что может даже оплеухам присобачить приставку «арт».

Копиистами ГЛ (а их, на глаз и на многострадальное ухо, кажется, полстраны) не уразуметь одного: нельзя уподобиться ему, если петь с хорошо отмеренной дозой боли в голосе.

Потому что у него не отмеренная, у него боль, так скажем, аутентичная.

Странное дело: его, ГЛ, обожают патетичные критики. Это началось еще с пресловутого РК «Метелица», нашей с ним альма-матер, а выступали мы там, за вычетом моих и его фанов, для патентованных лузеров, антихристов с кошельками.

С летами он научился осаживать их. Тогда мы в ответ на хамство уклонялись от апперкотов, а теперь сами дадим по роже чуть что.

А как Вы относитесь к Илье Лагутенко как к человеку?

Он славный малый.

Разумеется, хитрован.

Раз при мне молодой нарцисс из числа жирующих банкиров щелкнул пальцами: ну-ка, Гриша, изобрази Высоцкого.

Гриша изобразил Марлона Брандо, изображающего Крестного папаню. Банкир заткнулся.

А я бы за те деньги прокукарекал бы даже!

Я спросил его как-то, как он относится к фарсу, в который пытаются обратить общение с купленным (как им кажется, с потрохами) артистом нувориши.

Как к фарсу, невозмутимо ответствовал ГЛ. Он мастер черного юмора. При мне один наш с ним товарищ бегал в закулисье, крича: «Мне нужно что-то черное, завтра похороны». Гриша моментально: «Твоей души недостаточно?»

Его песни – его университеты, но теперь его песни – уже наши университеты, в которых постигаются образцы вдохновенного самопоедания, неравнодушной жертвенности, трогательной слабины.

Многим это не понравится, но ГЛ ювелирный матерщинник. Я ходячая иллюстрация того, что мат суть высокое искусство. ГЛ – достойный спарринг-партнер.

Говоря схематически, он похож на свои пьесы. Один из фильмов Вуди Аллен хотел назвать «Ангедония», что означает неспособность к получению удовольствия. Вот ГЛ, познавши цену успеха, лечит от ангедонии. Пусть сейчас за гонорары, сопоставимые с баблом европейских вокальных светил.

Благодаря его вокализам, миллион мужиков получили индульгенцию: «Я тебя не люблю, это я так решил» – и я не уверен, что среди этих мужиков нет мразей.

Но проблема в том, что ГЛ делает свою работу филигранно, а музычка – она и для мразей тоже, даже для пьяниц, почитающих ГЛ своим, даже для чудаков на букву «М», имеющих, как они полагают, право приватизировать ГЛ в силу тождественного мировоззрения.

Сидишь с такими за столом, они с умным видом: у нас с Гришаней биографии рифмуются. Хорошо хоть слово «экзистенция» не вворачивают.

Люди, слушающие его «Водопад», смотрятся хорошо. Знающими себе цену, «ведь для счастья надо – быть с тобою рядом», не надо усложнять.

У него – Анечка и дети, мама и наверняка кто-то еще, кто так же, как он, любит сочинский горний дух, забавы и кто знает, что ангелы существуют; кто не боится «бессонниц», кто на «Лодке» плывет против течения, прощаясь с собой темным, приветствуя себя исполненного светлой славы.

«Что может человек?» – спрашивает он своей песней из свежего альбома.

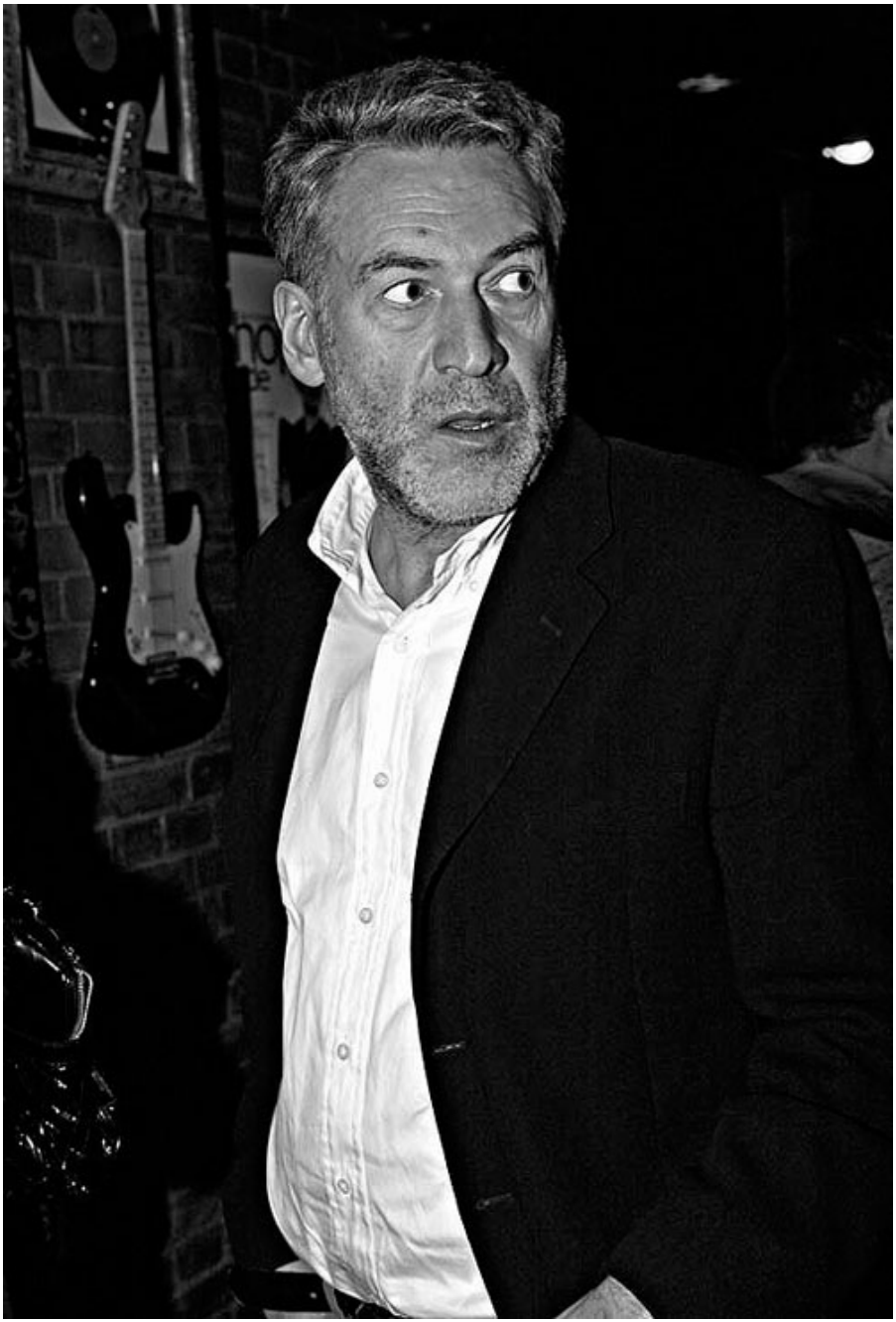
«Бежать по небу», распознавать «своих» по улыбкам, научиться говорить «прости».

Человек может все.

Даже человеком стать.

Брат Кристовский

Один из братьев Кристовских на Радио 7 в программе «Моя жизнь – моя музыка» про песню В. С. Высоцкого сказал «нормальная», а про «Романс» лидера «Сплина» Саши Васильева – «выдающийся».



Он не знает, и ему на это наплевать, но он – Первый в той области, где я имею наглость подвязаться. Странно, что такой человек не распознал в моей линии поведения буффонаду.

Готический индастриал

Сей этюд посвящаю музыкальным критикам – существам загадочным, вынуждающим меня в отчаянии открыть: это племя я так и не понял, не раскусил, не разгадал, хотя земную свою тропинку уже истоптал до середины.

Я не понимаю, о чем они пишут, я не понимаю, как они пишут. И однажды публично высмеял все эти рецензии, исполненные якобы досконального знания музыкального дела, громоздких терминов и метафор с внятным привкусом раннего Троицкого. И напоролся на распекание: силен ты, брат, обсирать коллег, а вот так – умно, сочно-смачно, с обилием шифровок – сам-то никогда и ни за что не напишешь.

Вы – самый скандальный журналист России. Многие люди хотят «закрыть Вам рот». Как Вам удается жить в таких обстоятельствах.

Есть два способа.

Один – не думать об этом.

Другой – отчетливо сознавать, что самое большое, что они могут сделать, – убить. Всего-то.

Я взвился. И решился на настоящую издевку.

Положим, группа в переводе на русский зовется «Ноябрьский черный дождь». Положим, группа выпустила альбом под названием «Коитус в закрытом режиме». Что написали бы девять из десяти наших критиков? А вот что.

Альбом, милый, как герань на окне, как тихий вечер с семьей на даче, сделан в ключе готического индастриала с элементами фанка, давно доказавшего, что огород городить можно только там, где стиль «бамбуковый сакраменто» сочетается в вечным пиликаньем скрипки.

Группа и в предыдущем альбоме обличала Голливуд как империю порока, но делала это, уповая на чистокровное декадентство, подкрепленное гитарным визгом, перекликающимся с антисофтбезумием приснопамятных «Калифорнийских тормозов».

Альбом не поддается никакой четкой жанровой классификации, хотя готический индастриал – явление самодостаточное, как и мегаполисно-хораловый ска.

Понарошку приджазованная четвертая композиция «Поеби меня всерьез» – отнюдь не легковесная заявка на будущее, где, возможно, группа видит себя в нише стопроцентного хаус-соула со струнными вкраплениями.

Музыканты во главе с харизматичным Джеком Тимберфаковым, некогда рьяным поклонником знойного

этнического чупа-чупса-рока, показали себя людьми, зоркими на всякую звуковую пустоту, бутафорность в формальных моментах записи.

Природа успеха этого тяжеловесного диска – в рождении новых синтезов, симбиозов и чего-то там еще, в одаренности саунд-кудесника, наполнившего сосуд нового альбома жидкостью терпкой и тонизирующей.

MTV

Канал MTV отличился тем, что во всеуслышание заявил о расставании с определением «музыкальный». К этому шло много лет: прежний формат, предполагавший самокультивирование, сдох. Умер и Майкл Джексон, а даже такие самобытные цыпочки, как Леди Га-Га и Бейонсе, порождение не MTV, а времени. Это же время их вскорости умертвит.

Одно рыло из журнала «с гитарой наперевес», законченное чмо, написало, что альбом – заумный. Он не заумный, твою мать, а чуть умнее твоего, твою мать, любимого дерьма, твою мать.

Слушал родимую поп-музыку. Потому что никто еще не отменял заповеди: изучи врага хорошенько… Враг живет в полном довольстве, можно ужесточить лексику в абсолютном; он по-прежнему на 99 процентов питается ворованными мотивами и чудовищными рифмами, нас потчуя тем же.

Седьмая композиция, «Исходящий» – разве ж тому не доказательство?! Обаятельное декадентство, приправленное остроумной, как Евгений Петросян, перкуссией.

Джек Т. – человек не общественный, не тусовочный, создавший свой собственный мир из отгоняющих сатану звуков, где даже флейта способна противостоять бычарскому маргинальному миру, маргинальному до такой степени, что нет времени на роздых.

Здесь барабаны на помочах у ситары, здесь двенадцатый извилистый трек – «Судьба, ты меня заебала» – лучший подарок пигалицам, по ночам со страхом вслушивающимся в темноту, которая кажется вечной.

На письме не передать легкости девятого этюда, посвященного маленьким, но существенным бытовым деталям вроде розетки; подробностям сумрачной двадцать три часа в сутки жизни.

Клавишные то и дело получают у группы простор, и в эти моменты начинает из-за туч выглядывать солнце. Как

приглашение на вечеринку после потогонной рабочей недели.

Их выступление позапрошлым летом на Земле Франца-Иосифа было вулканообразным, но ошибочно отнесенным к арт-дилер-року, помпезному, но ограниченному.

…Ну и все такое; продолжать эту пародию выше сил моих.

Вот такие рецензии, эзоповы до шизофреничности, я читаю – обязывает служебный долг! – ежедень, то есть так часто, что уже не смешно. Мои дружки подтрунивают надо мной: дескать, твои статьи попсовые на фоне такой метафористики – реляции, написанные штабным приказным.

Прости меня, А. К. Троицкий, никчемный я человек, попса густопсовая.

Со страстью…

Зверев назвал дизайнера Симачева мелким воришкой; Оксана Робски бросила писательство, а я у Сургановой играл на бас-гитаре в переполненном зале. И что, что плохо? Со страстью зато.

Знай свое место, сосунок!

Неправда ваша, что я ненавижу артистов. Они смешные, как я могу их ненавидеть?! Нелепо церемонные, готовые ради заметки в «Желтой газете» на любую сделку, включая мужеложство; пригибаемые к земле грандиозным самомнением, обменивающиеся друг с другом лицемерными улыбками; избыточно приторные и деланно любезные… милые люди!

Но артисты все ж таки делятся на «до» и на «после». Артисты старого созыва, прежнего разбора хоть и не без греха, но куда им до нонешних, блудливых. Для нонешних умение казаться, но не быть – как мост над пропастью, а если они еще и запоют, мы вместе с ними и рухнем в эту пропасть. Этих ребят не возьмешь, не проймешь, не задушишь, не убьешь. Юлия Ковальчук, одна из пятисот семидесяти семи бывших «блестящих», подражая западным дамочкам и желая бабла, открыла собственную школу танцев. Имени себя то есть.

Потому что добрая и временами даже обаятельная Юлия пребывает в блаженном неведении относительно того, что люди пребывают в блаженном неведении относительно того, кто она такая. И ни Плисецкая никому здесь не указ, ни Алла Духова (которая «Тодес»), ни Мадонна – гуру натужно молодящихся людей. Юлия же мне, когда я более-менее деликатно выказал недоумение, ответствовала с улыбкой: но ведь люди пришли.

Еще более странные истории. Некто Дима Бикбаев (надо же, я

фамилию запомнил!), судя по визуальному ряду, избыточно ухоженный, явно недоедающий оловянный солдатик из паствы Кости Меладзе, выступающий в дуэте «БиС», написал книгу! Чистокровный артист шапито новой волны описал – стоять, цитирую: свой «тернистый путь в шоубизнесе» и пообещал в аннотации, что всякий прочитавший «найдет для себя ответы на вечные вопросы». Я не шучу. Он тоже. А один – вот тут фамилии не помню – из группы «Челси» вознамерился открыть школу эстрадного мастерства… тоже имени себя, разумеется. (Ага, и преподавателями на полставки возьмет отживших свое Стиви Уандера и Эроса Рамазотти.) Анна Седокова вот-вот выпустит книгу, как правильно сношаться (а, забыл уточнить: Аня когда-то пела в «ВИА Гре»). И даже мой любимый Леня Агутин, в сравнении с которым все остальные имена – карликовые, хочет снять кино.

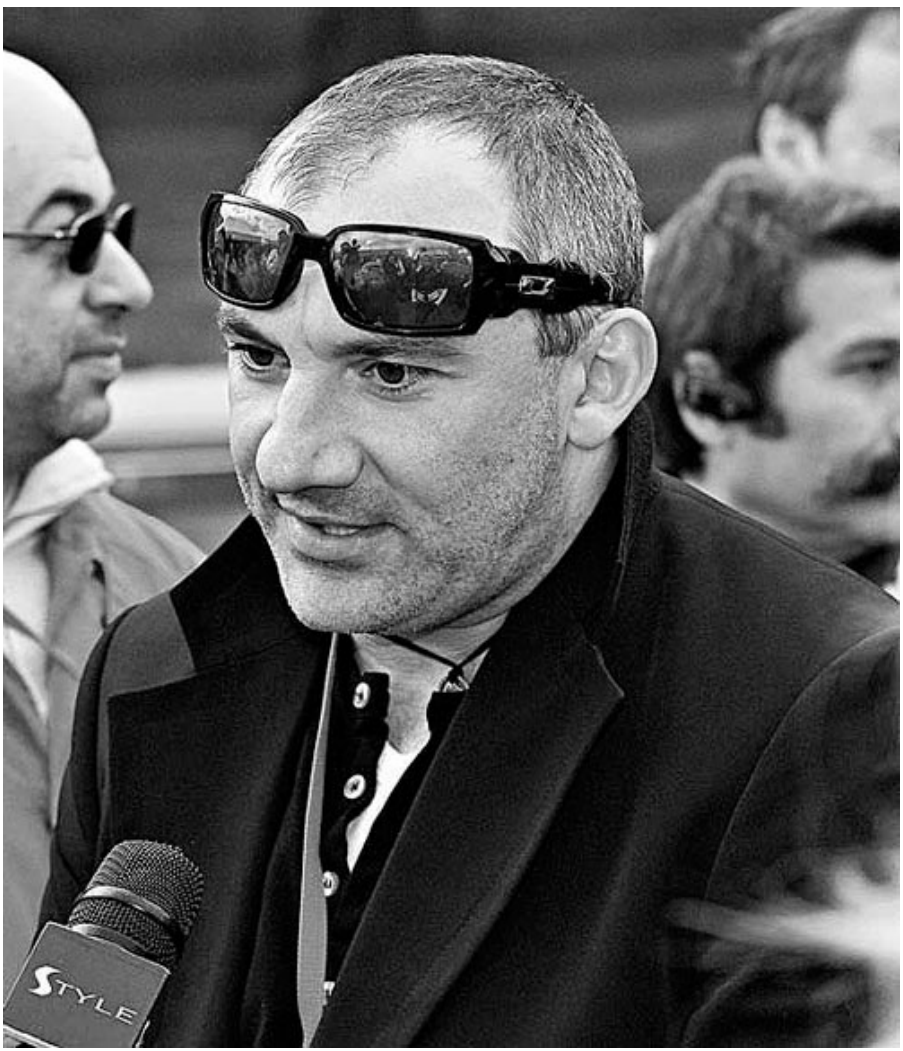
Фото: Руслан Рощупкин

Я утверждаю: в том, что Леня Агутин дает жару, «повинна» любящая его безбрежно евойная женушка Варум (Маша).

Я не против. Лишь бы это было «высокооктановое» кино про поиск своего места в жизни. И про соответствие ему.

«Как девственница»

Игорь Николаев отметил 50-летие в стране Барака и под шатром женился на прелестнице Юлии. Дима Маликов отметил 40-летие, я встретил его и спросил: «Как?» – «Как девственница» – был ответ.



Так и тянет на манерную метафору: «День, когда я познакомился с Колей Фоменко, наполнил до краев чашу моих чувств».

Мы все у него учились.

Не по «Тутси» форма

В идеале, конечно, военные песни должен исполнять только Коля Расторгуев, но я уже большой мальчик, битый жизнью и вами; жизнь и вы только что не битой – бейсбольной – растолковали мне, что идеал суть химера. Каждый год после фарса, в который своим участием обращают священный Праздник поп-трутни, я начинаю вопить: надо возбранить группе «Тутси» петь про Тот Самый Синий Платочек.

Осталось только Владу Топалову облачиться в напрокатную гимнастерку и продекламировать «Жди меня». Посему – запретить делать это и любой другой группе, сочетающей имбецильное выражение мордашек с натужной – и всегда проигрышной – имитацией хоть какого-то понимания того, чем они занимаются, исполняя «Платочек» или «Темную ночь».

Внутреннее состояние наших артистов, от Б. Моисеева до Н. Трубача, таково, что лицемерие их второе имя. Заскорузшие в невежестве, в том числе душевном, как они могут петь песни, исполненные боли и вместе с тем света?!

У какого-нибудь Витаса на лбу написано, что он с червоточиной и думает лишь об увеличении жилплощади; однако ж выходит шельма и поет: «Как-то летом на рассвете». Леща бы дать за такую охальность.

Или вот сценка: на сцену всходит Саша Маршал в кителе, украшенном сорока пятью, я считал, медалями и орденами – партер, состоявший из ветеранов, охает. Начинается песня «Бьется в тесной печурке огонь», и пока я ломаю башку, к чему маскарад, подходящий Маршалу так же, как зайцу смокинг, ветераны тянутся к выходу. Правильно – они же чуткие к фальши.

Показательно, что артистам Игоря Матвиенко, окромя Расторгуева, возбранено участвовать в таких концертах, даром что это бесценная возможность казать рожи на главных каналах: Матвиенко считает, что сопляки опошляют Праздник, девальвируют Память, дискредитируют Бернеса и Утесова, оскорбляют макрокосм ветеранов. Может ли Авраам Руссо или там Гоша Куценко спеть песню, освященную раненой памятью, так, чтоб люди плакали или светлели лицами? Закройте уши, я сейчас выдам матерную тираду. А на слышанный мною уже не раз довод заступников «пусть хоть так… в такой форме выказывают пиетет» я отвечу, как отвечаю всегда: чем ТАК, в ТАКОЙ форме, лучше вообще не выказывать этот пиетет.

Не тот случай. Форма должна быть безупречной. Содержание такое потому что.

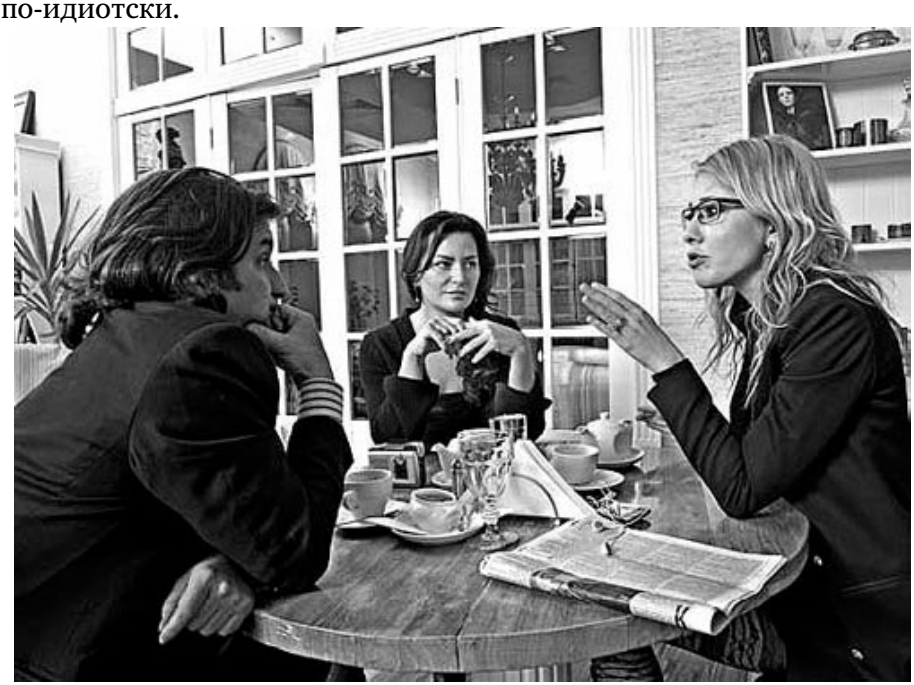
Собчак, Соколова и Я

Интервью из журнала «GQ»[1]

Собчак. Отар, разреши обратить твое благосклонное внимание на наши с Ксенией ноги…

Кушанашвили. А что ноги?

Собчак. У нас есть такая традиция. Для наших интервью мы выбираем одежду не сговариваясь. Мы анализируем персонажа и одеваемся как бы в духе наших представлений о нем. Обычно эти представления настолько разные, что подчас мы даже выглядим по-идиотски.



Зато сегодня у нас полное единодушие. Только взгляни на эти суперсекси гипюровые колготки – у меня и моей подружки.

Соколова. Ага, мы твои черные мамбы!

Кушанашвили. Я польщен! Вы надели колготки, так как находите меня сексуальным! Это льстит старому заслуженному чабану. Я, как от вас выйду, пойду нажираться с друзьями-подонками – грузинскими бездельниками. И они уже знают, что я сейчас даю интервью самим Собчак и Соколовой. Так вот, мне грузины дали задание вас рассмотреть хорошенько, чтобы я им рассказал, какие вы в жизни. К вам попасть – это ведь как Ленина

увидеть.

Соколова. Причем в гробу. Но хватит комплиментов! Давайте возьмем быка за рога – как говорят у вас, чабанов, на знойном Кавказе. В отличие от моей подруги, с которой тебя связывает многолетняя, почти нежная дружба…

Кушанашвили. О да, я обожаю Собчак! До сих пор не могу забыть, как лет этак десять назад она при мне в ресторане Марата Сафина на х… послала! Лучше нее на х… вообще никто не умеет посылать.

Собчак *(удовлетворенно)*. Что есть, то есть.

Соколова. Так вот. История нашего с тобой знакомства, Отар, коротка…

Кушанашвили. Но романтична!

Соколова. Пару месяцев назад мы встретились на программе Андрея Малахова.

Кушанашвили. Да. Я нагло домогался тебя при всех в грязном коридоре «Останкино».

Собчак. А меня ни разу не домогался!

Кушанашвили. Я спросил ее: как с ней переспать?..

Соколова. И немедленно получил исполненный истинной девичьей скромности и достоинства ответ: «Нет ничего проще».

Кушанашвили. История началась красиво!

Соколова. Да, и она имела бы не менее красивое продолжение, если бы в грязном коридоре с неотвратимостью божественного возмездия не нарисовался маленький сгорбленный сексолог Полеев! Приблизившись ко мне, сексолог сказал:

«Ксения, не верьте ни одному слову этого болтуна! Он горазд только п…здеть, а в деле он ноль без палочки».

Кушанашвили. Вот ведь скотина сексолог!

Собчак. Действительно. Так испоганить еще не начавшуюся историю любви!

Кушанашвили. И что, у меня нет надежды?

Соколова. Ну почему? Как говорят в ГУВД, «весна покажет, кто где срал». Я имею в виду, что твои шансы уложить меня в постель будут зависеть от того, как ты будешь отвечать на наши с Ксенией вопросы. Вот первый из них: прав ли сексолог Полеев? Действительно ли мужчина, который имеет внешние признаки секс-символа или, по крайней мере, постоянно говорит о сексе и бабах, когда доходит до дела, мало на что способен?

Кушанашвили. Мало на что способен в постели?! И это она говорит человеку, который практически спас российскую демографию, отцу семерых детей!

Собчак. Внебрачных?

Кушанашвили *(уклончиво).* Частично.

Соколова. Хорошо, по крайней мере, мы знаем, что семь раз в жизни ты это делал.

Собчак. Семь детей?! У тебя?! Это как-то не укладывается в образ скандального телеведущего, алкоголика и разгильдяя…

Кушанашвили. А я не такой. И пусть все об этом знают! Семь детей – ты вообще представляешь, какая на мне ответственность?! Их же всех надо обеспечить.

Собчак. Есть анекдот. Врач принимает девятые роды, выносит ребеночка отцу и говорит: «Слушайте, вы, когда в следующий раз будете е…аться, подумайте о том, как будете обеспечивать следующего ребенка». А счастливый отец отвечает: «Доктор, я когда хочу е…аться, мне кажется, я могу всех детей мира обеспечить!» По-моему, анекдот как раз про тебя.

Кушанашвили. О, я хорошо представляю себе ваш творческий метод! На интервью приходит красивый, гордый собой мужчина – а уходит оплеванное говно. Кто был самым многодетным из всех, кого вы унижали?

Собчак. Ох, старожилы не упомнят… У Батурина сколько детей?

Соколова. Двое, кажется.

Собчак. А, вспомнила! Рамзан Кадыров.

Соколова. Тоже кавказский мужчина.

Собчак. Обожаю кавказских мужчин!

Соколова. Я думаю, ваши чувства взаимны: ты настоящая мечта горских народов Кавказа – русская льстивая блондинка.

Собчак. Неужели тебе не нравятся кавказские мужчины? Страсть, цветы, подарки?..

Соколова. Видишь ли, у меня у самой папа грек – возможно, поэтому мне всю жизнь по принципу выбора противоположностей нравились высокие малахольные блондины. Истинные арийцы.

Собчак. Высокие блондины? Прости, но уж эти очевидно в

постели ничего не умеют. То ли дело маленькие, жилистые, лысые…

Соколова. Собчак, во мне метр восемьдесят роста, как я могу любить маленьких, жилистых и лысых?!

Собчак *(мечтательно).* С таким рабочим… крестцом!

Соколова. Я не понимаю, как такая чудовищная похотливость может в тебе сочетаться с желанием выйти замуж за правильного еврейского мужчину?!

Кушанашвили. А я считаю, что евреи в постели вообще полный ноль! Ксюша будет изменять мужу с необузданным грузином.

Соколова. А я считаю, что бренд «необузданный грузин» – главное разочарование секс-рынка.

Кушанашвили. Вот тут я полностью согласен!

Соколова. То есть, по сути, сексолог прав? Жаль, ради тебя, Отар, я даже готова была пересмотреть свои физиологические пристрастия к блондинам.

Собчак. А давайте-ка вернемся к теме нашего интервью. Если даже кавказские мужчины – ноль в сексе, то кто не ноль?! Отар,

ты не понаслышке знаешь русский шоу-бизнес, вхож в волшебный мир звезд. Давай-ка мы с тобой не будем ходить вокруг да около и составим рейтинг сексуальности.

Соколова. Обожаю рейтинги!

Собчак. Расскажи нам, кто из звезд экрана, политики, шоу-бизнеса действительно может претендовать на гордое звание секс-символа? Возьмем, к примеру…

Соколова.…президента Медведева!

Собчак. Заметьте, не я это предложила!

Кушанашвили. Рискуя, как грузин, потерять московскую прописку, скажу, что, по-моему, президент Медведев сексуален примерно как послеобеденная мятная пастилка. Премьер-министр – вот тут еще можно рассчитывать на какие-то неожиданности. Пристрастие к актам насилия в сортирах, мужественный торс, жесть во взгляде, скрывающем неизбывную мужскую тоску… Но все это – если правильно раскочегарить. Боюсь, никто не возьмется в его обстоятельствах…

Соколова. А что наш друг – Михаил Прохоров?

Кушанашвили. Но это скучно даже обсуждать! Вы его совсем затюкали. Человек с манерами аутиста. Какой там может быть секс?! Чистый вампиризм – отбор энергии у девственниц. Этот феномен подробно описан в трудах средневековых мистиков.

Собчак. А Иван Ургант? Андрей Малахов? Их хотят миллионы женщин!

Кушанашвили. Х…йня! Одна оболочка.

Соколова. Президент Саакашвили?

Кушанашвили. Ну только если рассматривать его в качестве честной давалки американскому империализму.

Собчак. Ну кто же тогда?! Неужели женщины так трагически ошибаются? Неужели нет в природе сексгигантов?!

Кушанашвили. Есть.

Собчак и Соколова *(хором).* Кто?!

Кушанашвили. Иван Демидов.

(Пауза.)

Собчак *(неуверенно).* Ты имеешь в виду начальника Департамента гуманитарной политики и общественных связей Управления Президента РФ по внутренней политике?

Кушанашвили. Именно так! Я лично сам всегда приводил ему телок, уговаривал. И знали бы вы, сколько их было! А как он их выгонял?! Использовал и выкидывал за дверь как ветошь, честное слово! Я потом пытался как-то сгладить неловкость, бокал вина, чаю, что ли, предложить. Потому что нельзя же с девушкой так жестко – попользовал и выгнал. А он вот мог. Сотнями!

Соколова. Послушай, мне кажется, ты просто хочешь постфактум оговорить своего бывшего начальника, ныне серьезного государственника, функционера. По-моему, Иван Демидов совсем не выглядит как порноикона, а вовсе даже напоминает финский холодильник – какие там сотни телок…

Фото: Сергей Берменьев

Циклопический, герметичный, как Штирлиц, тонкий, как юмор

Кушанашвили. Какие сотни?! Тысячи! Мы все – кто работал с ним – знали, если рядом Иван, он вы…бет всех! Нам ничего не достанется. Он уже тогда применял административный ресурс. Ему все давали. На моей памяти только Лера не дала, отказалась, что удивительно. Уж не знаю, как ей это удалось. Помню как сейчас то собрание…

Собчак. Довольно про Ивана! Мы поняли. Кто еще?

Кушанашвили. Сергей Белоголовцев.

(Пауза. Глаза колумнисток выражают крайнюю растерянность.)

Соколова. Кто?!

Кушанашвили. Белоголовцев!

Собчак. Ну это… невозможно! Звезда «33 квадратных метров»?! Помесь порочного подростка и дебилоида… Сергей Белоголовцев – секс-гигант?!

Кушанашвили. Да! Если бы хоть раз побывала с нами на гастролях, ты бы увидела. Белоголовцев не признавал конкурентов. Ты бы тоже не устояла! Он брал телку прямо за рога и уводил…

Соколова. Рога?

Кушанашвили. Мог и за жопу! И тщательно выверенный образ полудурка был только на руку этому Казанове, Синей Бороде, секс-маньяку и безжалостному соблазнителю. Мы только растерянно взирали на то, как лучшие телки скрывались в его купе…

Собчак. В это очень трудно поверить! Оба названных тобой персонажа в моих глазах не имеют с сексуальностью ничего общего.

Кушанашвили. А кто, по-твоему, сексуален?

Собчак. Ну… Марат Сафин, например.

Кушанашвили. Про Сафина согласен. Он первым открыл Дашу Жукову. Я бы даже сказал, откупорил, как бутылку доброго игристого. И технично слил ло…

Собчак *(грозно)*. Кому-кому?!

Кушанашвили. Я хотел сказать – лощеному, элегантному красавцу, олигарху, губернатору Абрамовичу Роману!

Соколова. Ну конечно, куда Абрамовичу до Сергея Белоголовцева! Но давайте же продолжим наш удивительный рейтинг!

Кушанашвили. Андрей Григорьев-Аполлонов!

Собчак. Господи, ну хоть кто-то fuckable! Хоть одно симпатичное лицо. А то я уже совсем в уныние впала.

Кушанашвили. Но это исключение. Как правило, симпатичные как раз и не при делах.

Соколова. О, эту теорию нам развивал еще писатель Лимонов – только про женщин. Он говорил, что красивые девушки – в постели не старательные, у них и так все есть. А зато дурнушки – о-го-го! По-твоему, у мужчин тоже так?

Кушанашвили. Именно!

Собчак. Вот и я говорю. Ну их на фиг этих высоких блондинов, толку от них никакого. Да здравствуют низкорослые, кряжистые, носатые брюнеты…

Кушанашвили. Так это ж я!

Собчак. Отар, ну где твоя хваленая скромность! Про тебя нам уже все рассказал сексолог Полеев. К тому же составитель рейтинга не может быть его участником. Давай рассмотрим какого-нибудь известного малосимпатичного брюнета… Вот, к примеру… К примеру, Михаил Шац…

Кушанашвили. Шац? Шац?!! Да при звуке этого презренного имени мой скукоженный грузинский детородный орган гордо выпрямился во весь свой нечеловеческий сайз! Послушайте, глупые женщины, если слова «шац» и «х…й» состоят из трех букв – это еще не значит, что между этими понятиями есть что-то общее! Да вас послушать, этот Шац – просто порноикона! Рокки-жеребец! Апокалиптический Приап с членом скорпиона! О, теперь я понимаю, почему женщины всегда дают каким-то жалким ничтожествам, если даже лучшие из них могут исторгать из себя подобную глупость! Шац! О, горе мне! Мама, верни меня в Кутаиси! *(Методично бьется головой о столешницу.)*

Соколова *(Собчак).* Как ты думаешь, что его так возбудило?!

Собчак. Не знаю, может, между грузинами и евреями есть какая-то сакральная связь?

Соколова. Теперь ты понимаешь, почему я предпочитаю молчаливых блондинов!

…Но беседа была ярче!

Не говоря – дольше, длиннее.

Хотя Григорьев-Аполлонов расточал похвалы, а автор предисловия, мой наперсник Полупанов, купив журнал в аэропорту, уже оттуда орал в трубку: «Блеск!»

На серьезе говорю: беседа с барышнями была, при всех хи-хи-ха-ха, одной из самых значительных в жизни моей блистательной.

…Людей успешных не привечают, мне-то уж более про это знать, и Ксюшу С. не жалуют, как бы это сказать, – в пику. Назло.

Не премину признаться ей в симпатии (уверен: во взаимной).

Ибо, как и Она, только задолго до нее, я живу и поступаю «на

грани».

Как Вы относитесь к Ксении Собчак, как к человеку и женщине?

С восхищением! Мне с ней легко. Она тоже шельма.

То, что она не проста, очевидно.

Если вы полагаете, что она побесится и исчезнет, не на ту напали.

Она спасала моего приятеля от кокаина. Она способна на поступок, причем до очевидности как отчетный, так безотчетный.

Фото: Анатолий Ломохов

Составить себе вполне определенное понятие о том, что за личность Ксения Собчак, довольно мудрено: на строительстве

собственной карьеры она гордо набивала мозоли много лет, чем может гордиться, – даже не карьеры, а собственного государства в государстве. Она не хочет превращать свою жизнь в чепуху, отсюда – из ее непреклонного следования своей Цели – мнение, что она ходит с нимбом. У нее отменно работает голова. В которой наверняка есть свои демоны. Но в чем-то она совершенный ребенок, который может тут же превратиться в инфернальное существо.

У нее на все есть рацио, четкие пояснения, она визирует, если надо, сама переписывает все интервью, к которым причастна, и добивается того, чтобы ее вопросы ли, ответы ли – «лучились».

Она входит в любое помещение, и девы согласно понуро замолкают.

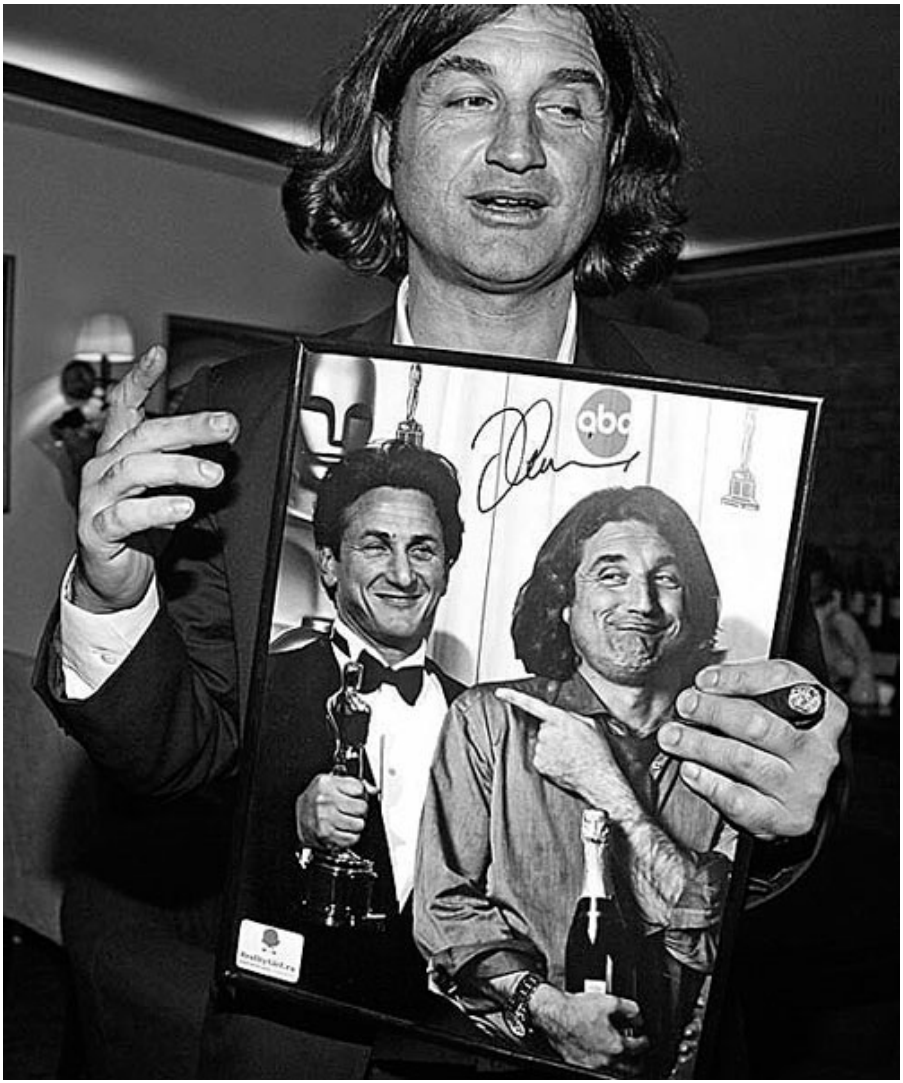
Она может помогать как вернуться из небытия (мне), так отправить туда (вставляй любую фамилию). Я понимаю, что с такими, как я и она, невозможно долго общаться, как невозможно жрать ложками растворимый кофе.

Но это ваши проблемы.

Ей (мне) с вами тоже нелегко!

Последнее о Виа-Гре

В «ВИА Гре» случилась 86-я рокировка за три недели. Какая-то там «мисс» Котова уступила место Еве Бушминой, выпускнице украинской «Фабрики звезд». Как, вы не заметили?!



Где забавники вроде меня, шоно-пенновского типа, олицетворяющие собой вызов благостности, нервические, но по крайности нескучные? Почему вы их не замечаете, нас то есть?

Сергей Крупнов, он же Летчик

Крупнов, он же Летчик (он летчик и есть), заходит в вестибюль, пружинистая походка человека, любящего есть яблоки с хрустом да с проплевом, озирается, видит меня, земную жизнь одолевшего до половины, улыбается, и я обрываю телефонный разговор, потому что мы с Крупновым договорились сегодня посудачить на тему, как достучаться до небес.

Коэффициент душевности у Крупнова слишком высокий, чтобы за него не беспокоиться: мир куркулей отторгает таких. Гнет, как лютый мороз снегом вербу.

Но Крупнова не согнешь.

Когда Крупнов грустит, это слышно по голосу, мембрана фиксирует вибрации и частоту повторения слова «понимаешь». Похоже на то, что Сергей Сергеевич Крупнов не любит одиночества. Перетерпеть может, но лучше б его не было. По его философии, если нет любви, лучше пытайте его напильником, а раны залепите наждачной бумагой.

Я ему признателен хотя бы за то, что он собой дает повод пусть холодно, но честно признать, что мы живем в эру, полную трагедийности, и те белковые соединения, которые придерживаются мнения, что любовь и семья суть главное, – этим соединениям приходится несладко.

Эталоном он считает такую модель жизни, когда тебя после трудов праведных заключает в объятия первопричина влажных снов с улыбкой Кати Лель, с прядью волос, застящей чело, и с таким вдавливанием в грудную клетку твою, чтоб все твое мужское существо жизни… встрепенулось; она должна быть не модель жизни, но дама сердца – пластичной, бить током, и звать ее должны Морковина Оксана.

Летчик хочет ею обладать, пока этого не случится, летчик не летает.

Летчик уверен, что в присутствии Оксаны Морковиной светлеют небеса; однажды они жили в бунгало, он фотографировал ее, и до того разверзшиеся было хляби небесные прекратили свою барабанную дробь… Когда Крупнов рассказывает про это, он, осторожно горячась, произносит: «Богиня!», а после присовокупляет одно из тех экспрессивных словечек, которые призваны оттенить значение ключевого.

Летчик постигает грамматику жизни, работая в «Почте России», то есть, если по-гамбургскому, он в числе сотоварищей отвечает за то, чтобы страна была единой.

Так что карта страны у него есть, теперь он хочет сердечную карту разыграть, ему нужна его икона лирического стиля – ОМ.

Что такое летчик? Это было о парнях, в которых есть немного Темного и много-много Светлого. Серега Крупнов, отзывчивый хитрован, плоть от плоти дитя новых времен, взыскующих с парней гибкости и сообразительности. Он состоит при Небесной Музе, любит пышную риторику, интернет и обращение «Братаныч». У него сын, очень важная персона, которому очень комфортно с очень важным папой.

Многоглаголанию, которое я считаю своим коньком, он предпочитает сдержанные пометки на полях. Я слышал, как он ведет деловые разговоры. Как видавший виды убивец шаромыжников: четко формулирует, деликатно отшивает.

У поколения летчиков самая главная фобия – предательство. Обуянный жестокой страстью к ОМ, ССК не может явить хорошего настроения, необходимого россиянину будущего, пока зазноба не отдаст ему свое сердце.

Он пишет мне: у меня, дескать, нет врагов, я по крайности так живу – без корысти, без агрессии, без фортелей, без слагаемых о себе мифов.

Ну, положим, по части мифов здесь распоряжаюсь я. А врагов, по моему разумению, должна быть грязная дюжина: они, суки, стимулируют.

Притворюсь, что я знаю будущность Крупнова. Он вырастет в условиях ужасной конкуренции в высокореспектабельного властелина; он будет умеренно циничным, иначе – оглянитесь – никак, у него будут красивые, щекастые дети, он научится лихо исполнять частушки и под бой курантов пить шампань.

А все почему?

А все потому, что он хороший парень, этот славный ублюдок.

(Оксана, не делай вид, что не слышала меня.)

Правда ли, что Вы заговорили по-русски только с 17 лет?
Даже позже.

10 правил и заповедей

Я встречал людей, которые уверяли меня, что любят других людей. Я очень бы хотел то же самое сказать, но это будет неправдой.

Одна дама сказала: «Жен декабристов нет только потому, что нет декабристов». Что ж, декабристов нет, потому что есть только такие дамы.

Иногда (по мне, не иногда, а часто) надо уступать наиболее распространенной человеческой слабости – слезам. Они очищают.

Я всегда считал песню Митяева «Соседка» шедевром. Она светом исполнена и свет источает.

Я всегда хотел быть автором строчек: «Скажи тихонечко: „Я больше не ревную“, на пальцы помертвелые подув».

Я не умею петь, не умею готовить, зато умею оценить пение и кулинарные способности других. Вслух и витиевато.

Я не верю в потусторонние силы. Я верю, что все есть человек и человек Есть Все.

Самое смешное, что я прочитал о себе, – это – «Жеребец предгорий».

Однажды я написал текст, в котором было слово интроверт. Секретарша редакционная доказывала мне, что я употребил слово неверно, что это такое объединение художников и поэтов, а вовсе не… Не спорьте с дебилами.

Жизнь Кушанашвили устроена таким образом, что являет собой такой уровень абстракции, куда не достает никакая жизнь.

7
3

Глава, в которой рассказывается о женщинах, отдавших автору сердце

Попробую без пышной риторики, даром что я вития исключительный, обожающий звонкие обороты и цитаты из классических классиков.

Я знаю о женской психологии больше, чем кто-либо другой. С другой стороны, я знаю о ней не больше, чем об анатомии пингвинов. Такая вот материя – женская психология.

В сборищах, на ареопагах, синклитах разной степени интеллекта и пьяности пацаны, мужи, юноши обсуждают девушек, девушек, девушек. Кроме общих мест, например, женщина – специнструмент для пыток, придуманный дьяволом, и так далее, мы всегда приходим к эсхатологическому умозаключению, что все барышни помешаны на слове «барыш». (Правда, ловкая игра слов?)

Вы бы хотели жениться второй раз?

Да. Нет. Нет. Да. Да. Нет. Да. Нет. Да. Нет. Нет. Нет. Да. Да. Да. Вот когда это сойдется…

На любом парне, знакомящемся с цыпой, лежит отсвет обреченности. О нет, я не циник, я реалист.

Девушки омерзительно прагматичны – за путевку в высшую лигу они способны к любой мимикрии.

Я люблю их, но, любя, констатирую, что по части железной хватки в битве за преференции они не знают себе равных.

Но за все, за все, за все приходится платить.

Как Пикассо на смертном одре произнес, прошептал: «Модильяни», так я на своем убогом улыбчиво: «Шарлиз Терон!»

Что, Малахов, Киркоров, Матвиенко, Меладзе, Маршал, – съели?!

О, я познал ее блеск.

Теперь можно обратиться в пыль.

Мужчина, бьющий женщину, – чмо, пидор, ублюдок. Я всего

раз был чмом, пидором, ублюдком. Странно, но я знаю женщин, с этим утверждением не согласных.

Хорошо быть женатым. Но соблазны не деваются, а только усиливаются. Не пиздите, что не так.

Мужчина, который работает, как я, все время, деградировать не может. Ему некогда просто.

Женщины врут, когда говорят, что уступят, если мужчина сумеет убедить их в своей правоте. Чушь! Если даже они уступают, то это стратегия.

Мужские слезы – не всегда позор. В моем случае – никогда не позор.

Если ей не нравится ваш юмор – посылайте отношения на хуй.

Каждый мужик мечтает о шлюхах. Каждый.

Ни один конфликт не выявляет победителя.

Мужчина, который не занимается своим ребенком, плохой. Я – не очень хороший.

Женщина, которая дерзит собственной маме, – бегите от нее.

Напиваться иногда необходимо, до зюзи.

Мужчина-отец – самое гордое звание из всех, что я знаю.

Кокетство мужское тоже бывает омерзительным. Впрочем, мужское – всегда омерзительно.

Посмотри правде в глаза: ты не так уж хорош.

Ты одинок.

Письмо автору от Иры Лукьяновой («Блестящие»)

Цитирую:

«Как смешно! Кажется, я впервые в жизни готова признать, что и мне присущ фанатизм!

Я всегда была слишком горда, чтобы вознести какого-либо человека на пьедестал, признать его – богом. Набравшись смелости, вынуждена констатировать: я стала тем, при виде или упоминании которого лицо сводило судорогой и возникало желание сделать хорошую выручку хозяйственному магазину или отдать полцарства (если бы оно было) за кусок мыла. Да, я стала фанатом! Но у меня есть фундаментальный аргумент. Моим кумиром является не какая-то там посредственность, поющая под фанеру или вещающая с экрана телевизора, делая ошибки в словах. Признав себя Фанатом, теперь могу сказать: мой Кумир – Оська – Мой Оська! Оська, который становиться Моим, после того как скинет облик (дорогущий костюм ARMANI и туфли за 2000 $) Отара Кушанашвили, который вызывает зуд у тех, кто выше описан (это оттого, что соответствовать наивысшему уровню посредственность никогда не сможет – другой набор хромосом заключает в себе).

Я люблю гениальность Осечки, но не ту, которая признаваема многими (эту сторону гениальности я уважаю), а ту, которая позволяет: чувствовать, любить, плакать и заразительно смеяться, гениальность, диктующую иное восприятие окружающей действительности, гениальность, не терпящую примитивизма, свойственного большинству.

Когда Тебя, Мой милый Оська, рядом нет,
Твои лишь письма мое сердце согревают.
Я не хочу встречать рассвет,
Когда Тебя со мною рядом не бывает!

Прости мне весь этот глупый детский бред,
Что Ты сейчас читаешь.
Пишу Тебе, и беспроглядный сизый свет
Глаза тоскою застилает!

Я знаю то, что все слова,
Пусть даже написать их на золотой бумаге,
Не могут передать следа,
Что Ты в душе моей собой оставил!

Я так хочу пусть даже через тысячу веков,

Чтоб Ты моим признаниям поверил!
И я хочу не омрачить Твоих годков,
Которые Ты мне в Своем письме последнем вверил.

Прости, Мой Милый – Мой Родной,
За то, что эти глупости Тебе черкаю.
Мне просто думать ни о чем другом невмочь —
Туман мне разум застилает!

Теперь я вспоминаю те мгновенья,
Когда меня Ты ночью страстно прижимаешь!
Как я боюсь и потому молюсь,
Чтоб это никогда не прекращалось!

Сейчас пишу я эти письма, чтоб, если что,
себе напомнить,
Что очень много в жизни черепков блистающих,
как дорогое злато.

Я так боюсь все важное забыть,
Чем жизнь питает человека.
Я так хочу Тебя любить!
И никогда не вспоминать другого человека.

Я знаю: если вдруг приблизится беда
С угрозою разрушить все былое,
Тогда мне надо будет прочитать слова,
Которые написаны моею же рукою.

Но если Ты захочешь от меня уйти,
Засохнут во всем мире реки!
Но все равно я буду о Тебе молить:
И на небе, где Бог, и на земле, где ходят человеки!

Ира Лукьянова»

Конец цитаты…

Не узнаю я их по голосам…

Многие СМИ, аж пыхтя, имитируют живую реакцию на

кастинг в группе «Фабрика», на ротацию, уже никто не помнит, какую по счету, в «ВИА Гре», на внеплановую беременность кого-то из «блестящих» барышень. Но массовой истерии не будет, уверяю: не до девчонок стране глухого ропота и опасений, что день грядущий будет неласков.

Никто не знает и знать не хочет, кто ушел, кто пришел. Кое-кому обидно слышать, но это инкубатор. Здесь суть понятна без детализации.

Это в чистом виде продюсерские проекты с полным игнорированием индивидуальности. Возвращение Нади Грановской в «ВИА Гру» при всем учиненном тарараме событием не стало. Это же касается и книжек, девчонками сочиняемых, и тривиальных до ухмылки линий одежды, и телепередач (Надя, Вера Брежнева, Анна Седокова – все побыли данами борисовыми), у которых был и есть один, но убийственный изъян – русский язык, отсутствие его. Чтобы девичья группа была успешной (читай: долгосрочной), нужны три ингредиента в правильной пропорции: сексуальный, сакральный, моральный.

Только безумец возьмется утверждать, что в ведущих женских коллективах такая пропорция наблюдается. Акцент делается на сексуальном ингредиенте. Продюсеры полагают, что девушка должна быть кричаще сексапильной, вульгарно яркой, как уикенд, пролетевший в декадентском угаре.

Есть ли смысл ввязываться в дискуссию на тему: отчего же так ярко горит звезда Жанны Фриске? Или всем, надеюсь, как и мне, ясно: пока другие интриговали, бесились по поводу того, кому достанутся мужики с толстенными бумажниками, она (это происходило на моих глазах) работала над собой. Та еще была стерва, но трансформировалась в леди с открытой улыбкой, волевую и семижильную. Она – исключение из правила, с годами все более очевидного: Лены, Кати, Наташи, Нади, Оли, Альбины, Маши, Насти будут сменять друг друга; мы редко-редко, если случится хит, будем им подпевать, изредка выдавая (говорю о себе и своих озабоченных наперсниках): «А мне вон та, черненькая, с краю нравится: в жизни не видел таких си…» Ушла ли Савельева из «Фабрики», «ушли» ли Котову из «ВИА Гры», ушла или «ушли» Настю Осипову из «Блестящих» – какая кому разница! Другие придут через пять минут.

Они минуют репетиционный период, акклиматизационный период – оба периода за ненадобностью – и безо всякого смущения предложат нам любоваться своими прелестями.

Исключительно за это мы (и я, и я!) их любим.

Сколько времени прошло, а я помню день, когда Полина познакомила меня с новобранцем «Блестящих» и будущей журналисткой Жанной Фриске.

Средь шумной толпы она обдала жаром!

Рад за нее и верю в нее.

Фото: Руслан Рощупкин

Полина Иодис. На нее облизовались все, а она выбрала меня. Не сложилось. Но аллилуйю я воспою Ей всегда!

Письмо ЖФ

Цитирую:

«О! как же сильно мне хотелось
сегодня днем, пока была я на работе,
сказать, что я Тебя люблю!
Так сильно, каким бывает ветер,
срывающий листы фанеры с крыши
соседского сарая, так непреодолимо,
каким бывает притяжение земли,
влекущее на свою поверхность
те самые листы,
что упоминались выше
в данном тексте.

И потемнело вдруг в моих глазах,
и закружилась комната,
как красочная карусель,
затем все побледнело…
Как я сумела справиться
с порывом сильным – ума не приложу!

Хотя, конечно, когда речь идет
о столь великом чувстве —
понятие ума стирается из словаря.
И тут, возможно, у кого угодно
напросится вопрос: «Зачем ты без ума нужна?»
Вопрос сей прозвучит как приговор!
Святого оправданья
на приведенную чуть выше в тексте
сентенцию найти я не смогу
в туманных ответвленьях мозга.

Но стану, как всегда, в таком вопросе
на доброту Твою и милость,
Мой милый Оська-Альфик, уповать!
Я протяну к Тебе в мольбе мои культяпки.
И тихо бестолкову голову склоню.
Со мной Ты делать можешь все, что хочешь!
Но помни – я Тебя ЛЮБЛЮ!!!

Ж. Ф.

Конец цитаты…

Открытое письмо Светлане Бондарчук

Светлая Света,

решительно не могу, говоря о том, сколько лет и зим мы не виделись, не выйти из обыденного тона.

Отчетливо понимаю, что ты, живя сверхнасыщенной жизнью почтенной матроны, совсем не представляешь, какой живу я.

Я по-прежнему, и даже в большей степени, чем прежде, грузинская икона № 2 (№ 1 – без сомнения, твоя подруженция Тина К.), полная силы и огня. Живу, воспитываю детей, слово «духовность» не употребляю.

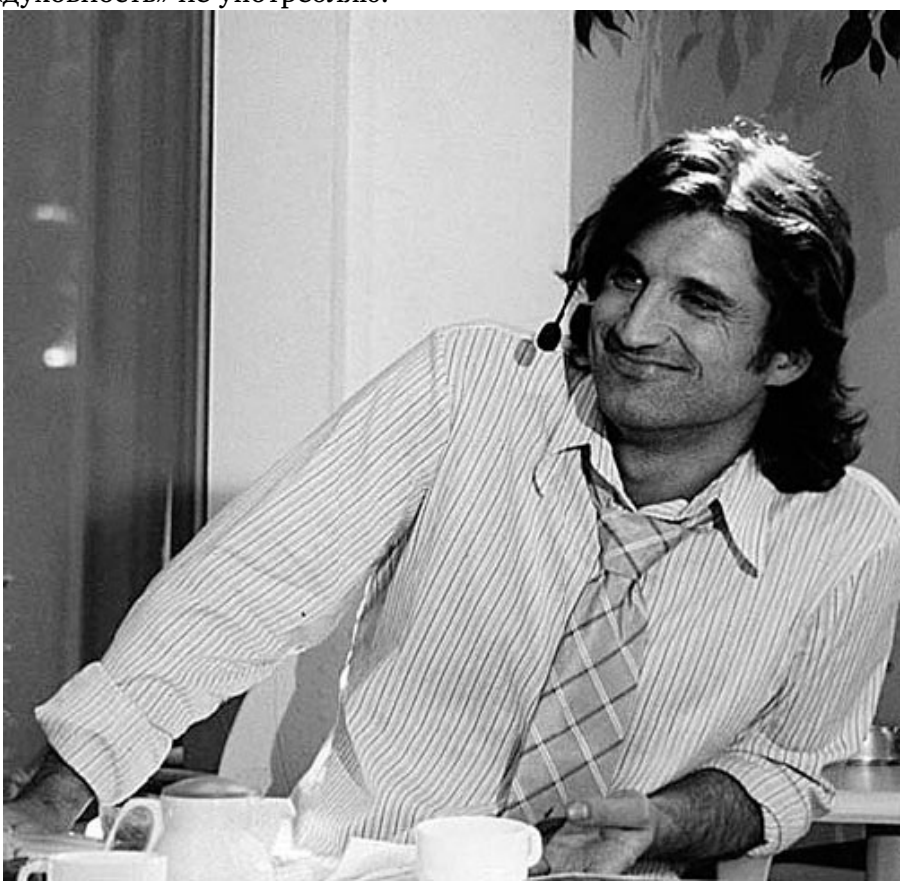


Фото: Геннадий Грачев

Начитавшись журнала, тобой редактируемого, журнала, название которого я невольно обыграл в самоаттестации (см.

выше), имею сказать следующее.

Я не думаю, что люди думают, что я думаю об устройстве Вселенной. Людьми я не очарован, я не думаю, что люди в большинстве своем думают – раз, два – я не настолько нарцисс. У тебя же на страницах в кого ни ткни пальцем – всякий, мать его, Рабиндранат Тагор.

По части демагогии твоим авторам равных нет. Особливо квазислабого пола полпредам. За вычетом, может быть, Частицыной, что ли, но тут слог спасет, если же на слог закрыть глаза, такое ощущение, что и она состоит из такого, как Будберг, хромосомного набора, который объясняет и извиняет сарказм.

У Ремчукова, почтенного, в общем, мужчины, что ни колонка, то удивительное открытие: завидовать нехорошо, быть богатым хорошо, у сов. власти было много плюсов, делать надо добро, потому что зло творить нельзя.

Вода мокрая, Гитлер пидарас, дважды два четыре, Эрос Рамазотти – итальянец.

Лошак, который на свою голову не воспротивился навязанному титулу.

Нужно ли бороться с женской глупостью? Если да, то КАК???

Никак. Глупых не бывает дам, бывают простодушные, как полевые цветы, и – подавляющее б. – хитрые.

Света, милая, передай Лошаку, что триумфа давно нет, а бедный Воронов нуждается в лечении, я серьезно. Кем надо быть, чтобы не видеть с первой секунды, что парень не в себе?

Федор поддержал меня в трудные времена, это я помню. Он начисто лишен фанфаронства, это я знаю. Он очень ранимый, в этом я убедился.

Милая Света, моя мама, величайшая леди с золотым сердцем, говорила: «Как мне одиноко среди этого бомонда». Где забавники вроде меня, шоно-пенновского типа, олицетворяющие собой

вызов благостности, нервические, но по крайности нескучные? Почему вы их не замечаете, нас то есть?

Света, сделай нам всем одолжение: передай внуку, или кем он ему приходится, Ельцина, что, прежде чем рекомендовать к просмотру отчаянно говенные сериалы, пусть для начала посмотрит эталонный – про инопланетянина Альфа. Лучше в моем переводе.

Я не плакатный обличитель, но искусственная благообразность 99 процентов твоих персонажей.

Как Вы добились такого успеха?

Никакого «такого» успеха нет. Если какой-то и есть, то это потому, что я внутренне один из самых волевых людей, кого я знаю.

P.S. Сначала ко мне подошел мой любимый кадр, Андрей Григорьев-Аполлонов, и, высоко отозвавшись о статье про Матвиенко: «Блестящая хуйня!», попросил прекратить нападать на чету Бондарчуков (я нелестно высказался о фильме «Обитаемый остров» и журналах – один «Иконы», тот, который склоняется в открытой эпистоле, закрылся – евойной леди Светланы).

Потом подошел второй, не очень любимый кадр, и попросил быть, что ли, поласковее.

Когда подошел третий, совсем нелюбимый, и сказал, что «если ты не хочешь кормить червей», я уже был готов к настоящему посткриптуму:

«Света! Федор Отарович! Я люблю вас, вы – яблони, я – червь».

ПОСЛЕ КНИГИ Я ВСЕХ ПИСАК – В МУЗЕЙ!

Негромкая песнь о любви. Документальная зарисовка

…Она стоит в розовой маечке, на берегу, она смеется.

Я стою метрах в пяти от нее, безжизненный, как вермишель, потому что отчаянно влюблен в нее, смотрю на нее, любуюсь ею и слушаю, как она смеется.

Как Ее звали? Как же Ее звали, черт бы меня побрал?!

…Сколько лет прошло, я уже научился говорить о погоде без мата, до меня дошло, чем прекрасна группа «Ю-ТУ», я уже знаю,

что рая не будет, у меня есть друзья, уехавшие в поисках счастливой доли за рубеж, осевшие там и плачущие во время телефонных разговоров, я освоил деловой тон и могу сообщить тревогу дядям в галстуках, знаю наизусть всего Евтушенко и могу, если на спор, писать, как Пелевин, – сколько лет прошло, а не проходит дня, чтобы я не вспомнил, как Она стоит в розовой маечке, на берегу моря, и смеется – оттого, что подозревает о незадачливом воздыхателе, оттого, что жизнь чудо как хороша!

Что для Вас означает слово «женщина»?

Все. Тут нужна словесная ткань такой выделки, на какую я способен только в отдельные дни.

То ли я виноват, то ли мы виноваты, то ли время, до отвращения пугливое и заносчивое, виновато, но мы уже очень робко, если трезвы, признаемся, что ЖИВЕМ РАДИ ЖЕНЩИН.

Время обернулось коброй и отравило нас, и мы, нарушив святую субординацию, насилу подбираем слова, когда говорим о женщинах и когда нужно обойтись без иронии или, того хлеще, сарказма.

Фото: Анатолий Ломохов

Маша Якимова, экс-Благоверная, с ее явной нелюбовью ко мне,

мною, конечно, заслуженной, но не до такой степени, чтобы вышвыривать меня на улицу. Впрочем, стоп. Когда я думаю о союзе с ней, я не понимаю ни драматургии этих отношений, и всякий раз я с сожалением кладу свою рефлексию на алтарь реализма: любви, значит, не было.

Но – «пока ты недоволен жизнью, она все равно проходит», все живы, красивый молодой человек – Дядя Федор – растет, если захочет, я расскажу ему о науке онтологии, о схватке простого и сложного. О том, что мачо (даже логофеты, даже принцы, даже дяди брутальные на вид) плачут, не зная ответов на вопросы, один из которых «куда все уходит?», другой – «почему?».

Мы отринули шепот, жаркое дыхание, трели соловья, что-то превратив в спорт, что-то в голый релакс, и многие женщины в пику нам ответили взаимностью.

Многие, но, благодарение Богу, не все.

И на тех, кто входит в спасительный для мужчин разряд «НЕ ВСЕ», мы, осоловевшие, смотрим потерянно и не знаем, ЧТО им сказать.

И длим, длим этот дивертисмент, фальшиво исполняя партию и хорохорясь что есть мочи. Они улыбчиво смотрят и ждут.

Мы уповаем на силу, не веря в то, что они – сильнее, они сильнее – потому что мы спринтеры, а они – стайеры.

У женщин верный глаз и верная походка.

Они куда более цепки, потому что в куда большей степени дорожат жизнью, не высокомерничают с ней, соблюдают субординацию.

Они по определению мудрее нас, потому что мы, мужики, полагаемся на пламенный и мотор, а они – на интуицию.

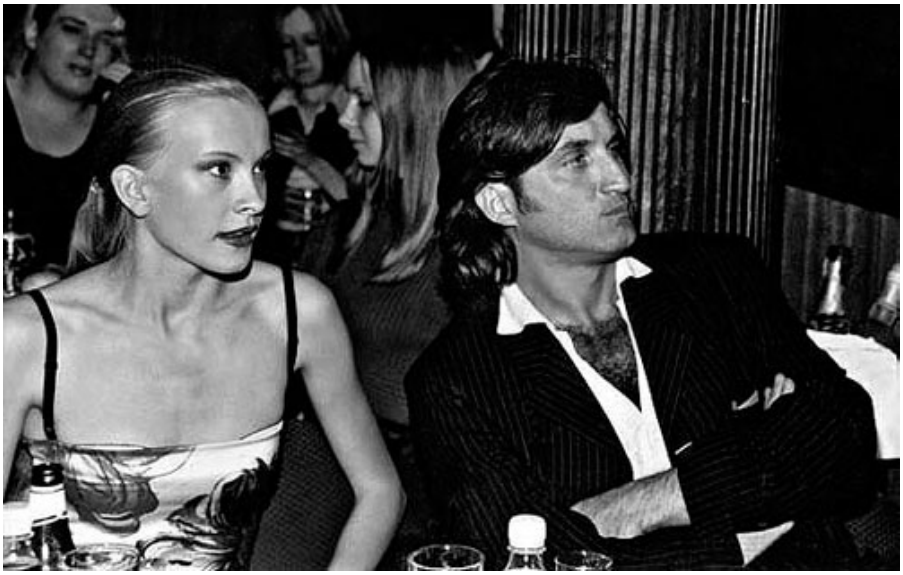


Фото: Анатолий Ломохов

Я могу показаться ходячим набором пошлости, но мне «Сибирские морозы» кажутся идеальной поп-песней. Когда я об этом сказал Владимиру Кузьмину, он фыркнул. Если вы сделаете такой же комплимент ему, он так же поморщится. Мужчина он, рокер он потому что. Способный при этом писать вдохновенные оды любви, веселые пьески, жесткие саги про путь, долгий-долгий, к сердцу любимой.

На фото – с музой маэстро, его благоверной Катей.

Они знают все наши слабые места, и все наши слабые места они могут поразить и ядовитой репликой, и симфонией лести, но чаще – просто взором, полным укоризны.

Когда мы исполняем реквием по несбывшемуся, мы этот реквием и исполняем на весь мир, они же – тихо-тихо, утрут слезинку – и топают дальше.

У каждой женщины свой почерк, у каждой почти каждый мужчина – жертва нивелирования.

Их волнующие округлости, даже их силиконовые прелести – наш генеральный допинг, если решиться и сказать наконец сермяжную правду.

Как стакан красного вина, в меру забористого, изводит холестерин, так женщина поворотом головы сводит холестерин и прочие гадости, прописавшиеся в организме, на нет.

Они умеют пресные будни превратить в фиесту, умеют почти все. Мы не умеем пресные будни превращать в фиесту, не умеем почти все.

Мои личные попытки установить на своей территории царство домостроя имели бесславный исход, потому что нужно уметь договариваться даже в мелочах, а мы – разве умеем?

Сколько раз Вы были женаты?

Один. И – избави меня…

Нет слов на эту тему.

Даже самые отъявленные жрицы любви – на поверку маленькие девочки, сосланные во взрослую жизнь.

Все диверсионные маневры, совершаемые ими, – это на самом деле элемент оборонительной стратегии.

У нас узкий мир, он заселен вещами, и их мир, конечно, тоже заселен вещами, но их мир много шире, потому что грезы – их сестры, они наделены воображением и против нас воображением пользуются!

Что у нас есть? Апломб, карты, машины и завышенная самооценка. Мы можем дышать на ладан, но будем набивать себе цену.

Они тоже набивают себе цену, но артистично, без надрыва. У них роль просто другая – обворожить. У нас – выпендриться.

От молодых ногтей мы с великой иллюзией, что мы главнее, не расстаемся. Мудрая женщина отходит в сторону, незло улыбается и с помощью трех тысяч уловок направляет к победе, оставляя нас в полной уверенности, что победа – наша, мы же «пахали». Победа, может, и наша, только кто был полководцем?

Без женщин нам грозит увядание и испарение, не иначе.

Говорят, в Краснодаре самые красивые девушки. Вы с этим согласны?

Согласен *(подхалимский фальцет – О. К.)*.

Нам не на кого будет спускать всех собак, топать ногами, не говоря о том, что некого будет обнимать и некому будет шептать на ушко ласковые, жаркие слова (не друг дружке же, в самом деле!).

Когда они уходят от нас – для нас это удар в солнечное сплетение, и дух становится тяжким, и нечем дышать.

Потому что на самом деле мы ХОТИМ, чтобы они дирижировали нашей взбалмошной жизнью, чтоб освещали ее, чтоб помогали, когда надо, держать оборону!

Любой день без НИХ – пустой, как песня с плохими рифмами, злобный, глупый, трусливый, любой день без НИХ – адская комбинация из потерянности и подавленности.

Питерские циклоп и известная пожирательница олигархических сердец, любящая, когда надо. Про все на свете говорит «пиздец!»

Я никогда бы не признал этого раньше, когда был на несколько световых лет моложе и глупее; но ничего, годы и меня укатали, и мне хочется пропеть им песнь о том, что ОНИ, ОНА – смысл нашей жизни. В этой песне – извинения, гордость, восхищение, эта песня огнем горит!

Они для нас – фотография на пианино, давно лишившая нас покоя, черные и светлые дни, ночной звонок, ополоумевшее сердцебиение, приступы явности, звездочки, обещания, ответы без вопросов и наоборот, каждый рассвет, они – больше, чем жизнь, время как пытка, выбор, прожекты, правда о нас самих, нирвана и инфаркт.

Примите нашу любовь, простите нашу любовь, не отвергайте нашу любовь!!!

Будто кто-то лампочку выключил

Добрая женщина Валентина Толкунова уходила медленно и тяжело. Болела долго, организм ослабел и не выдержал.

Как будто кто-то лампочку выключил (я про ее улыбку).

Медленно и неумолимо уходящая натура…

В исходе прошлого века и на заре своей карьеры я был соведущим безумной, как сейчас написали бы, сияющей параноидальным волшебством программы «Партийная зона» на частном, а посему в известном смысле восхитительно безумном «ТВ-6». Программа выходила в ночь на понедельник, в ней зарождался обманчиво легкий стиль общения со знаменитостями. Теперь понимаю, что многое выглядело нелепо и за такое амикошонство надо было сечь нас, а не поощрять. Тогда – не понимал и в эту веселую клоаку заманивал душевных гостей; ибо именно я отвечал за знаменитостей.

Они же, столпы, были как-то тяжелы на подъем, не очень-то рвались в ночное да к оголтелому Кушу. Толкунова приехала. Со стороны казалось, что угодила она на наш шабаш случайно: она нам представлялась инопланетянкой, мы – ей. Но нет, не случайно. Она была жадной до нового: призналась мне, что нуждается в подпитке, что находит по-своему интересными наши лица (я бы выразился – рожи).

Выглядела она шикарно. Улыбка – вот чем она брала. Открыточно красивая и предельно искренняя. Я-то эту улыбку видел и был ею согрет.

Даже тогда, когда прямого эфира, будь он проклят, на нее не хватило, а я, пригласивший ее, даром что без вины виноватый, чувствовал себя совершеннейшим уродом, – даже тогда она была неожиданно благостной. Я опустил очи долу и чего-то мямлил, опустошенный кромешным стыдом, а Толкунова знай себе повторяет: для меня это новые впечатления, спасибо, Отар. Годы спустя я узнал, что дело было не в лимите, а в том, что наверху после нашего с ней интервью какой-то идиот решил, что Толкунова с песнями своими «не вписывается» – уже зарождалось отвратное понятие «неформат»! – и позвонил продюсерам программы. А те, зная мой безнадежно конфликтный нрав, солгали мне: «В следующий раз».

Вы любите, когда Вас жалеют? Самая Ваша большая потеря?

Уверяю вас, жалость не унижает.

Потеря – мама и папа.

Из неодушевленных – утрата способности незашоренно мыслить.

А я так хотел, чтоб Она спела! С этой внушающей надежду на

лучшее улыбкой, знаменитым голосом любую из песен на простые стихи и мелодию, в которой красота негромко-неброско намекает, что жизнь бесконечна…Великая русская певица пришла в мою жизнь, успела улыбнуться на всю мою оставшуюся, а в дверях сказала: ну и шут с ним, а песни мои дома послушай. Сижу, слушаю, улыбаюсь.

Глава, в которой немного о спорте и одном хулиганском поступке

В преддверии ЧМ-10

Теологии я предпочитаю метафизику. Понимаете, в Игре обмана вины нет, и она никогда не бывает скучной, что делает ее похожей на антологию Фрэнка Синатры, на рассвет в горах, на первый поход в цирк, на дачные посиделки с теми, кого любишь, на утренние улыбки моих детей.

Игра (если это не игра в Мариборе) укажет путь, наставит на него, не пнет лежачего, но вдохновит его великостью цели в конце пути.

Клинт Иствуд, человек, который так вкусно и стильно состарился, что самому хочется расплеваться с пустоголовой молодостью, снял фильм про Нельсона Манделу и про Игру.

Известно, что Вы выбежали на футбольное поле на ЕВРО-2004! Зачем?

Это был безупречный акт патриотизма. Я не выебывался, я просто хотел дать в морду судье. И дал.

94-й год, ЮАР, Кубок мира. Простой и величавый Мандела, 30 лет оттрубивший в камере-одиночке за то, что хотел, чтобы все люди любили друг друга или по крайности уважали, – президент страны, с оханьем-аханьем выбирающейся из путаных зарослей практической ненависти и возвращающейся к столь любезной Манделе пронизанной любовью и уважением живой жизни. Черное население ненавидит свою сборную, как символ прошлого с апартеидом во главе; ненавидит, как мы ненавидели свою после Словении, но то была ненависть иного разбора, к безжизненным личинкам, не ведающим стыда, а тут на кону – Игра, способная объединить страну, чужака заделать своим и своим заделаться чужаком, и Мандела, как сейчас считаю, напутствует сборную, чтоб истово билась та за покореженную свою, но великую родину, которую полили кровью, а надо бы слезами радости, у которой отобрали все, кроме достоинства, а Игра, кроме всего прочего, учит, что достоинство выше мести, выше вообще всего, даже, страшно вымолвить, российского «Кодекса чести», не соблюдаемого никем, кроме, конечно, Дика Адвоката.

Вот про такую невыносимую банальность толковал Мандела с

капитаном сборной, которого сыграл американец Мэтт Дэймон, человек с лицом резко помолодевшего Анюкова, если бы еще Анюков устранил угрюмую обреченность с физиономии.

Вот про такую невыносимую банальность снял небанальный шедевр Клинт Иствуд, первее даже меня осознавший, что есть случаи, когда пафоса не может быть слишком много, – 30 лет в тюрьме, например, или любая игра на Кубке мира, не говоря уж про Победу.

Не знаю, как сказать об этом, кроме как сказать напрямик, без пышных выражений: последние пятнадцать минут фильма, самые напряженные, я просидел с влажными глазами.

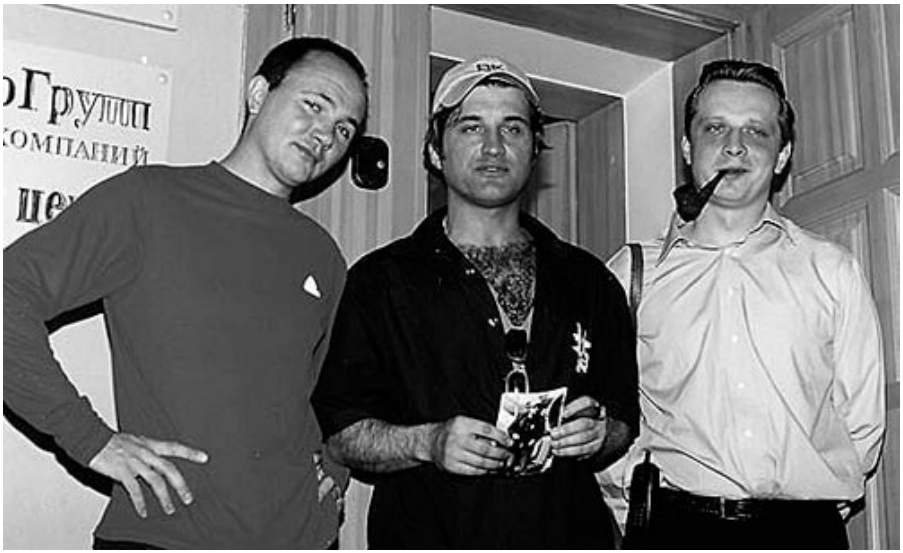
Там, конечно, как положено в Голливуде, есть несколько минут эзотерической болтовни, но все прочее время отведено Игре – на поле, с Судьбой, с Самим собой, Игре, которая часто на выживание. У нас же остаток жизни бойцы проведут, доказывая свое право на питие и курение; и остаток же жизни посветят эзотерической болтовне на тему, как они счастливы, что, даже позорно проиграв, право пить и курить отстояли!

Не всем везет с таким наставником, как Мандела, но у сборной США есть Обама, который ее напутствовал, ибо тоже понимает важность Игры, а сама сборная влюбила меня в себя еще в 2002-м, привычно позорном для нас году. А наши в Мариборе ходили пешком по полю в присутствии Первого лица, прилетевшего, потому что понимавшего важность Игры.

Ваши нимбы не пропустили, небось, такую чепуху, как выбегание на поле ЧЕ-2004 во время матча Португалия-Россия?

Вот он, антигерой, в лиссабонском каменном мешке.

Я, певец дребедени, лишних мыслей, ломаных линий, я верю в Игру, в то, что нужно знать и петь гимн своей страны, как немцы, в женское восхищение, как допинг, верю в навешенный крученый мяч, в то, что французам воздастся за то, что обидели североирландцев, верю в хороший бурбон и в то, что Словения не выйдет из группы, в то, что Марадоне преподнесут урок, как Игра не терпит хамства и белого порошка, в этюд Уткина об утраченной любви в 2006-м, привычно позорном для нас году, в то, что сербы будут биться, но безуспешно, в мат на трибунах, но – когда нет детей и дам, я верю в мягкое порно, в многодетного, чуть менее моего, Ковальчука, в раннего Михалкова, в гирлянды на окнах в Новый год, а также верю в то, что невозможно, если ты любишь Игру, если аллергически воспринимаешь неуважение к ней.



На фото я, Полупаныч и Павел Буров.

ПБ – наш орел. Каждый день с недавних пор я благодарю его мысленно за то, что он участвовал в моем возрождении (кроме всего, издание «Наша Версия» вошла в мою жизнь с его подачи).

В своем роде ПБ – король. Он Кинг организации, обхода острых углов. Голову он не опускает. В свою личную Вселенную, полную полной душевной жизни, он не пускает никого. А меня впустил.

Он всегда рядом.

После «Непокоренного» (так называется фильм) понимаешь, почему наших нет в ЮАР: потому что там не может быть, да и не должно, тех, кто добровольно погружается в ад, ложно оценив обстоятельства и собственное в них место.

Отар, Вы курите? Если да, то что?

Увы, я очень активен в этой области. Но – только сигары.

Кто не любит Игру, тот не умеет играть, недостоин Ее. Нас.

Ах, да. Иствуд снял про Манделу и про регби. Но здесь разницы никакой, речь про Игру, в которой вины и обмана нет, и она никогда, никогда не бывает скучной.

Право пить и курить

Что до хоккеистов вообще, в день, когда они проиграли, газета цвета дерьма вышла с заголовком «Можете курить!». Это было то самое издание, полпреды которого засняли курящих бойцов на том же ЧМ на выходе из ресторации, вследствие чего разгорелся скандал, и наша дружина объявила прессе бойкот. Я в кругу друзей, жалко, не «Нашей Версии», предложил такой заголовок «Весь

чемпионат сборная России посвятила священной войне за право пить и курить. Победила!».

Кому-то, очень многим, слава «Comedy Clab» не дает покоя, а я, например, рад успеху вечных ерников. Например, Саши Реввы, вблизи еще и трепетного, склонного к самоанализу артиста. Обложечный Пирожков, обаятельный шут.

Конечно, с ними происходят разные истории. Кто-то заважничал, кто-то отрепетировал таинственные взоры, кто-то окутал себя завесой топорной мифологии, но главное: все они признают, что я на них повлиял. Правда.

С нами Серега Крупнов: человек, который способен одарить небо. Если его влюбить в себя.

Lost and forgotten

Великого Костю Цзю (видите, и я туда же: ну какой он нам Костя, в сторону амикошонство, дамы и господа: Константин Борисович!). Переписываем экспозицию. Великого спортсмена Константина Борисовича Цзю превращают в шоумена, в любимца муз, в потешного хозяина морей. Посвящают его в свой свинский кодекс бесчестья. Но я не об этом сейчас.

Я встретился и спознался с Маэстро на съемках несокрушимо ядовитой программы Comedy Woman, само участие в каковой свидетельствует о наличии у персоны чувства самоиронии. У него

проницательный ум, моментальная – еще бы! – реакция; он доброжелателен, что твой аксакал, открыт настежь, как большой ребенок. Разумеется, в шоу мы играли самих себя, и даже там, в этом бедламе, я видел по его глазам, КАК ему не хватает бокса! Я нахально озвучиваю сие наблюдение, КЦ не отрицает, вздохнув. Еще раз вздыхает. Еще раз подтверждает. Я – ему:

– Так вернитесь, вы в отменной форме, полгода для наведения глянца – и берегись, визави!

– Что ты! Если бы супруга узнала, что ты меня уговариваешь вернуться в бокс, она тебя самого отправила бы в нокаут.

Да, кому, как не благоверной, знать иронию боксерской жизни: ликование рождается из настоящей боли, только ликование длится вечер, а больно всегда. За вычетом вечера, когда случился триумф.

Цзю не заявлял об уходе из большого спорта, он взял тайм-аут после обидного проигрыша британцу Хаттону. Он не рвал и метал, а решил избыть усталость. Если вдуматься, не окажется ли, что пауза затянулась? Если вдуматься еще раз, не окажется ли, что в расцвете сил и лет КЦ, подряжаясь на участие в разной степени качественности шоу, тратит время впустую?

Не находите, что невостребованность выдающихся персоналий есть абсурд, и абсурд, граничащий с преступлением? Мы скоро просто привыкнем проигрывать Олимпиады: что зимние, что летние. А все потому, что не дорожим дорогим своим, гоняемся за супердорогим иностранным, платим миллионы за химеру, жалеем тысячи за настоящее.

Какое место в Ваше жизни занимает семья – родители и дети? А какое – работа?

Работа – второе. Но не всяк о себе скажет, что, когда разразился кризис, я о семье забыл. Ради самой же семьи.

КЦ одновременно: тепло рассказывал мне о семье, которая в Австралии, раздавал автографы, фотографировался и обдумывал, попивая кофе, ответ на мой вопрос, на сколько процентов он сейчас реализует себя. Ответ я угадал: ни на сколько.

В день финала ЧМ

Как человек, паче чаяния, безнадежно сентиментальный и, против большинства, не то чтобы гордящийся этой сентиментальностью, но не скрывающий ее, могу, хорошо себя, вертопраха и повесу, зная, признать, что уже сейчас мной владеет

чувство личной утраты, и это состояние будет длиться долго, потому что очередной ЧМ в очередной раз, но как в первый, сделал фактом моей жизни торжество яркости над обыденностью, кто бы что ни говорил.

На прощание хочу пропеть осанну магистру футбола, адепту чистой игры, белому уругвайскому магу Д. Форлану, про которого Собчак убеждена, что он – вершина эволюции мужчин. На что мы с Рыжим «Иванушкой» синхронно воскликнули: «А мы?», и в ответ получили ухмылку, из которой следовало, что мы являем собой значительно более ранние стадии этой эволюции.

Суарес Суаресом, но сборная Уругвая – это в первую голову Форлан, важный, но неважничающий (когда человек хороший, это всегда видно и слышно), всякую секунду мобилизованный боец.

За какую страну болели на Чемпионате мира-2006?

Не за какую. Вообще болею за США, Данию, Россию, Швецию.

Про Стиви Уандера в Англии написали: «Он поет и преображает пространство». При известной интерпретации и при известном допущении, что Форлан все матчи играл, как пел, он и есть – преображающий пространство. Мое личное уж точно.

Этот ЧМ прошел под знаком противопоставления взаимообусловленных вещей: любви и долга, морали и таланта, разума и веры, если хотите (я просто вспомнил рожи Роналду, Руми и иже с ними), богатства и честности.

Именно противопоставления. А люди любят Форлана, и стал он моим новым фаворитом потому, что в нем нет этого раздрая, он и долг, и любовь, в нем нет дидактизма, он по-честному богат, он в одиночку может учинить ковровую бомбардировку, он разом талант и мораль, и по устройству игровой оптики он исступленно верует в то, что хорошие парни могут не быть кумирами Собчак, но хорошими быть обязаны.

Руни

Никакие могущественные силы, даже потусторонние, не заставят меня признать теперь, что Руни, не забивший ни единого гола и все время махавший руками, игрок мирового уровня.

От него ждали мастер-классов, а не дождались даже уровня подмастерья.

Такого «гения» не взял бы в свой СКА Горлукович.

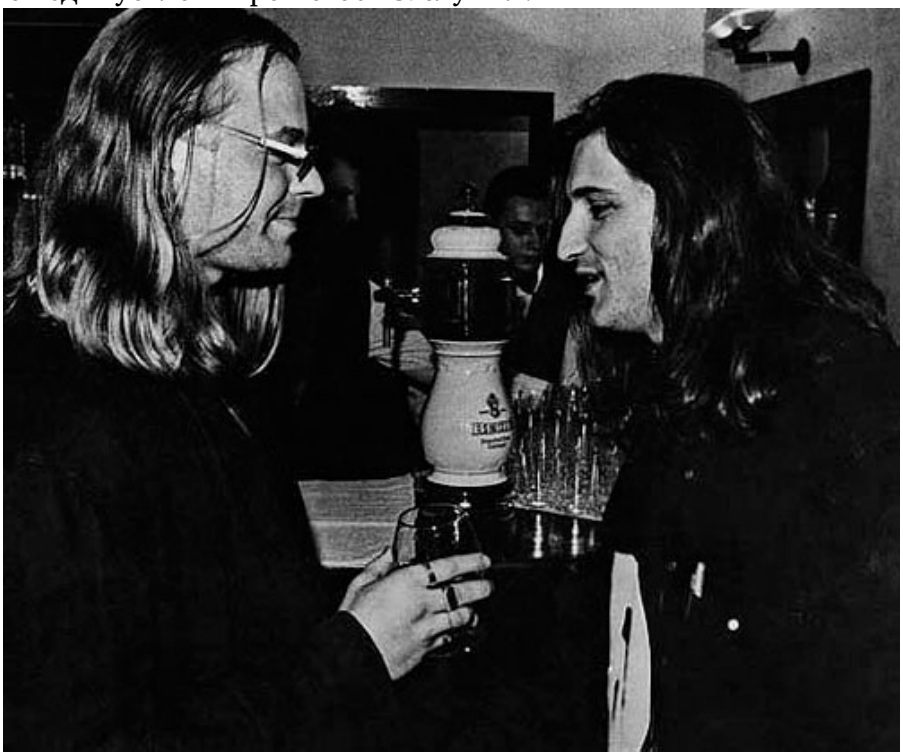
Ладно «гениальная» игра ему не по зубам, но где просто хорошая?

Весь сезон я только и слышал о Руни, который лобными долями, затылком, загривком, пятой точкой, причинным местом

и пятками забивал на любой вкус, а на главном футбольном ристалище узрел рыхлого, беспомощного, сырого и, кажется, не всегда вменяемого дылду.

Какое теперь мне дело до его тяжелейшего сезона, до его болячек, до его подушки, до его женушки?! На то он и вундеркинд, чтоб блистать.

Футбол в Британии укоренен в культурную традицию так, что не выдернешь, и я даже вообразить не могу, какая обструкция началась и будет продолжаться еще долго на родине неудачника, но ведь тусклой игрой своей заслужил!



Владимир Пресняков помогал забывать про ужасы провинциальной жизни, агрессию тамошних заморышей ко мне, не похожему на них, ансамбль составлявших, ансамбль придурков.

Он появился в моей жизни в самый мой подлый возраст в смысле полового диссонанса – девицы были изрядно декольтированными, а я зажат.

Настроение поднимал только ВП, спаситель кутаисского заморыша-интроверта, на тот момент ярого истребителя прыщей.

Тогда я еще не знал, что мы познакомимся и что он, при всей неоднозначности его карьеры, вошел в мою жизнь навсегда.

Английские щелкоперы и болельщики, в значительной

степени способствовавшие внедрению в сознание Руни синдрома неприкасаемости, теперь могут наслаждаться тем, как он в свою очередь наслаждается собственной крутизной: мне уже перевели интервью, в котором «золотой мальчик» прошипел слово «неблагодарные» и выдал штамп «мы сделали все, что могли».

Безыскусственная магия этого штампа объясняет популярность этого штампа у всех неудачников, которые сошлются на самые могущественные силы, включая потусторонние, чтобы оправдать свое убожество.

А так, конечно, игрок он хоть куда. В новом сезоне оформит хет-трик в ворота своей бывшей команды «Эвертон» – с пенальти, пяткой с тридцати метров и еще один с двадцати тем самым местом.

Роман Павлюченко

Хорошее начало: модный ночной клуб, полутьма, на сцене старается модная банда, которой в ночном клубе, в полутьме самое место, и я дурным голосом ору тому, кто ко мне ближе: «Старик, ну че ты такой беспомощный, как наши в Мариборе?» Звучит хохот за спиной, я оглядываюсь и вижу Романа Павлюченко с – узнал по фото – благоверной.

Слишком хорошее начало: чтобы над такой шуткой смеялся подразумевающийся в ней! Один из тех, кого мы согласно, всей страной, проклинали?!

Какие иностранные языки Вы знаете?

Я так много сил положил на то, чтобы во имя работы выучить русский язык, а я это делаю до сих пор и крайне недоволен собой; я был затворником-анахоретом, книжным червячком… На иные языки меня не хватит. Но Fuck You я произношу уверенно… и вообще, знаете ли вы слово «анахорет»?

Но я, мастер прикрас, законодатель дурного тона, тот еще цветок зла, клянусь первым альбомом Андрея Губина: все так и было!

Веселый. Но так только кажется.
Упрямый. Это не кажется, так есть.
Неразговорчивый, могущий срезать жестко.
Одаренный. Гипер.

Я направился к футболисту, чтобы спознаться и сразу, в лоб и без околичностей, спросить, чего у него с Англией взаимной любви нет, или не было ее вообще, любви этой, чувств ни с какой стороны, и нам померещилось, и ему показалось; почему страна, вожделенная для каждого вменяемого футболиста, страна, в которой он так лихо стартовал, почему эта страна стала в итоге дополнительным стимулом для его стрессов и фрустраций?

В общем, забурлил здоровый журналистский азарт во мне.

Как и большинству наших более-менее приличных игроков, ему не откажешь в потенциале, но, как и большинство наших приличных более-менее игроков, Павлюченко являет собой странный микс из удивительных способностей и не менее впечатляющих дефектов.

«Ничего себе! – хохочет Роман, когда я ему почти слово в слово предъявляю тираду, и добавляет: – Ты знаешь подход к спортсменам!»

После такой реакции РП вырос в моих глазах как минимум на

полголовы.

Он с женой, а мужскую солидарность никто не отменял, я на лету, про себя, редактирую вопросы, чтобы каким-нибудь канцеляризмом или ноткой пренебрежения не повредить статусу хозяина дома, и, подбирая слова, спрашиваю, отчего в последнее время наши спортсмены (футболисты и хоккеисты в первую голову) заделались такими гипертрофированно обидчивыми – особенно после того, как сами оскандалятся.

Тут надо прояснить одну очень важную лично для меня вещь, касаемую табу на общение с журналистами.

Когда набриолиненный поклонник русских моделей Роналду, сам себя назначивший гением, плюет в камеру, когда человек с лицом человека, остановившего этим лицом поезд, Руни орет в камеру, когда наши неистово отстаивают право пить и курить, вместо того чтобы неистово тренироваться и играть, а после игнорируют журналистов или, того чище, посылают их, – я этого не то что не понимаю, я в ярости, потому что это не просто неуважение к людям, бла-бла-бла, это от тупости и, главное, от бессилия, и бессилия интеллектуального, а когда человек интеллектуально бессилен, в этом есть ручательство того, что он готов служить злу. Это тренер Ахалкаци говорил, если кто помнит такого.

Но ничего этого я, чтоб не спугнуть, Роману, конечно, не сказал.

«По-разному бывает. Но вообще, конечно, это… не совсем правильно».

Ну… хоть так.

Такое ощущение, что самый факт отъезда за кордон и наличие контракта с более-менее несрамным клубом противопоказан нашим хуторянам: они немедленно в худших деревенских традициях начинают демонстрировать, что заграница катапультировала их на олимпийские высоты.

Я говорю об этом, РП обрывает меня без улыбки: «Это не про меня».

Да, кстати, о журналюгах. Они только у нас мерзкие такие или и там хотят делать свою работу?

Снова смеется: «Да нет, разницы никакой. Забиваешь – бог, перестаешь – убогий лентяй и эгоист».

Вообще говоря, РП резко выделяется на фоне либо вечно насупленных, либо вечно нелепо изображающих недоступность наших игроков. На мою реплику по этому поводу РП авторитетно замечает: «Вы тоже разные бываете».

Чтобы перевести разговор в иной регистр, спрашиваю, как супружница отнеслась бы к возвращению в Россию (согласитесь,

для многих жен вопрос издевательский).

Роман Павлюченко смотрит на Ларису Павлюченко, и сразу становится понятно, что это напряженная тема не для разговоров даже – для перекоров.

«…Но ведь этого не будет. Пока, по крайней мере».

Точно таким – определенно с оттенком вины – взглядом одарит супругу РП, когда я подниму тост за семейную идиллию: почему-то я уверен, что футболисты – немножко, э-э-э… примадонны, и когда их карьеры лихорадит, они не дают жития самым близким.

Роман ничего на это не ответил, что тоже было своего рода ответом.

Когда человек (Кержаков ли, Аршавин, РП) возвращается или готов вернуться в Россию, «чтобы только играть», а не протирать скамейку запасных, по мне, это значит, что карьера не задалась, и никто меня не уверит в обратном.

Уведомление: Роман остается в «Тоттэнхэме», а все, что происходило в прошлом сезоне, говорит, только сделало его сильнее стократ («стократ» – уже мое словечко, для пущего эффекта).

То он забивал в каждом матче, то его поносили за то, что он «спит» и ленится – а в итоге за время эпопеи с битвой за место в команде РП пережил мощнейший кризис, но даже этот трудный опыт стал для него источником вдохновения – он сидит рядом и светится уверенностью: «Готов как никогда».

Роман безоговорочно соглашается с тем, что «Рэднапп способен, хитрюга, вытащить из талантливых людей лучшее, на что они способны».

При этом не гнушаясь, как мне кажется, даже издевками… Ну, может, это чересчур сильное слово, тогда – подначками. «Он – тренер, что тут скажешь», – разводит руками РП.

А зачем тогда он брыкался, словно в пику тренеру играя через пень-колоду, давая комментарии о недопустимости пребывания на скамье запасных и корча гримасы, когда его меняли? «В такой ситуации, в какой оказался я, трудно сохранять баланс». И добавляет: «Все, чего я хочу, – играть».

Но не за «Локомотив» же, в самом деле! Ответа я не дожидаюсь, только хохота.

Я со смехом говорю Роме, что, если буду писать, чтоб портрет получился положительный, надо будет заявить, что «и запросы у него скромные». «А вот это – неправда! Запросы у меня о-о-очень нескромные!»

Жена улыбается.

Оба не пьют. Выясняется, что РП вообще не нарушает режим.

Хотя, с другой стороны, не идиотство ли – ждать обратных заявлений?!

Если тот же Аршавин выбрал в качестве модели реакции на критику ерничество, то РП с самого начала спокойно-улыбчивое игнорирование, по временам только отпуская малоэмоциональные реплики.

А Вы много выпиваете?

Если кратко – больше, чем надо.

Но я работаю. Не время.

Я отвратителен, когда пью.

«Может, это от того, что языка ни бельмеса не знал?» – «И это тоже».

К концу сезона, перестав ерепениться, РП проникся духом состязательности, перестав злиться на весь мир, включающий главного коуча и того же Крауча.

Были ли в телешоу «Большие гонки»? И как Вы к этому относитесь?

Нет, мне хватило «Короля ринга». Отношусь – да никак не отношусь. Вкусно, безвкусно, хорошо ли, плохо – надо, увы и ах, мордой торговать.

Кстати, фамилия одноклубника тут же перевела разговор в иной регистр, который называется ЧМ. Провал сборной Англии, которую числили фаворитом, РП, конечно, не связывает с тем, что не играл К., но недоумевает, почему сильнейший игрок не играл, хотя другие выглядели беспомощно.

Когда я говорю, что, даже с учетом нервической выплаты причитающихся денег, как-то нехорошо не простились, а именно что расплевались с Хиддинком, и как было бы хорошо, кабы он продолжил работать со сборной, РП, коротко взглянув на меня, уклончиво отвечает, что не любит разговоров с условным наклонением, что ГХ – уже история, история хорошая, но надо теперь начинать все заново.

Совершенно очевидно, что грядущий сезон для «спящего гиганта», иногда, как мальчишка, делающего назло всем вид, что ему неведомы законы логики, физики и гравитации, будет решающим.

Он кивает головой, правда, на «спящем гиганте» поморщился – но не обиженно, а презрительно.

Это, кстати, и сборной касается. РП пропускает мимо ушей мою тираду, исполненную недоверия к персоне главного тренера

(в интервью нашей газете заявившего: «Новых имен не ждите!» – широких воззрений человек, прогрессивных).

Чистой воды нападающий.
Начисто лишенный скромности – и правильно!
Один изъян – нестабильность.

Ему нужно заканчивать со странными перепадами температур в своей игре и забивать часто, насколько возможно.

Поскольку он аж светится, я предполагаю, что должно получиться.

РП перестает улыбаться и говорит тихо, но уверенно:

– Получится, Отар, получится.

Тогда и Рэднаппу, и нам будет счастье.

P. S. 1. Павлюченко вернулся в Англию и с первых же – контрольных ли, товарищеских – обещание выполняет. Тьфу-тьфу, чтоб…

2. Спасибо вездесущему Андрею Григорьеву-Аполлонову, пыль умеющему обращать в изумруд, а в данном конкретном

случае нас познакомившему.

Марат Сафин

На корте он умудрялся быть разом концентрированным и расхристанным. Воплощенная харизма. Баланс мощи и эпатажа (хотел провести тут аналогию с собой, но это уж слишком).

В большом спорте, я знаю, знаком, много ослов, которые ради денег готовы на все, а МС ушел из него, потому что потерял вкус к игре, хотя мог еще десяток лет из-за гонораров летать с континента на континент.

Ваши прогнозы на будущее нашей страны?

Хуже не будет. Но очевидно, что счастливую страну мне не видать.

Он пересекал границы, даря людям такие дивертисменты, что даже я несколько раз плакал, сам не знаю отчего. Любо-дорого было на него глазеть, когда он смеялся. Даже вербальные атаки он отражал играючи: ай-кью позволяет.

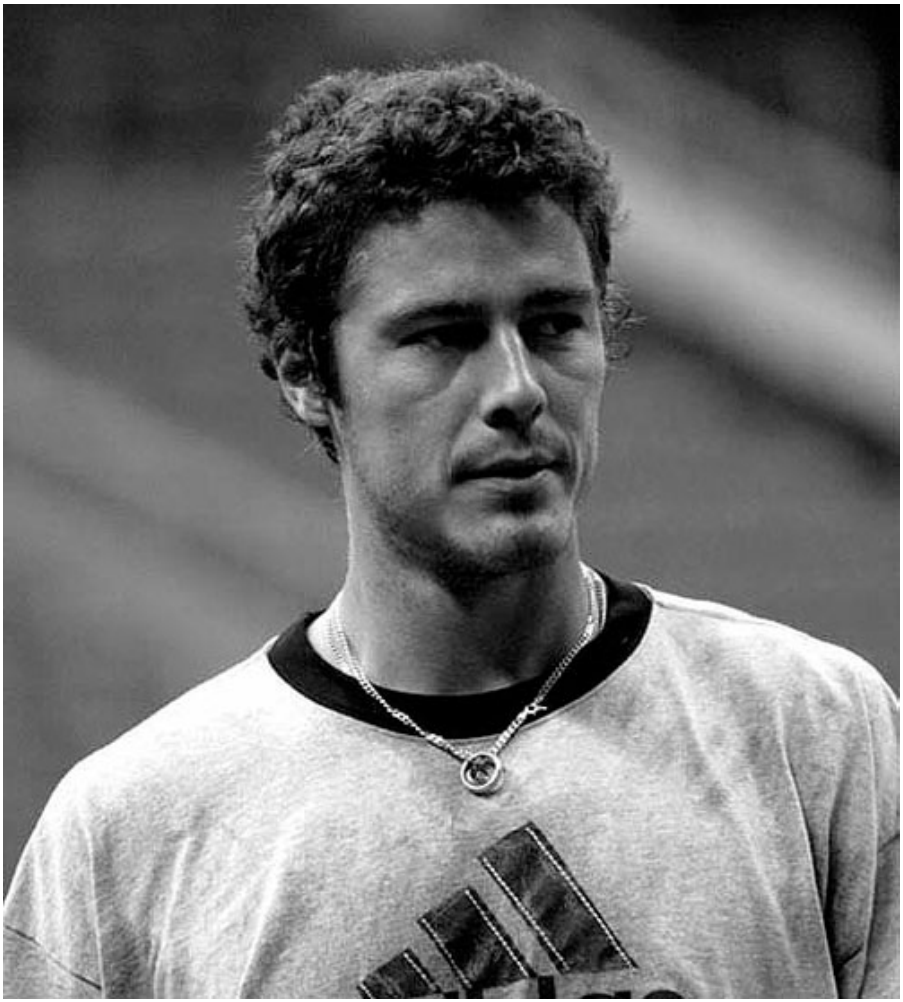
Многим суждено влюбляться в него до края дней. Есть такая горстка славных ублюдков, дамы находят их гиперсексуальными. Впрочем, мне этого познать не дано, я если и влюблял в себя, то карательной медициной, принуждая поверить в то, что у меня поступь коня, а не ишака.

МС и легче, и труднее. Набор качеств, сметающих женщин с ног, налицо, но давление, которому он подвергался все годы карьеры, последний особенно.

Формула его успеха проста: ясные намерения – стать Первым, но такая формула предполагает многомерность – в ней всегда смысла больше, чем связано словами.

Он победил Пита Сампраса, когда Сампрас был непобедим, и сказал про победу: это был мой день, но не день ПС.

То есть даже в шикарный день триумфа на US Open он отдал справедливость проигравшему.



Задатков у него миллион во всех областях.
Но он не трибун. И не трепло.
Он много сделал и для себя, и для нас.
Бр-р-р-рутальный.

Когда он бушует, рядом лучше не находиться.

Он единственный, кто умудрился стяжать репутации главной спортивной институции страны, и при этом интеллектуальной среди всех спортивных институций.

Он сумел отстоять при всей своей неровности приверженность и здравому смыслу, и моральным нормам.

Даже когда швырял ракетки.

Быть на вершине и не потерять представления о реальности – вот что такое Марат Сафин!

В новой реальности МС будет строить новую жизнь. Относительно этой жизни он преисполнен значительных планов.

Он лишен моей склонности к идеализации себя и всего окрест, один пункт плана он изложил мне в кафе: не опозориться.

Я ответствен за три характеристики нравственных физиономий парней, за которыми будущность моей страны.

В отливы и приливы они неизменны: верят в себя, не празднуют труса, делают дело. Мне от и при мысли, что они есть, хорошо.

Давным-давно я придумал про него зачин для потенциальной статьи: «Сафин суть человек, который научился извлекать из общения с жизнью максимальные молекулы счастья».

Как Вы относитесь к Дмитрию Нагиеву?

Как к человеку, желающему во всем дойти до сути.

Сафин заработал хренову тучу денег, но остался сверхобычным (в лучшем смысле слова), сверхранимым бонвиваном, юбочником, мачо с неизбывной тягой к слабому полу, грезящему о нем.

Сафин только что приехал из Парижа, где продул во втором круге, как всегда, сопернику много слабее себя. Я смотрел матч, Сафин был великолепен: все время орал: «Блядь! Ебана в рот! Еб твою мать!!!», показывал, по-моему, судьбе «факи» множественные, швырял ракетку о корт… и вот он в кафе передо мной, и я спрашиваю его, почему он не остался в городе, овеянном золоченой мифологией. «Да пошел он на хуй, твой Париж; там делать нечего, а главное – телки страшные».

Вот это действительно причина. Кто знает Марата более-менее коротко, тот поймет улыбчиво.

Но я видел не только феерического Сафина, победительно шагающего по миру. Я видел его на похоронах ЛЕНИ НЕРУШЕНКО, солиста группы «Динамит», погибшего, конечно, не от автокатастрофы, а от образа жизни; Марат рос вместе с Леней (или учился), и мы с ним любили Леню как непутевого, но брата. На похоронах Марат стоял в стороне, ненавидя любое проявление публичности, и плакал.

Сафин есть тонкий организм, который алогичен, как алогична сама жизнь.

Напослед я спросил его, отчего так раздобрел легендарный КАФЕЛЬНИКОВ, которого, клянусь, не сразу узнаешь при встрече. Сафин рассмеялся и ответил: от хорошей, мол, жизни. А потом серьезно добавил: Женя столько вкалывал, что может себе позволить и раздобреть, и кое-что еще.

Согласен!

Эмблема Олимпиады в Сочи

Самая высокооктановая шутка последнего времени – логотип Олимпиады в Сочи, который я увидел в кафе во время спешной трапезы, – и выронил вилку из рук, и выпалил то самое экспрессивное выражение-идиому с непочтительно интерпретируемой ролью матери.

В природе много забавных вещей: музыка кантри, «Блестящие» без грима, романы Сорокина, Иван Демидов без очков, грузинские спортсмены на украинских выборах, интервью наших футболистов…

…Но эмблема Олимпиады!!!

Эмблема безжизненности, уныния как знамени, эмблема печали, поросячьего повизгивания, эмблема финансовых потоков, проплывших мимо нас в банковские ячейки квалифицированных ворюг.

Как Вы относитесь к Гос. Думе, а в особенности к Жириновскому?

ГосДума – прибежище, в основном, шаромыжников. Жириновский – ковбой.

Иной раз такие вещи случаются, что убеждаешься: здравый смысл невозвратен для жизни; сходятся абсурд и фарс, высекают искру.

Очевидно, что эту эмблему готовили люди, запертые в узилище разъедаемого безумием, нет, безумной жадностью сознания.

Лера Кудрявцева, Слава тебе в веках!

Я предам анафеме любого, кто худо к ней отнесется.

Мы знакомы с ней вечность, а Она все хорошеет (пока я умнею-мудрею).

При внешней хрупкости у нее практически маскулинная внутренняя суть.

В ней сочетается гипертрофированная ранимость, помноженная на провоцирующую влажные сны женственность, с умением постоять за себя. О, а это ей приходилось делать не раз, и не для декорума, а на кулочках!

Она всегда подтруниваля над моим водянистым стилем, но полагала гениальным клоуном.

Чистейшей прелести чистейший образец!

Глава предпоследняя, в которой речь пойдет о кино и некрасивых скандалах

Я никогда не любил «Битлз». Но я всегда знал, что «Битлз» – великая группа… Но если смотреть такие байоники, как «Стать Джонном Ленноном», можно их и возненавидеть.

Я люблю Бродского за то, что в его стихах сконцентрирована такая бездна отчаяния, что она резонирует с твоей бездной, а это утешает (мысль я спиздил у Дм. Быкова, но ведь лучше не скажешь!).

Если барышня способна меня рассмешить, она уже на полпути к моему сердцу.

Иногда я идиот идиотом: хочу, чтобы меня прощали, а сам прощаю со скрежетом зубовным.

С возрастом (в мои-то сорок!) уже отчетливо понимаешь, что все клише, над которыми ты потешался, вообще-то правда!

Главный штамп: жизнь-то правда дерьмо, конец-то правда – один! И не обольщайтесь, вы тоже – говнюк.

Все, что я делаю, – пишу лучше всех, говорю лучше многих.

Конечно, я думаю о возрасте. Нет страха постареть. Меня парализует сама мысль, что в один день мне станет скучно.

Я паршивый бизнесмен.

Я атеист, но вы знаете, меня это начало беспокоить.

Я слишком много времени провел с людьми, которые знамениты, но лишены таланта.

Соловьев

Большой режиссер и хороший человек Сергей Соловьев, чьи

мемуары в том числе сподвигли на написание книги, тоже считал меня морской свинкой с рудиментарными когтями.

Перед лицом такой несокрушимой убежденности у меня достало нахальства опрокинуть такое лестное суждение посредством… доказательства, что я и реценцир киношную могу соорудить, да еще и на знаковый для самого Соловьева и для наших палестин фильм. Знаковый, потому что оказался пугающе проницательным.

Ваше сиятельство, молвил я, я отпишу такое эссе про «АССУ» – ахнете, за сердце схватитесь, поедете по миру утверждать, что ОК суть гений, а не остолоп, как утверждали прежде.

Я способен старинную бронзу отреставрировать, не то что крепкую рецензию написать!

За столом, где я толкал эту речугу, нарастал смех. Маэстро стукнул по столу, смех прекратился, говорит, напиши. Удивишь хоть строчкой – пятьсот ЕВРОпейских твои! Нет – буду обзывать двуногим кротом.

…Славно я погулял на соловьевские евро!

Та самая рецензия

На просторах зимней Ялты встретишь ты свою любовь. На просторах зимней Ялты ты убьешь свою любовь.

Зимняя Ялта придумана для девических вздохов, для тяжелого похмелья на скамейке на дамбе под аккомпанемент цинических шуток о тщете надежд, для схватки Бананана с суровым папиком Крымовым.

Бледность завладела лицом моим, когда в 89-м я с приснымиими своими и с тяжеленной головой вышел на ялтинскую набережную в шесть утра – от лепоты. Клянусь вам, тогда случилась сначала секунда, когда я понял, как жить дальше, а потом истерика – от отчетливого сознания, что жить так, как осенило, я не смогу. Не Бананан потому что.

Битва старого и нового под песни о причудливом устройстве мира; вы не участвовали в такой? У вас все впереди.

«Асса» не фильм, но фестиваль. Осанна манерному инакомыслию; русскому року, который в эмбрионе был обаятельным, потому что нищим; граду золотому, где разлита любовь, где, сделав шаг, попадаешь в параллельное измерение; где смерть не смерть, а перекур; Татьяна Друбич, чьему личику есть перевод Блока на русский язык, а Северянина – на грузинский.

Как Вы относитесь к Российской киноиндустрии, и не стала ли она похожа на американскую «фабрику грез»?

Отношусь плохо. И не станет никогда. Это два разрозненных

мира, как физика и лирика. Спросите у Бекмамбетова.

Манерность Соловьева здесь уместна. Сны № 1 и № 2 сняты так, будто человек расширял сознание долгие годы членством в андеграунде, чья китчевость посыпана блестками так густо, что понятно, почему он обречен на обожание и ненависть разом.

Мочалкин блюз, башаровская гиль, фамилия Эйдельман как обухом по голове, понты расхристанных баболюбов, между делом ругающих советский бедлам, и вечный Цой как саундтрек к новой субкультуре, где папики проиграют, потому что не знают, калеки, что такое забриски-пойнт.

Соловьев и Цой

Лирический режиссер Сергей Соловьев, вспоминая о преобразившем все его бытие знакомстве с Виктором Цоем, в конце монолога с горечью выдохнул: «С тех пор что-то произошло с художественной генетикой нации».

Гении не рождаются, шедевров не стало, да и сам СС… Если два его последних фильма «Асса-2» и «Одноклассники» – хорошие, то я – овцепас или муж Патриции Каас (что, с учетом того, в кого превратилась наша некогда любимица, по престижности одно и то же). Так что и сам-то СС форму не сохранил, но он-то еще ничего, остальные вообще поражены деменцией, кто-то, как прочие участники легендарного «Кино», спаслись эскапизмом.

Вы любите мультики? Если да, то какой любимый?

«Том и Джерри» – и сейчас иной раз заменяет книгу. Я ж кошатник. Да какой! Кто обидит кошку – об колено сломаю.

Составить себе вполне определенное понятие о том, какая эпоха нас терпела, по юрмальским концертам и по романам какого-нибудь Олега Роя, довольно мудрено. Или нет? Эпоха-то была нормальной, мы были дебилами, нанодебилами, Тимати считавшими певцом.

В один из наездов в Москву, когда я готовил почву для блицкрига, Юрий Айзеншпис познакомил меня с тогда уже кумиром. Не было в нем ни геройства, ни мифологизированности, но то, что, даже не говоря ни слова, он был центром внимания, свидетельствую. С первого взгляда было понятно, что он смоделирован для великих дел, затеян не для мелкой суеты, как я, но для исполинских свершений.

Без нимба над головой, он мог участвовать даже в чепуховых разговорах, ничего, это слышно, не упуская из виду.

И, разумеется, как большой художник, это тоже слышно, боролся с демонами.

Цоя нужно слушать, когда мы сами себе кажемся находками для психоаналитика. Когда нужно наладить отношения с собственной головой, скрасить подобие существования.

Трофим и Стас Михайлов не помогут. Эти, напротив, до дистимии доведут.

Во времена художников седьмого ряда, суррогатов и подделок надо, как я, сбежать из большого города, да хоть как я в холостяцкую келью, целый день слушать Цоя, мечтательно обдумывая будущность.

Природа, одарив его тонким умом и чувствительностью, не отказала ему в чувстве изящного, что роднит с ним Земфиру – единственную конгениальную ему боевую единицу на сегодня.

Правда, напрочь лишенную цоевского человеколюбия, без какового отделы мозга и сердца не сообщаются.

Гай Ричи. Кино для всех

Сила Гая Ричи ясная (особенно когда он сбросил кобылу-каббалистку Мадонну с возу), и в этой ясности – ручательство, что злу она не послужит; он отловил всех по эту и ту сторонам Цейлона и всех, подвергнув «карательной» киномедицине, обратил в свою веру интеллектуального пересмешника.

Новое творение Гая Ричи (ГР) про Шерлока Холмса и его наперсника возмутило наших людей, как им сдается, кощунственной интерпретацией давно нами приватизированных означенных шалых бойцов.

Говоря про такого рода реакцию, не могу не выйти из обыденного тона. Не понимать, что ГР – адепт и апологет буффонады и бурлеска, это не то что неумно, это первый признак эстетической шизофрении. ГР и новым фильмом призывает восстать от сна и восстать супротив догм. И догматиков.

Вы чувствуете себя шутом?

Не чувствую, это условность, я и есть.

Тут на днях объявился еще один. Зовут Бекмамбетов. Который, судя по всему, поверил в то, что он – Бертолуччи. Днесь его спросили: что, дескать, вы, Ваша Высокореспектабельность, думаете о «Бесславных ублюдках» другого озорника – Квентина Тарантино (КТ)? Бертолуччи хренов ответствовал безжизненным (я так и вижу эту сценку) голосом пастыря (я, конечно, не

дословно): такая, мол, поэтизация садизма – это неприемлемо… Я не могу понять: когда этот-то, снимающий бестолочь и породивший говнецо под названием «Черная молния», стал моралистом? Я-то ласкал себя надеждой, что коль скоро человек снимает такую милую коммерческую непотребщину, то какая-то самоирония у него есть по определению. Ан нет…

Сколько я понимаю, режиссер – это не транслятор верховных истин, но аниматор, и ГР с КТ снимают кино не для выработки, осознания и культивирования нацидеи, но для самих себя и для людей, погруженных в атмосферу одинокого существования – чтобы себя и их развлечь. Попутно внушая мысль, что зло должно быть наказано, и наказано лихо и весело.

ГР снял «Шерлока Холмса» как будто специально для того, чтобы вывести из себя угрюмых людей, этот страшный подотряд рода человеческого. Ведь похождения сладкой парочки есть не что иное, как просмотр наших грез о приключениях в чуждом исполнении. Чего там, я на равных с сыновьями (их, бойцов спецназа, четверо) по сегодня мечтаю об эпических схватках со злодеями со стволом наперевес, о пышных ассамблеях прошлых веков, о мелодраматическом алькове. Не надо везде искать подтекст, потаенные глубины и мифологические основы; иногда надо просто затянуться натощак и сожрать гамбургер: вредно, но вкусно!

Что нам снимают?

Я не кинокритик, благодарение небесам, иначе бы написал о каждом втором российском фильме: «Два с половиной часа мы можем смотреть, как режиссер Х сумел найти адекватную форму депрессивной Вселенной, в которой мы живем впавшими в разложение заложниками, являясь людишками, забывшими, что были когда-то чувства под названиями любовь, влюбленность и светлая грусть».

Если уж Павел Санаев, человек тонкой душевной организации (сужу по его душераздирающей и душеполезной книжке «Похороните меня за плинтусом», чудовищно экранизированной режиссером Снежкиным), снимает позор под названием «На игре», где коэффициент художественности ниже точки мерзости, где всякая девушка – проститутка, сыновья избавляются от родителей из-за квартир, закадычники стреляются на пикнике, люди – бесполые мымры, дети похожи на крыс, школьные учителя – закомплексованные садисты, милиционеры – педофилы, а люди в рясах помешаны на дензнаках и употребляют

героин…

Как Вы относитесь к отечественному кинематографу?
Никак. Как к фотографиям с голыми бабами. Не трогает.

Можно, конечно, конвертировать в кино собственные неврозы и фобии, но можно это делать, как Вуди Аллен, а можно – как Николай Хомерики (читай: Хлебников, Бакурадзе, Гай Германика, кто там еще?).

Минувшим летом я на дне рождения известного продюсера оказался за столом с каким-то режиссером, чья картина про то, в каком дерьме мы живем, а на поверку – живут он и иже с ним, на ура прошла на «Кинотавре». Я тогда спросил режиссера: отчего дебют его столь беспросветный? Гений отделался абстрактным «такова правда жизни», а потом, обидевшись на мое эмоциональное «пошел ты на… с такой правдой!», эмоционально же возопил: «Зато как снято!» Сильная аргументация.

Там в самом начале девушку, бегущую по снежному полю, настигают менты, она оказывается беременной. После того как менты ее отмутузили, девушка рожает прямо во время допроса…

Никто у нас не снимает мелодрам. А молодым этого и не надо. Эталоны для них – «Яйца судьбы», Куценко и история про то, как дедушка изнасиловал внучку.

Я выбираю «Список Шиндлера», Шона Пенна и историю о любви. Такой вот я аватар.

Шифрин

Ефим Шифрин сделался писателем, в книге побрюзжал, что профессия его наследуется теми, для кого она – ежедневные фотосессии, и ехидно сказал, что, как Задорнов, «города не приговариваю» (имеется в виду бойкот, объявленный сатирику Владивостоком, после дивертисмента, исполненного сардонизма по отношению к жителям Дальнего Востока), но «просто работаю».

Людей смешу.

Зверев Серега – человек, живущий вопреки всем законам гравитации, физики и логики. Этого не понять презирающим, он играет, как и я до этой книги, принужденный скрывать свой широкий кругозор. Берет яркостью, сконструированной странностью, пугает перепадами температур настроения.

Первым дошел, что в шоу-бизнесе форма будет главнее содержания. Всегда.

Ему по хуй бунтарское реноме, но за одно то, что взрывает

серость, СЗ нужно быть признательным.

Марк Рудинштейн

За последние несколько месяцев Марка Рудинштейна обозвали жрецом зла, магистром тьмы, цветком того же зла, контрацептивом, пидорасом и мразью.

Он в ответ обидчиков, цитирую: «пошлыми психами, наркоманами, ублюдками».

Дело обстоит так. Марк Рудинштейн, если пунктирно, продюсер, долгое время он был головой первого более-менее цивилизованного кинофорума и «Кинотавра», который в грозные лихие времена в Сочи противостоял всеобщему коллапсу, будучи при этом не только способом борьбы с атрофией артистической и режиссерской функций, но и изрядным продуктом энтертэймента (я ненавижу варваризмы, но их очень любят сам Рудинштейн и его оппоненты). И потом это слово еще всплывет.

Так вот, Рудинштейн разродился мемуарами, где Ярмольник, клан Янковских, Адабашьян, клан Михалковых выставлены – смотрите начало, цитату. Даже покойный Абдулов, который, сверх всего, назван воришкой.

Вот касательно ушедших, разнесенных в мемуарах в пух и в прах, спрашивают, из какого гранита высечено сердце М. Р., как двигалась по бумаге его рука, когда про Олега Янковского, народного идола, он писал, что тот – эгоист и пьяница, а вовсе не джентльмен?

Оказалось, что все, не только Янковский, народные любимцы изменяют женам, обжираются до оловянных глаз, курят траву, сквернословят, всем им нужно лечиться, а не в искусство лезть.

Когда все поименованные стали требовать отправить МР в отделение для буйных, выяснилось, что обличитель неизлечимо хвор, жить ему осталось недолго.

На каждой странице между тем писано о том, как больны головой, душой и телом, как «ныряют в собственную блевотину» и помешаны на шлюхах артисты, иные до сих пор имеют непререкаемый звездный статус. А актрисы, кстати, ничем не отличаются от проституток. Разве только узнаваемостью.

И вот с этими патогенными бактериями ходячими МР приходилось иметь дело много лет.

Он рассказал обо всем в еще более живописных подробностях в программе «Пусть говорят», но из-за избытка натуралистической и анатомической информации ее запретили к показу.

Перед читателями, более-менее чувствительными, встал вопрос в полный рост: на кой ляд МР выдал эти мемуары?

Некоторые журналисты вопрос озвучили.

МР ошарашил: не знаю-де, хотел выговориться. И то правда, он же не потускневшая звезда, совершившая лихую попытку возвернуть былое сияние.

Подонок ли МР, написавший неприглядную правду? Еще какой, сам он бактерия болезнетворная.

Но я был на «Кинотавре». И не раз. МР написал правду.

Получается, скот написал о скотах?

Получается.

А если он где-то соврамши, что ж… На то он и болеет неизлечимо.

Панин – не инфантил

…Я, кстати, в обретающем на глазах культовый статус видеоблоге «Чудовище в Большом Г.» в том числе и про Панина теребил людей. Это когда мы про детей говорили, которых тягают родители, обезумевшие от амбиций и эгоизма.

Уж кому-кому, а мне вдоль и поперек известна тема «демонизация».

Лешу Панина, который пиит в душе, который не скользкий, но открытый, доступный и душевный, демонизируют потому, что он сам нарывается.

Кстати говоря, вы не знали, поди, что талант и душевность не корреспондируются, не зависят друг от дружки, не связаны никак. Может, только в моем случае, и то не всегда. Ферменты эти не сообщаются.

Мне актер Панин безразличен, это как любить Робби Уильямса с его идеологией «в меру денди, в меру пижон», а человек Панин симпатичен.

Он не демиург, конечно, но и не сатаненок шершавый, как о нем пишут.

Он ищущая натура, а – взять меня? – какая ищущая натура обходится без срывов.

Я разговаривал с ним долго, видно, что история с отвоевыванием ребенка давно уже превратилась в его личную преисподнюю, что его извели нападки на него, но ведь ясно, что и его атаки, киношные по форме, но довольно тупые по существу, были внушены соображениями превратно понимаемой родительской тактики.

Он автор слов: «За свою дочь убью». Я под этим манифестом

сознательной отцовской растворенности в дитятке подписываюсь.

Он кажется инфантилом (физиономия такая), но он не инфантил.

И я верю в то, что он самозабвенно любит дочь, которую не намерен уступать маме дочери.

Но я верю и в то, что мама тоже самозабвенно любит дочь, и такие самозабвенно любящие родители – самый страшный подоотряд рода человеческого.

Потому что каждому кажется, что он любит больше.

И я верю в то, что их обоих ждет кармическое воздаяние за то, что они делают с ребенком на дымящихся руинах своей любви.

Наташа Мельник. Мама моей Даши. Открытая, целеустремленная, мыслящая дерзко, о себе высокого мнения, неземная в любви. О, счастливые годы самоутверждения! Но мы оказались разными людьми. Она лишила меня иллюзий, что будет рабыней, а я ведь домостроевец.

Лунгина и пелевины

Один достаточно популярный интернет-сайт провел среди читателей опрос, кого они считают самым влиятельным интеллектуалом страны прошлого года. Таковым – по результатам голосования – был назначен Виктор Пелевин. Я… погодите, подбираю точное слово… удивился. Конечно, странно, что фамилия не моя, но с таким же успехом могли назвать Гришковца, еще год назад раз в две минуты или два раза в минуту называвшегося Королем Новой Искренности.

Как Вы относитесь к альтернативной (современной, модной) литературе?

Читаю все. Не нравится ничего. По мне, неглубоко.

Только Гандлевский Сергей.

Или, чище того, паренька одареннейшего, но, очевидно, душевно некрепкого Колю Воронова, которого, паче его чаяния, тоже увязали с новой эпохой, сдобрив эту коронацию высокопарной галиматьей насчет того же «влияния». И Гришковец в своих топорных высказываниях, и Воронов в своих пубертатных экзерсисах разрабатывают одни и те же темы (у кого что болит): реальность как наваждение больного, мир как патология… Но у Воронова хоть смешно получается. Потому что нелепо. А у Гришковца-то претензия! То же у Пелевина. Только один продает прописные истины велеречиво, поскольку обладает гибким воображением, другой – корявым языком, играя в своего парня, даром что «влиятельного интеллектуала». Оба и иже с ними при этом – высочайшего разбора аферисты (я сам тот еще аферист, так что предмет знаком), легко объегорившие медиа. Ну а те в свою очередь нафаршировали такими «влиятельными» все пространство.

Обидно. Самый влиятельный интеллектуал страны – бесспорный факт! Лилиана Лунгина даже не вошла в десятку этого опроса. Та самая Лилиана Лунгина, чьи мемуары прозвучали в фильме Олега Дормана и вышли отдельной книгой «Подстрочник». Мудрые и обаятельные мемуары мудрой и обаятельной леди позволили нам, самоуверенным невеждам, только периодами в одну секунду сомневающимся в себе, перевести со лжерусского на аутентичный русский понятие «достойный».

И как Вы относитесь к интеллектуальной платформе нашего поколения?

С почтением. Совершенно понятное увлечение эквилибристикой, не сутью.

Временное.

И в фильме, и в книге Лилиана Лунгина не заворачивает эпоху и свою частную историю в фантики, она рассказывает о них языком, от которого небеса светлеют, и с негромким достоинством, недосягаемым для нас, людей эсхатологического сознания. Сознания пораженческого.

ЛЛ умерла 12 лет назад, прожив жизнь удивительную «с улыбкой дерзкой да проглоченной слезой». Она – главный интеллектуал страны. Я провел «совещание с самим собой» и грустно уяснил, что я не такой. Но я хочу быть таким. Я буду стараться. Пора бы. А то столько времени потратил на Пелевина.

Я быть хотел невзоровским клевретом

Александр Невзоров, когда я (простите за выспренность) формировался, почитался как титан духа, потусторонняя сущность, сверхчеловек. Я быть хотел его клевретом, слугой, он казался мне неоспоримой величиной, канонизированным гангстером от профессии (гангстером, впрочем, на уровне общения он и остался).

Как Вы относитесь к политике В. Путина?
Он – Хозяин, Генерал, я его подчиненный, его солдат.
Но часто он показным образом жесткий, это утомляет.

К нему было множество вопросов всегда. Теперь, после «Манежного лошадиного чтения», этих вопросов еще больше, первый из которых сформулировали мои друзья: «Зачем он снял этот фильм?» То есть на кой ляд, какие цели преследовал, зачем самому каналу, уже бесспорно авангардному, такой избыточно-лошадиный авангардизм? Апологетами АГН я буду беспощадно записан в жалкие червяки… Впрочем, стоп, после фильма о лошадях – о червяках ни слова… А то выяснится, что они, червяки, предтеча цивилизации, владеют языком суахили, читают мою колонку, едят хинкали, пишут друг дружке эсэмэски.

Представив в «Манежном лошадином чтении» живую хронику внутренних борений великой лошадиной души, Невзоров фильм, конечно, снял про себя, сияющего во весь рост в гордой противофазе с нами, темными.

С людьми у него не получилось, он учит лошадей алфавиту, потому что люди – неблагодарные и неспособные, то ли дело жеребец Као. Это вам не человечишко какой, это произведение

Творца может писать.

Большое дело! Мои четыре кошки, особенно когда голодны, могут хором прошипеть «виискас!» и присовокупить к этому самые народные слова. А чтобы я пустил их в свою опочивальню, они диктант готовы писать.

Высшие млекопитающие суть создания разумные. И что? Я в жизни страшнее тайны не слышал! То есть лошадь – это человек, но лишенный разговорного устройства. В конце концов, нам есть с чем друг друга поздравить. Были у меня, конечно, глухие догадки на сей счет, но именно что глухие. А тут пришел, вернулся из небытия АГН и пылко вербализировал всю нашу глухоту.

Причем бюджетно вербализировал. Ему недостаточно просто заявить, что лошадь поддается дрессировке, что дважды два четыре, он это – условно – увяжет с песнями Цоя, с происками наркомафии, с питерским «Зенитом», с эссеистикой Борхеса, правлением Екатерины II. А чтоб наверняка: обнаружит связь наскальных рисунков с девальвацией рубля. При этом АГН ведет себя так, что, если вы дерзнете ему не поверить, вам не избежать адского пламени. Таким людям не верить нельзя. Они умны, как лошади.

Брось, Емеля! Не твоя куделя

Понедельник. Поздний вечер. Читаю прекрасную книгу и не пойму вначале, что же меня так раздражает. До бешенства. Мух нет. Женщин нет. Не душно…Телевизор! Минаев в телевизоре. В передаче «Честный понедельник». Терпеть не могу писателей в качестве ведущих. Не вкупе, а каждого (-дую) по-своему.

Стремитесь ли Вы прочитать все, что модно, или считаете это недостойным интеллектуального человека?

Оставим этот снобистский тон.

Разумеется, читаю, стремлюсь как можно больше.

Для тонуса важно.

Пышно выражаясь, драма того же Сергея Минаева (судя по его цветущему виду, им или маскируемая, или, что хуже, не осознаваемая) – в неправильной самореализации.

Пишет откровенно плохо, говорит того хуже, искренне, полагаю, считает, что на ТВ главное – держать пучеглазую паузу и придерживаться охранительного образа мыслей (поскольку СМ и его поклонники соответственно плохо знают язык, перевожу:

охранительный – значит реакционный). Иногда еще Сергей дарит нам елейное выражение физиономии. Что, впрочем, не спасает ни его, ни передачу. Хотя сам он считает ее гениальной.

В этом смысле мне гораздо симпатичнее Дмитрий Глуховский (ведет возобновленный «Пресс-клуб»). Елейный марципановый человек, олицетворяющий собой – для меня – тип застенчивого негодяя. Но так как и сам я олицетворяю тип негодяя, только бестрепетного, это меня с ним и примирило. Тем более что Дмитрий напрямик мне заявил: ТВ и радио ему надобны для саморекламы. Взять Архангельского свет Александра, который на канале «Культура» с каждой передачей все более натужно изображает интерес к обсуждаемому. Мухи дохнут!

Отар, почему Вы закончили свою деятельность на телевидении и передачу «Большой куш»?

Наш с ТВ брак не распался, это тайм-аут, а по поводу «Большого куша», одной из лучших программ вообще, я уверен, – это к Роднянскому и Цекало, двум блестящим карьеристам с шаткими нормами морали.

Телеведущие – это всегда мессии, это самые мощные потребители любви на планете, они же самые истеричные потребители любви, а уж если телеведущий – писатель, не спастись тогда от моралите, от стали во взгляде, от сурового приговора.

Татьяна Толстая и Дуня Смирнова, чьи выступления в «Школе злословия» долгое время были для меня самым ярким событием в жизни, могут говорить на любую тему, как и положено творцу: от курса евро через последний провал Такеши Китано до протрезвевшего и омещанившегося Шнура. Но, говорят, они с каждым разом все скучнее, все более подвержены субъективному «люблю – не люблю», все менее не только остроумны, но и умны.

А каково Ваше отношение к Татьяне Толстой?

Совершеннейшее почтение к эссеистке Толстой, недоумение по поводу телеработы.

Однако нужны – нужны обе в эпоху натужного благоразумия! (Ну не Робски же с Собчак будут направлять нас на сияющий путь праведности.) А мне не надо приговора. Мне бы профессионализма поболе, как, скажем, у гораздо менее частых на ТВ гостей – не писателей Бермана с Жандаревым. Мне б почаще с не писателем Парфеновым видеться. Да мало ли профессионалов, которых зачем-то заместили минаевыми.

P. S. Я вернулся на ТВ.

МУЗ ТВ, «Отар ПРОТИВ» – и сразу выяснилось, кто тут за главного!

Гибсоны-григорьевы с маленькой буквы

Наперед знаю: Оксана Григорьева не даст покоя Мелу Гибсону. Эта вечная история, когда «бес в ребро» находит на свою головушку, в минуты атаки либидо не склонную к самоанализу и вообще к анализу, охотницу за звездными скальпами, не знает вариаций. Все предопределено. Обложечная кошечка, каковой типаж изучен мною вдоль и поперек, и потрепанный жизнью когда-то обложечный герой, мутировавший во вредоносного шута. (Я не видел его со времен государственного переворота в Сьерра-Леоне, увидел теперь на фото и в фильме «Возмездие» – Боже правый, он же был моим идолом!..)

В этой истории, раздутой до небес, нет ничего, кабы не имя Мела Гибсона с клеймом «экстра»: наша барышня обнаружила величайшую хватку, а старый козел, обнаружив, что она обнаружила величайшую хватку, обнаружил величайшее замешательство, породившее панику с близким нам, россиянам, жанром ходульных оскорблений.

Конечно, нелегко, когда нация, через одного не выбирающая выражений, гневается по поводу зафиксированного на пленке слова «сука». Какие на всех, однако, белые ризы! В адвокаты ОГ вызвались все, кто имеет о морали и этике не больше представления, чем об анатомии пингвинов. Ведь правда же, что наши люди очень любят наблюдать дымящиеся руины некогда ослепительных карьер! А Григорьева – наша, ее интимная карьера только набирает обороты, много обещая: сколько мужиков в Голливуде, вон Шон Пенн развелся! Она еще многим чирьи прижжет креозотом, обольстительно улыбаясь и в момент первого же поцелуя включая записывающую технику. Шут бы с ней, она, если исходить из аморальных критериев бесноватой эпохи, молодец. По ее стопам идет-гудет легион девиц.

Покажите мне российское девичье сердце, не обремененное дерзкими мечтами охмурить и раздеть какого-нибудь мела гибсона. Дело тут не в Оксане Григорьевой, а в оксанах григорьевых. И не в Меле Гибсоне, а в мелах гибсонах. Когда нашим девушкам изменяет олимпийская выдержка и они уступают наиболее распространенной человеческой слабости – любви к баблу-баблосу, они не знают себе равных.

Гибсона больше нет. Сколько я знаю, на очереди – футболист Роналду, который так увлечен оксанами григорьевыми и собой, что не знает, быстроногий дурашка, что один из самых удачных фильмов Гибсона называется «Расплата».

Twitter:

Вселенная устроена так, что самые лучшие парни всегда подвергаются испытаниям!

Но меня х… согнешь!

Каширка

Много лет назад в дом моих друзей вошло без стука кладбищенское слово «цитомегаловирус» – гадость, уничтожающая мозговые клетки.

Маленький Валька отказывался отсасывать молоко, лежал неподвижно. Мои друзья не давали Вальке умирать, не давали ему лежать неподвижно, тормошили его, разговаривали с ним. Это нужно было делать день напролет, чтобы непораженные клетки активизировались и приняли на себя функции пораженных.

Мои друзья отчаянно сопротивлялись надвигающейся летальности, когда уже эскулапы прекратили сопротивление.

…День, когда Валька, не заметив, что его перестали поддерживать за локти, начал подпрыгивать сам на старой раскладушке, как на батуте, произнеся трудное полуслово «пры», стал Красным Днем Календаря в доме моих друзей, чистых помыслами людей, за время лечения резко состарившихся и враз, в секунду помолодевших.

Мы соорудили застолье, и я, начисто лишенный задатков скромняги, сам себя назначил трибуном, и мы пили за здравие красивого малыша с уже полусмышленными глазками.

Семейка обрела счастье, и время проходило среди веселых разговоров про будущность (планировались: саксофон, «Непоседы», хоккей, теннис, фигурное катание) и лакомых трапез, к чему неизменно и с дорогой душой подключался я.

Обсуждение исполинских планов будущий исполин комментировал смехом и заразительной фонетической игрой.

И эта живая жизнь с посиделками на дачной веранде, с мультиками и книжками про пиратов, с ежедневно поднимающейся, как перископ, над боковой стенкой кроватки головкой Вальки с шалой рожицей казались им каким-то книжным, киношным, не всамделишным раем.

…Ровно одиннадцть лет назад взорвали дом на Каширке, в доме были люди, среди людей Валька и его двоюрдная сестра.

…Мы с родителями Вальки встречали Новый год в Сочи, в три утра вышли на набережную, над морем, над Сочи горели звезды, как лампочки, струящие не пышный, но ровный свет, мы молча смотрели на звезды, стояли под этим светом, и я точно знал, плача, не оборачиваясь на его родителей, что это Валька, его сестра и много хороших людей, взявшись за руки, светят нам, и этот свет, не пышный, но ровный, самый дорогой подарок нам от тех, кто обернулся не дымом, но звездой.

Отцы и дети

Одиннадцатилетний мальчик, воплощенное обаяние, в анкете, которую составили, точнее будет сказать, соорудили гораздые на цинизм люди из органов опеки, продолжил начатое предложение «Я боюсь…» так – «Маму». А предложение «Я не хочу» завершил так – «жить с мамой».

Без сомнения, мир сошел с ума. Мир распевает песенку «Я беременна, это временно», считает Стаса Михайлова певцом, Коэльо писателем, напивается с утра, ожесточенно считает деньги Абрамовича и Шараповой, взрывает друг друга, любит по расчету.

Мальчика зовут Миша, он будущее моей страны, анкета же, опубликованная в «Экспресс-газете», порождена противостоянием королевы фитнеса Ольги Слуцкер и сенатора Владимира Слуцкера. Это противостояние носит характер мировоззренческий. Владимир Слуцкер очень любит своих детей (у них есть еще дочь Анечка), Ольга Слуцкер вспомнила, что любит, когда сенатор высказал сомнение, что она вообще способна любить.

Мы все хотим быть любимыми с той же силой, с какой не хотим любить других. Это касается и умения прощать, которое вообще превратилось в заплесневелый артефакт этнографического музея.

Я уже не боюсь, я знаю, что наши дети, которых мы теряем, припомнят нам все. Неумение любить и прощать и собственную недолюбленность припомнят точно.

А мне вот надо, хоть я и в разводе, надо позарез, чтоб мои дети любили свою маму, носили на руках, боготворили, целовали на ночь. Мои, а у меня их много, так и делают.

Я знаю Владимира Слуцкера, отношусь к нему с пиететом. Я знаю Ольгу Слуцкер, и я очень рад, что мы не дружим. Я ясно выразился, правда?

В их мерзкой истории и дочь не желает знаться с мамой. Сын пишет, что мама обзывала его тупицей.

Суд решил, что дети будут жить с папой.

Я неправильный папа, я зацеловываю своих детей, они вьют из меня веревки, и если б кто-нибудь из них написал бы или сказал, что боится меня и не хочет со мной жить, я бы не пережил этого, я покончил бы с собой.

Ксения Собчак говорит, что не хочет детей, а я вот, старый дурак, не уверен, что день, когда я их не обнимаю и не целую, стоил того, чтобы его прожить.

Фото: Анатолий Ломохов

Орбакайте и Байсаров. В этой истории тоже был суд…

Глава, видимо, последняя, так как в ней автор пишет открытое письмо Эрнсту

Открытое письмо Эрнсту

Дорогой Константин Львович,

Судя по всему (и по тому, что я разменял пятый десяток, и по тому, что я теперь вроде как везде, а дети меж тем мне вот-вот подсудобят внуков), Вы меня так и не возьмете на работу.

Тогда как я сохранил не глубокую, но хотя бы относительную внутреннюю порядочность, которая, правда, оказалась не подкреплена финансовым базисом.

Не знаю, отчего я в Ваших глазах овцепас и гаер, хотя на поверку – воплощение интеллекта и (а это даже, верно, важнее) харизмы.

У Вас работают даже люди, пораженные деменцией. А я – нет. Вот почему?

Меня уже целый век то отпевают, то приписывают эскапизм.

А я – вот он Я, мощнее с каждым годом. Вот я прочел фундаментальную статейку, что самым выдающимся по масштабам своих дерзаний провинциалом был Петр I.

Ан, первым был, есть и будет Отар II (после Квантришвили).

Уж три поколения выросли, назубок затвердившие мою непростую фамилию, и Вы все составляете себе понятие о том, что я за личность, куда впишусь, сколько баллов принесу.

С другой стороны (и я писал об этом в превосходном очерке про Малахова А.), вы не возбраняли мне сниматься, когда я был – ТОО BAD GAY, антиангелом.

Вот с тех самых пор я тот же: «Будет буря, мы поспорим и поборемся мы с ней!»

Вам не приходило в голову, по какой причине я уже восемнадцать лет не тону? Ваш нимб не пропускает такую чепуху, как мысль о том, что все эти годы вместо того, что тратить время на то, чтоб попасться Вам на глаза, я потратил на учебу.

Надеюсь, эта совершенная книга инфернального грузинского гения влюбит Вас в меня и Вы перестанете искать наименьших знаменателей собственных амбиций, незаметных чудаков, которые меркнут на Вашем фоне.

Природа, одарив Вас тонким умом и чувствительностью, самою раздражительного, едва ли не отказала Вам в чувстве ко мне – не то чтобы…, но, изящно выражаясь, харизматичному.

В Ваших глазах я так и остался дичок дичком, с дичайшим энтузиазмом – уже несмотря на морщины – самоутверждающимся.

А ведь качеством я выше иных! Записной остряк, жох, возведший в принцип, гаер, долго состоящий при музах.

Любимый невзаимно КЛ, я не терял время – чтоб себя не потерять. По крайней мере, видите, нашел себя в писанине, в инете, в эпистолах, на радио.

Путь к славе был много короче, когда б я работал у Вас. Но кто знает, вдруг именно под Вашим покровом случился бы фальстарт.

(Как случился под руководством хороших людей Роднянского и Цекало, которые в Вашем присутствии наняли меня, я блистательно отправлял обязанности ведущего блистательного, но так никем из напыщенного и ханжеского истэблишмента не понятого «Большого куша», – а потом вышвырнули на улицу. Но ничего, я великодушный).

Все Ваши креатуры, конечно, узнаваемы: и моя пятая была б узнаваема, кажи ея семь раз в неделю, а все ж – «поэзия скользит по слуху их, не досягая души».

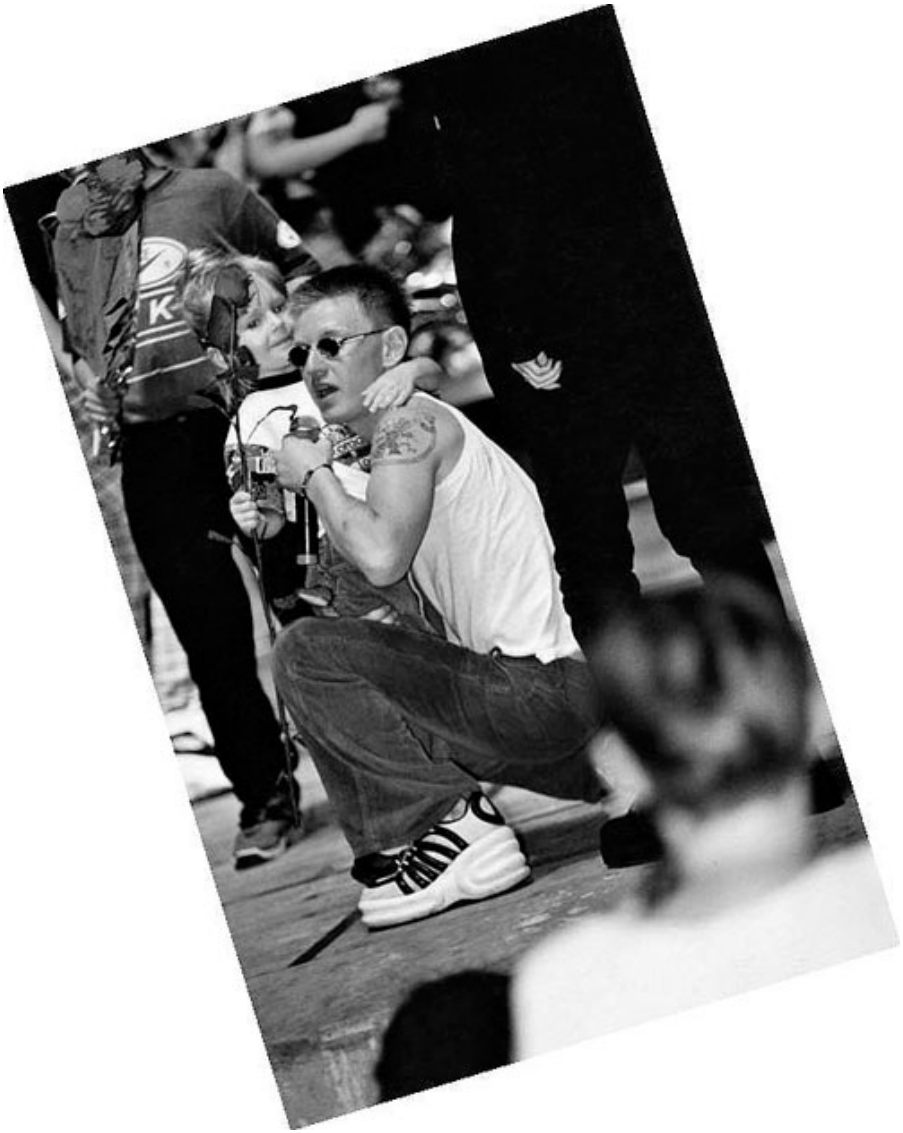
С идеологической точки зрения я, конечно, не слишком правоверен, иногда даже пью виски, а однажды обдал Вашего друга Киркорова винными парами, но Я – демиург, мои дети подтвердят.

Я полон силы и огня.

Если Вы не собираетесь это использовать, то хотя бы имейте в виду.

Ваш Отар Кушанашвили,
разумеется, с пиететом

К сожалению большая часть фотографий из личного архива автора не уместилась в книге. Приносим свои извинения…



Эпилог

Эпилог

Я природный грузин, я щедрый, я тонкий, я из пьесы «Горе от ума», я чувствительный, я раздражительный, я умею останавливать дураков, я отказываюсь играть по общим правилам, я умею говорить изящно, и я умею вести себя антисоциально.

На дикости кругом я реагирую болезненно, они прямо влияют на качество моей жизни, моя писанина – шедеврально.

Я сам себя возвел в герои.

Мои принципы не меняются сорок лет. В голове моей есть место и для демонов, и для ангелов.

Я могу вести «Брэйн-шоу», а могу быть законченным дитятей.

У меня сердце большое – при том что я невелик в метрах-сантиметрах, и сердце мое – счетчик мук моих, а сколько их – их не счесть, что за вопрос, я ведь временами человек эсхатологического сознания, знающий наверняка, что счастье превратно.

Когда дети вырастут, они повертят фотографии в руках и скажут про меня: «По крайней мере, наш-то хоть в чем-то нашел себя».

Мой путь к славе был заполнен фальстартами, но меня хуй остановишь. Потому что не к славе я шел (слава – тварь гиперлегкого поведения), а к такому способу жизни, который подразумевает занятие только тем, к чему душа лежит.

В этой книге, которую супостаты сочтут бредятиной, я вывалил на вас живую хронику борений моей, что ни говори, немаленькой души.

Будет обидно, если книга – безусловно отменная – скользнет по слуху, не досягая души.

Если не обдает вас жаром сердца моего, а только теми страницами, на которых винные пары. Я научился ценить качество жизни, разве это не главное? И я только начинаю.

О. К.

Жизнь видит трезво, но не хмуро
В нем не найдете вы гламура.
При личной встрече очень прост,
Ответит на любой вопрос.

Ведет беседу остроумно,
Тактично, весело, не шумно,
Не поучая, не ворча,
Не рубит, словом он с плеча,
Но и в карман за ним не ходит.
Такое впечатление производит.
Ценитель виски и сигар Наш человек Отар!

Юрий Голото, south62

Спасибо!

Телеканалу ДТВ. Я искал себя, канал меня приютил, непутевого, но славного парня.

Александру Ивановичу Куприянову, радио «Комсомольская правда», начальнику и поэту, колоритнейшему пацану. Всей банде означенного радио.

Бари Каримовичу Алибасову, своим неуемным примером научившему главной идеологии скоростных хаусов! «Живи!!!»

Режиссеру Стивену Содербергу за трилогию про Оушена и пацанов.

Кате Остапенко. За жажду жизни, за тягу к свету (который я символизирую).

Группам TAKE THAT и N'SINC. Персонально мировому парню Гари Барлоу.

Владимиру Матецкому. Большей умницы нет.

Дмитрию Витковскому. Всегда рядом. За точность, за юмор, за слог.

Роману Билык за песню «Напитки покрепче, Слова покороче» (точная диаграмма моего душевного состояния).

Александру Зильберту, Игорю Коцу, «Советский спорт». Вернули мне вкус к жизни!

Вадиму Казаченко за вокальную акробатику.

Лолите Милявской за уверенность, что мне место – в журналистике, а не среди чертей.

Журналу «Афиша» за смачную журналистику.

Журналу «Папарацци» (Чамину, Устенко, Козаку) за солидарность с моим стилем.

Илье Казакову, пресс-аташе Российской сборной по футболу, ведущий России-2, за стиль, за улыбчивость.

Дмитрию Шавырину – за газету «Джокер», за то, что одним из первых публиковал эту смесь салонности и подворотни.

Павлу Буре, Татьяне Львовне Буре, Анзору Аксентьеву-Кикалишвили – за отношение, которое боюсь разменять на медяки.

Сергею Анохину – за то, что умеет отвечать на вызовы, за то, что мы на параллельных путях.

Роману Марченкову, он же Калужский – за то, что был, есть и будет самым лучезарным мошенником в масс-медиа.

Андрею Васильеву, экс-Ъ – за то, что он даже в подпитии глыба.

Раннему **Евгению Евтушенко**.

Александру Вулых – за газету «Ночное рандеву», за то, что не стареет.

Владимиру Петровичу Преснякову – за самую обаятельную легендарность.

Олегу Братишко и газете «Версия» – за безоговорочное приятие моих невозможно вычурных текстов.

Александру Никитину – за самоотречение в работе и смех на двоих на гастролях.

Елене Демидовой – за дисциплину и многодетность (ее).

Тане Ковалевой – за поддержку. Арнольду Спиваковскому – за то, что помогает, веруя в мою особость.

Паше А. Бурову – за то, что призрел нервического гения в «Версии»; за то, что помогает.

Жоржу Полински, Евразийская Медиа Групп; **Юрию Аксюте**, 1-й канал; **Александру Полесицкому** – за то, что они люди хороших правил.

Марине Шишкиной – за неизменность фарфоровую.

Марине и Оле – за беспримерную преданность.

Олесе Носовой, Наташе Вороной, Артему «Бертолуччи», KP RU – за солидарность со мной всегда и везде.

Виктору и Мише (Неглинная, 16; Садовая-Спасская, 19; Таганская площадь, 12).

Труженикам веселой и умной индустрии развлечений – за то, что они веселые и умные.

Эллине Кушанашвили, Георгию и Николозу Кушанашвили – на коленях пред вами: я все наверстаю!

Марине Хилькевич, РСН – за подозрительное мнение, что я – гений; за обаяние.

Сергею Доренко, РСН – за неминуемое работодательство (если Сунгоркин не подсуетится, Ким Ир Сэн «Комсомольской Правды»), за блестящий ум.

Мечиславу Дмуховскому, «Собеседник» – за то, что, любя, лишил иллюзий и вернул к работе.

«Comedy Club» – за то, что хорошие, за то, что признают меня предтечей.

Руслану Абашидзе и всему грузинскому спецназу – за то, что – мои.

Себе – за то, что выстоял.

Сумеречным трем годам, когда я голодал, но скрывал 2007–2010 г.

notes

Примечания

1

Материал был опубликован в апреле 2010 года. Фотографы: Иван Куренной и Максим Мармур.